
ОГО
№ 12
ИЗДАТЕЛ

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 12 (2125)

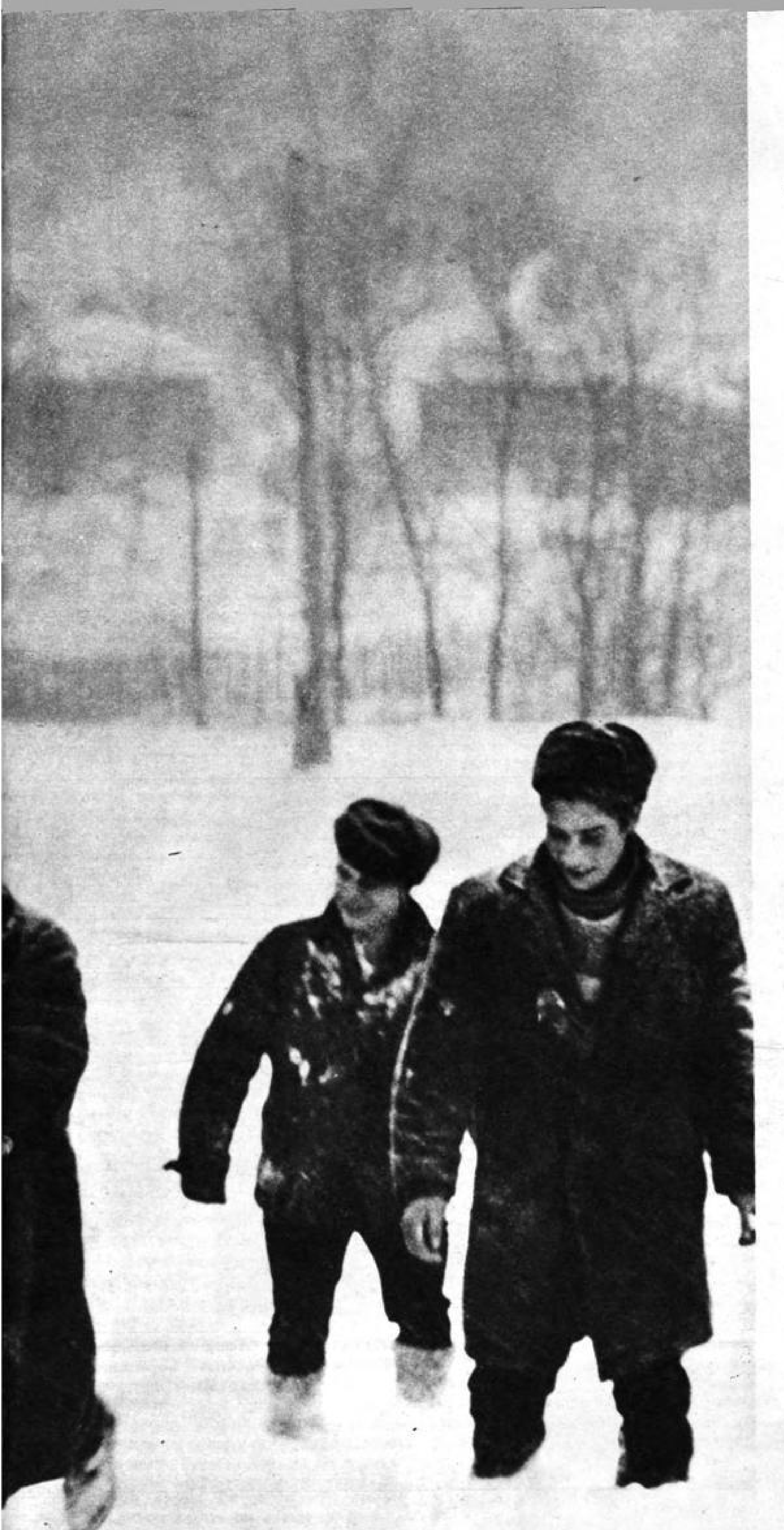
16 МАРТА 1968

Основан 1 апреля 1923 года

Молодежь колхоза «Красный маяк». О них наш сегодняшний репортаж.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ...

Н. ХРАБРОВА, С. АЗАРОВ

Фото М. САВИНА.

Сначала неслась навстречу алмазная, в лунном инее ночь. Потом проснулось румяное с морозу солнце, расплескало зарю по снегам, встали люди, и было видно, как ходят они и спешат за тысячами своих золотых окон. А дорога все летела в завтра, все искрилось пространство, и гудела в ушах современная русская попутная песня — гул моторов. Еще и утро не кончилось, а мы оказались в самой сердцевинке России, в краях тургеневских, орловско-калужских; и легендарные сумрачно-серебряные брянские боры краем вышли сюда. Вот здесь где-то и охотился Иван Сергеевич Тургенев, отсыпался в сенном сарае у Хоря, слушал Калиныча, пробовал мед с запахом цвета липы и гречихи, пил ключевую воду. И ключевая струйка тургеневской речи полилась отсюда в поющий океан русского языка.

Рассказывают, что всего несколько лет назад здесь скончалась последняя внучка Хоря. А на том месте, где был его хуторок, стоит теперь Хоревка — о восемнадцати дворах и девяти телевизионных антеннах — обычная колхозная деревенька. И еще такие же деревни, большие и малые, стоят у дорог, под белыми ветками берез, под высокими антеннами, и на скатах сугробов пестреет извечно радостный народ мальчишек и девчонок с лыжами и санками. И деревня Афанасово, в которую мы приехали, такая же. Здесь центральная усадьба колхоза «Красный маяк», нас интересующего.

Не уезжает отсюда молодежь, а кто поколесил по белому свету, вернулся обратно. Захотелось нам поглядеть на их жизнь, увидеть все своими глазами. Для убедительности большей захватили с собой своеобразные анкеты, или, если хотите, вопросники, составленные нами заранее.

В правлении колхоза навстречу нам поднялась женщина:

— Дмитрий Васильевич (это председатель колхоза) в отпуске, в санатории. Я постараюсь помочь вам. Меня зовут Ольга Алексеевна, я колхозный парторг. Да, так почему же вы привезли для нашей молодежи только тридцать анкет? Можно бы и вдвое больше. Видите ли, у нас в колхозе всего около трехсот человек работает на производстве, а молодежи — я имею в виду молодежь в возрасте до двадцати семи-восьми лет — их у нас, пожалуй, человек шестьдесят будет, все свои, местные.

Сама Ольга Алексеевна, кстати, тоже родилась здесь. Училась, потом окончила в Москве педагогический институт и снова вернулась в родные места. В общей сложности двадцать лет проработала в школе. В 1961 году ее избрали колхозным парторгом; она с трудом оторвалась от школы с условием: всего на год. Но вот уже седьмой год большая колхозная партийная организация решает: в школу Ольгу Алексеевну пока не отпускать, а завучем стал ее муж, Александр Васильевич Володин.

Ольга Алексеевна, оказавшись за стенами школы, по-новому взглянула на своих учеников. Как же непохожи они на ее довоенных семнадцатилетних сверстников, которым в те времена не всякий раз удавалось закончить и начальную школу. Нынешние начитанны, увлечены математикой, физикой, химией. От созвездия Лиры, от молекул ДНК, от комплексных чисел, от алых парусов литературы ведь не каждого потянет в навоз свинарников и ферм, в борозды небогатой, не защищенной от избытка дождей и солнца земли...

Все это так. И не так. Пусть математикам достается математика! А прирожденным агрономам, биологам, ветеринарам — земля! Сколько вот таких молодых и сильных людей, как бывший ее

ученик, теперь председатель колхоза Дмитрий Васильевич Якушин и его жена — агроном Нина Никитична, людей, влюбленных в деревню. Конечно, были иные, которые мыкались по нянькам и домработницам и жили по поговорке: ни к селу, ни к городу. Постаревших матерей оставляли порой без поддержки и не вспоминали о том, что родные деревни все меньше и темнее становятся без них, молодых...

От этих раздумий Ольга Алексеевна становилась беспощадной к себе.

— Наша это недоработка — учительская, комсомольская, партийная. Что мы сделали для своих тянущихся к лучшей жизни ребят? Какой духовный заряд им дали? Надо жизнь деревенскую замесить по-новому. Что будем делать, Дмитрий Васильевич?

Недаром же председатель — бывший ученик парторга: они и думали одинаково и как бы мысли друг друга читали. Якушин сказал:

— А попробуем-ка для тех, кто перейдет из школы сразу на производство, гарантировать оплату за месяц: по сорок рублей в животноводстве и по двадцать пять, а потом и по тридцать в полеводстве.

— Ну-ну. А еще я думала над тем, что колхозу нужно много специалистов. Если посылать восьмиклассников и десятиклассников после школы по колхозным путевкам, на колхозный счет учиться в техникумы, на курсы механизаторов,— выдюжит ли наш бюджет?

— Многих сразу не выдюжит. А нескольких пошлем.

С этого все и началось, с этим они и пошли в школу, в восьмой класс. И Таня Ивашкина поднялась, улыбнулась и сказала:

— Я на этих условиях останусь, Ольга Алексеевна. Я ведь все время помогаю маме доить. Я справлюсь.

Было это пять лет назад. За эти годы Таня стала одной из лучших доярок колхоза, вышла замуж, и растит двух детей, и успела окончить одиннадцать классов вечерней школы. Дом у нее под горкой хорош и уютен — полная чаша. А вот свекровь Танина недовольна:

— Что-то все посылает и посылает колхоз молодежь в техникумы учиться, а Татьяна как же?

Ну и свекрови пошли нынче!

Считается в колхозе, что после Таниного решения и стала оставаться молодежь дома. Не удивительно, что на первый вопрос нашей редакционной анкеты: «Удовлетворен ли ты бытовыми и культурными условиями жизни в деревне?» — ответы получились положительными. Тридцать «да». А Тоня Фомкина, колхозный библиотекарь, написала: «По сельским возможностям — хороши».

Вот анкета Нади Исаевой. Девятнадцать лет Наде, и так хотелось бы подробнее написать о том, как хороша она с горячими от работы и мороза щеками, с густой копной темных волос и индийскими, на современный манер, глазами. И о том, как много успела она сделать за свою короткую жизнь: три года работает дояркой, а сейчас еще и фермой заведует, заканчивает одиннадцатый класс вечерней школы и даже за границей уже успела побывать — ездила в Польшу с делега-

Валерий Акимцев: «Работаю по специальности. Все нормально».

Владимир Родин и Иван Миронов — оба электрики. И планы у обоих одинаковые — поступить в техникум, работать в колхозе.

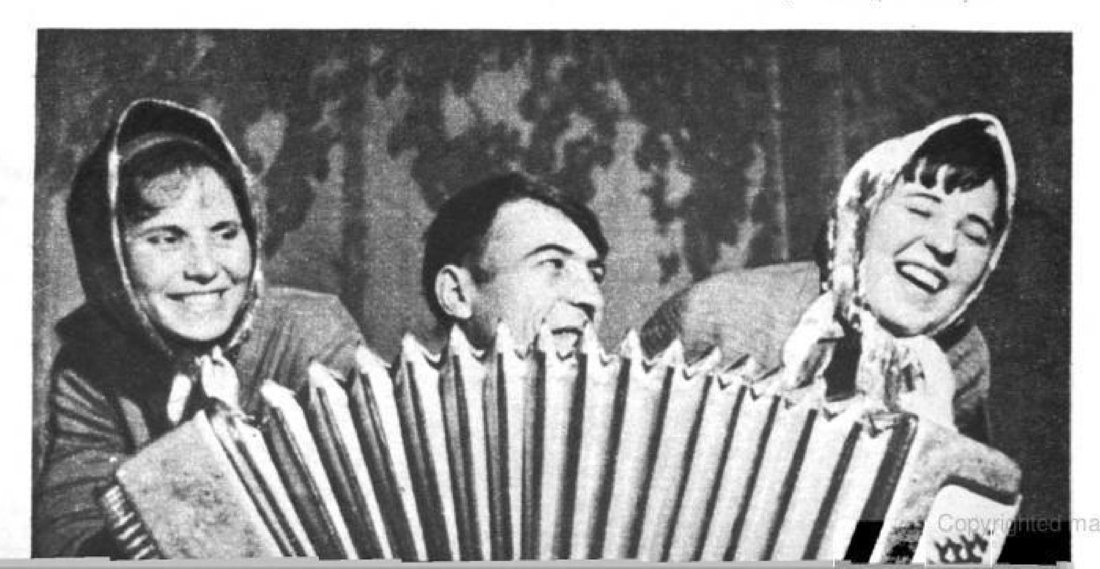

Библиотекарь Тоня Фомкина: «Живем по сельским возможностям хорошо».

Фанна Крылова: «Я здесь десять лет. Уезжать не собираюсь».

Колхозные частушки. Телятница Нина Кичемасова, заведующий клубом Валентин Смирнов, телятница Нина Астахова.

цией советской молодежи. Но анкета есть анкета, и из нее мы узнаем, что Надя никуда из колхоза не уезжала, а в планах у нее — получить высшее сельскохозяйственное образование.

Лариса Володина. Тоненькая, синеглазая, изящная, очень живая и доброжелательная. Двадцать лет. Образование среднее, но работает уже учительницей — преподает в школе немецкий язык, читает немецкие книги, переписывается с семьей из ГДР.

— Не скучаете в деревне, Лариса? Особенно зимой,— спрашиваем у нее.

— Что вы, когда же скучать? В свободное время хожу на лыжах, стреляю, играю в теннис и бадминтон. Да вы поживите у нас подольше, увидите, как здесь славно. Я люблю Афанасово. Думаю, что поступлю в институт, а когда кончу, останусь здесь, как родители.

Догадываетесь? Лариса — дочь Ольги Алексеевны и Александра Васильевича Володиных.

Люба Алексанова—младший ветфельдшер. Светловолоса, голубоглаза, голос низкий и звучный, и сыплет остротами так, что не глядя слышишь: Люба пришла и хохочет вместе со всеми. Люба уезжала в Жиздру, на курсы младших ветфельдшеров, и вернулась домой потому, что здесь есть работа по специальности. Планы на ближайшие годы: окончить заочно техникум, в котором она сейчас занимается, и работать в своем колхозе.

Две подружки, две Нины: Кичемасова и Астахова. Обе телятницы, обе студентки техникума, сочинительницы и исполнительницы колхозных частушек. В свободное время читают, учатся, ходят в кино и на спевки, занимаются всеми видами спорта, кроме стрельбы.

Валя Гришина. Образование среднее, работает уже два года дояркой, пока не учится, но на вопрос о планах на будущее отвечает: «Буду учиться».

И оказалось, что двадцать девять человек намерены остаться в своем колхозе, тридцатый — тракторист Леонид Александрович Гудков в возрасте восемнадцати лет — решил: «Если после армии моя мечта не сбудется, вернусь в колхоз».

«Вернусь в колхоз...» Вот мы и подошли к самому щекотливому вопросу: «Если уезжали из колхоза, то что побудило вернуться снова?» Уезжали, кстати четырнадцать человек, все больше парни. Возвращались по разным причинам. Две анкеты попросили у нас не очень уж молодые — заправщик Дмитрий Васильевич Крылов, 35 лет, и электрик Иван Сергеевич Миронов, 41 год. «Мы хотим заполнить эти анкеты как люди, побывавшие в городах и окончательно осевшие в колхозе». На вопрос: «Что побудило Вас вернуться в колхоз?» — Дмитрий Васильевич написал: «Родная сторона. Хозяйство. Мать моя здесь живет. В городе мне жилось труднее». Ответ Ивана Сергеевича: «По специальности я электрик, в колхозе появилась работа по этой специальности, и я решил работать в сельском хозяйстве».

Так как в анкете вопроса о взгляде Ивана Сергеевича на дальнейшее колхозное будущее не было, он сказал нам устно:

— Вот проложили бы везде асфальт, увеличили бы еще немного заработок, столовую открыли — народ валом повалил бы в деревню из таких городков, как, например, Козельск. Да и из больших стали бы возвращаться.

Уезжала на поиски лучшей жизни и молодежь. Александр Мишин, Владимир Попов, Анатолий Ивашкин и Валентин Смирнов в графе: «Что побудило вернуться?» — написали: «Семейное положение». Это значит, что мать ждала или молодая жена.

А Юра Коротаев, Юра Тимохин и Александр Коротаев ответили: «Появилась возможность работать по специальности».

Или вот еще четыре откровенных признания.

Владимиру Родину 24 года. Он успел и в армии послужить и в городе поработать. Вернулся в колхоз, работает электриком, руководит молодежным спортивным коллективом. На вопрос о причине возвращения он ответил: «Потому что люблю свою природу».

Нина Амеличкина, двадцати трех лет, уезжавшая работать в совхоз, написала: «Потянуло домой».

Таня Проничкина, восемнадцати лет, после восьмилетки попробовала уехать на работу в город, вернулась, сейчас работает в полеводстве. Она написала: «Захотелось в родную деревню».

А Иван Жуков, девятнадцатилетний механизатор, специалист широкого плана — шофер, тракторист, автослесарь,— человек, нужный в городе на любом предприятии, ответил на этот вопрос анкеты так: «Жизнь и природа».

Жизнь и природа. Вот она здесь, вся на виду, деревенская жизнь и природа. Пробежал, просверкал снежными самоцветами зимний день, заструилась по белым улицам синяя мгла сумерек, и загорелись в Афанасове золотые окна. И видно было, как пришли домой с работы, с дойки, с вывозки торфа усталые люди — а на какой работе не устаешь? — как затопили печи, включили телевизоры. И видно было, какая теплая, наперекор зиме, началась за окнами вечерняя деревенская жизнь. Потом клуб засветился всеми окнами — это окончился киносеанс и начались танцы, а между танцами — игра на недавно приобретенном бильярде. И окна школы засветились: начались вечерние занятия. И жизнь не затихала долго. Уже после полуночи возвращались ребята из клуба и из школы. Возвращались по залитым лунным светом улицам, шли по двое. Кстати, на вопрос, который мы адресовали девушкам и который казался нам в редакции особенно сложным — «Есть ли в колхозе условия для создания семейной жизни?»,— мы получили лишь один отрицательный ответ. Вопрос заинтересовал не только девушек. «За» высказались семь представителей сильного пола, а умудренные жизненным опытом Дмитрий Васильевич Крылов и Иван Сергеевич Миронов добавили: колхоз дает ссуду и строительные материалы.

Те же, кому исполнилось всего восемнадцать и девятнадцать, загибая пальцы и усмехаясь, подсчитали, что парней и девушек в колхозе поровну, да и в соседних колхозах кто-то есть на примете, и написали «да».

Уезжая, мы спросили Ольгу Алексеевну, парторга:

— Кроме гарантированной оплаты труда, кроме возможности учиться и строиться, что еще колхоз дает молодежи?

— Ну, клуб наш видели? Не бог весть какой архитектурной красы сооружение, из старого перестроенное. Но зато там паровое отопление есть, истопники в три смены работают, шесть раз в неделю бывает кино, а репетиции, игры, танцы происходят в клубе в любое время — когда у кого свободный час найдется.

— А что вам хотелось бы еще сделать для дальнейшего улучшения жизни?

— Усовершенствовать хозяйство и, следовательно, повысить заработки. Хотелось бы, чтобы в магазин завозили для молодежи побольше модной одежды и обуви. Спортивного инвентаря надо бы прикупить. Поскорее открыть столовую. Раздобыть дорожные машины и асфальт. Построить в самом Афанасове посадочную площадку для самолетов и хотя бы маленький домик аэропорта. Вот, пожалуй, вопросы транспорта я поставила бы на первое место: ребятам нашим часто ведь надо в город ездить — на сессии, лекции, консультации...

* * *

Наверное, найдутся среди читателей такие, которые сочтут «Красный маяк» слишком благополучным островком, чрезвычайно легко и быстро решившим сложные проблемы жизни молодежи в деревне. И тут надо под этот островок подвести экономическую базу. Не на кофейной гуще держится он, а на прочном фундаменте. Фундамент этот из гречихи. Дело в том, что повышение закупочных цен на зерновые чрезвычайно благоприятно сказалось на доходах «Красного маяка». Колхоз уже несколько лет получает хорошие урожаи гречихи. А про гречиху в решениях мартовского Пленума сказано, что начиная с 1965 года государство платит колхозу за тонну гречихи 300 рублей да плюс к этому надбавки. Так благодаря гречихе богатеют и колхоз и колхозники. Очень помогли и удобрения, которые стали поступать на поля, торф, который будет улучшать пашни обычной среднерусской полосы...

Растут урожаи — растут и доходы. У колхоза появилась возможность иметь своих стипендиатов в учебных заведениях, а потом, когда они получат образование,— определять на работу по специальности и заботиться о молодежи, ее отдыхе, спорте и культуре.

Это отнюдь не значит, что молодежь «Красного маяка» живет как у христа за пазухой и что у нее нет никаких тревог и проблем. Девушкам-дояркам, так же как и везде, трудно работать на ферме, и они ставят перед руководством колхоза вопрос о сменной работе. Проблема? Наверное, да. И немалая. Тем, кто учится заочно, пока еще трудно добираться в город на лекции и консультации, и вопрос о строительстве хотя бы самого маленького аэропорта, а это несложно, потому что пассажирская авиалиния проходит недалеко, и «ветку» построить возможно и надо. Проблема? Желание одеваться современно и модно — проблема? Мысль о том, что нельзя останавливаться на достигнутом, надо постоянно повышать свою сельскохозяйственную квалификацию так же, как повышают ее рабочие на заводах. Проблема?

Так что, пожалуй, не стоит приписывать девушкам и парням из калужского колхоза эдакое деревенское смирение и патриархальное доброжелательство к жизни. Нет, они умеют жить насыщенно и современно, кое в чем насыщеннее и современнее, чем фланирующая по вечерним городским тротуарам в широких клешах и окладистых бородах некая часть городской молодежи. Трудностей и проблем в «Красном маяке» еще сколько угодно. Важно то, что здесь не сидят сложа руки, не плывут по течению, не бегут отсюда на поиски лучшей жизни, а перестраивают и улучшают ее сами.

Пишите нам, несогласные,— поспорим, и согласные тоже пишите: подумаем вместе о том, как может жить и как должна жить молодежь в современной деревне.

От имени Союза Советских Социалистических Республик Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подписывает Декларацию совещания Политического Консультативного Комитета стран — участниц Варшавского Договора.

Фото спецкора ТАСС В. Соболева.

ЗНАМЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА — В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Два события огромной важности привлекают сейчас внимание всего мира: Консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшаяся недавно в Будапеште, и совещание Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора, которое происходило 6—7 марта в Софии.

В мире, над которым нависли тучи опаснейших империалистических происков, где каждый народ может оказаться под угрозой империалистической политики разбоя, насилия и войны, чрезвычайно важна сплоченность сил прогресса и социализма. Уже не одно десятилетие на пути агрессивных устремлений империализма стоит солидарность коммунистов — самой передовой части человеческого общества, ядра, вокруг которого собираются те, кто понимает ответственность человека за свою планету. Солидарность коммунистов не только противостоит империалистическим планам закабаления мира, она прокладывает человечеству путь вперед, к миру, демократии и социализму.

Консультативная встреча в Будапеште, где было представлено подавляющее большинство коммунистических и рабочих партий Земли, ярко отражает сознание международным коммунистическим движением этого своего интернационального долга.

Встреча в Будапеште завершилась крупным успехом. В обстановке подлинного демократизма, коллективности и равноправия, основываясь на партийной принципиальности, участники встречи приняли решение о созыве международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Это Совещание должно состояться в Москве в ноябре — декабре 1968 года. В повестку дня, как указывается в коммюнике о Консультативной встрече, будет поставлен один вопрос: «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

Консультативная встреча обратилась ко всем коммунистическим и рабочим партиям, в том числе и к тем, которые по тем или иным причинам не приняли участия в Будапештской встрече, с призывом принять участие в будущем Совещании. В коммюнике подчеркнуто, что все партии могут включиться в подготовительную работу на полноправной основе.

Передовая общественность многих стран расценила итоги встречи в Будапеште как проявление заботы коммунистов мира об укреплении единства коммунистического движения, о солидарности всех революционных сил. Вместе с тем отмечается, что пролетарский интернационализм, руководящий принцип деятельности коммунистов мира, получил на встрече в Будапеште новое доказательство своей силы. Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл, говоря об итогах Будапешта, заявил, что Консультативная встреча продемонстрировала рост интернационального единства коммунистического движения. Венгерская коммунистическая печать писала, что настойчивые, проникнутые духом интернационализма усилия коммунистических и рабочих партий вопреки сложному международному положению, различиям в условиях борьбы отдельных братских партий не были напрасными и принесли плоды. Польская газета «Трибуна люду» отметила: никто уже не может сомневаться, что новое международное Совещание коммунистического движения во имя единения всех сил социализма и демократии в борьбе с империализмом, за национальное и социальное освобождение, за мир во всем мире состоится. В коммунистической печати Уругвая встреча в Будапеште была оценена как новый этап в борьбе за укрепление единства международного коммунистического движения.

Рухнули надежды империалистических кругов, рассчитывавших на то, что коммунисты мира не сумеют прийти к согласованным решениям. Их расчеты на деятельность раскольников оказались построенными на песке. Будапештская встреча показала тщетность усилий раскольнической политики и твердую решимость коммунистического движения преодолеть все трудности и добиться сплочения на принципиальной основе марксизма-ленинизма.

Ярким проявлением единства в Будапеште было принятие Послания солидарности вьетнамскому народу, ведущему мужественную, героическую борьбу против американской агрессии. В этом Послании выражена решимость оказать всю необходимую помощь вьетнамскому народу.

Война во Вьетнаме, навязанная миру американскими империалистами, не случайно заняла важное место в работе Консультативной встречи. Агрессия США против вьетнамского народа — это вызов совести мира, это один из фронтов борьбы империализма против демократии и социализма.

Положение, которое создалось в мире в результате дальнейшего усиления агрессии США против вьетнамского народа, было предметом рассмотрения представителей братских социалистических стран в Софии, на совещании Политического Консультативного Комитета стран — участниц Варшавского Договора.

Участники этого совещания приняли Декларацию об угрозе миру, создавшейся в результате расширения американской агрессии во Вьетнаме. В этой Декларации с исчерпывающей полнотой изложена позиция стран социализма — участниц совещания в связи с созданной американским империализмом угрозой мирному существованию народов. Этот документ предостерегает агрессоров, раздувших пожар войны в Юго-Восточной Азии, об ответственности, которую они взяли на себя перед всем человечеством. Верные принципам пролетарского интернационализма, участники совещания подтвердили, что они и впредь будут оказывать вьетнамскому народу полную поддержку и всю необходимую помощь, в том числе экономическую и средствами обороны. Они вновь подтвердили, что готовы, если будет выражена просьба правительства Демократической Республики Вьетнам, предоставить возможность своим добровольцам направиться во Вьетнам.

В Декларации подчеркивается, что справедливой основой для урегулирования во Вьетнаме является хорошо известная позиция из четырех пунктов правительства ДРВ и программа Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. «Ответственность за то, что переговоры до сих пор не начались, лежит целиком на правительстве США»,— отмечено в Декларации.

В заключение участники совещания заявили в Декларации, что, опираясь на поддержку и помощь антиимпериалистических сил, «вьетнамский народ победит, и правое дело, за которое он борется, восторжествует».

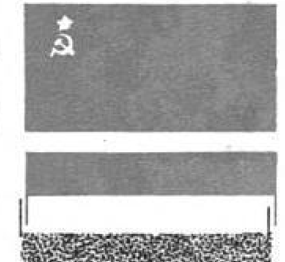
В той же степени, как и Декларация, заботой о мире проникнуто и Заявление, которое было принято на совещании в Софии, где Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Советский Союз и Чехословацкая Социалистическая Республика изложили свою позицию по вопросу о нераспространении ядерного оружия. Эти страны высказались за заключение соответствующего международного договора, который должен создать более благоприятные условия для дальнейшей борьбы за прекращение гонки вооружений, в особенности ядерных, за осуществление эффективных мер по запрещению и уничтожению ядерного оружия. В этой связи они отметили, что проект договора о нераспространении ядерного оружия, внесенный СССР на рассмотрение Комитета по разоружению в Женеве, отвечает указанной задаче.

Заявление шести социалистических держав в Софии свидетельствует, что страны социализма являются ведущей силой в борьбе за мир, за обеспечение безопасности в Европе. Это Заявление приобретает особую важность в обстановке, когда западногерманские милитаристы не оставляют своих попыток получить доступ к ядерному оружию.

Два события — Консультативная встреча в Будапеште и совещание в Софии — еще долго будут оставаться в центре внимания мира. Они служат доказательством тому, что в борьбе против сил войны и агрессии силы мира и социализма сплачиваются во имя защиты человечества от угрозы, которую несет империализм, во имя развития успехов социализма, освободительного движения, демократии.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

Мы начинаем печатать первые материалы, которые наши читатели прислали на конкурс, посвященный дружбе народов Советского Союза и Венгрии. Объявление об этом конкурсе, проводимом журналом «Огонек» и посольством Венгерской Народной Республики в СССР, было напечатано в седьмом номере «Огонька» за этот год. Девиз конкурса — «Братская дружба».

Пришлите свои рассказы, зарисовки, воспоминания, интересные снимки, документы. Лучшие из них мы опубликуем в «Огоньке».

Напоминаем: материалы, размером не больше 4—5 страниц на машинке, должны быть получены редакцией не позднее 25 апреля.

Победителей конкурса определит жюри, в которое войдут представители посольства Венгрии в Москве, Общества советско-венгерской дружбы и редакции журнала «Огонек».

Победители конкурса получат призы. Первая премия для советских читателей — поездка в Венгрию, для венгерских — в Советский Союз.

Ждем ваших писем, дорогие друзья, и желаем успехов в конкурсе!

Материалы посылайте по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Редакция журнала «Огонек», конкурс «Братская дружба».

П. НИКОЛАЕВ

ПАРЕНЬ ИЗ СТАРОГО МАКЛАУША

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Кончался март 1945 года. На венгерской земле шли упорные бои. Советские войска освобождали город за городом, село за селом. Позади осталось озеро Балатон.

Стрелковый взвод младшего лейтенанта Ивана Фадеева вел тяжелый бой за высоту 265. Под кинжальным огнем пулеметов упал один боец, второй... А потом и командир взвода.

...Сначала родители получили похоронную. «Ваш сын, младший лейтенант Фадеев Иван Степанович, уроженец села Старый Маклауш, Клявлинского района, Куйбышевской области, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 30 марта 1945 года.

Похоронен с отданием воинских почестей в 500 метрах севернее высоты 265 Надьятадского уезда Венгрии...»

Потом письмо его боевых друзей. «Ваш сын погиб в бою с фашистскими извергами... Мы были вместе. Ударил снаряд. Ему в грудь и живот два осколка больших попало. Десять минут был жив, попросил пить. Больше ничего не сказал... При нем были фото в полевой сумке и адрес. Мы, товарищи, участвовали в его похоронах, дали салют. Иван Степанович недавно стал офицером. Был хорошим боевым товарищем. Слава герою! Вечная память!» Дата, неразборчивая подпись.

Кроме письма, родители получили 13 фотографий, среди них карточка неизвестной девушки Юлечки.

В последнем письме от 12 марта 1945 года И. С. Фадеев писал родителям: «Войне скоро конец. Не знаю, доживу ли до этого счастливого дня...»

20 ЛЕТ СПУСТЯ

5 января 1966 года ко мне пришел седой, старый человек. Это был счетовод колхоза имени Ленина Степан Лаврентьевич Фадеев. Он узнал, что наши пионеры собирают материал об участниках Великой Отечественной войны, и попросил меня помочь ему выяснить, где похоронен его сын, сохранилась ли его могила, кто эта девушка Юлечка, жива ли.

Я решил написать письмо в Венгрию на имя военного комиссара Надьятадского района.

И вскоре мы получили ответ со штемпелем «Международное».

Венгерский товарищ — его имя Ласло Банк — сообщил, что он уже начал поиски могилы И. С. Фадеева.

Во втором письме венгерский друг сообщил, что в районе действительно есть высота 265, что он написал около двух десятков писем в разные населенные пункты и ждет ответа. В письмо была вложена крупномасштабная карта того района Венгрии, где погиб парень из Старого Маклауша.

Так началась наша переписка с этим удивительно чутким, по-братски добрым офицером Венгерской народной армии.

СЕЛО ГАЛАМБОК

Вскоре Ласло Банк сообщил: «Я получил письмо из села Галамбок (его название в переводе на русский язык означает голубь, голубка). Там похоронено 9 советских солдат, двое из которых известны, а 7 человек — нет. Постараюсь узнать, кто эти семеро...»

В следующем письме говорилось: «Известно стало, что И. С. Фадеев погиб в 150 метрах от села Надьябаконах... Примерно 15—20 апреля 1945 года солдаты и гражданское население останки из одиночных могил перевезли в общую могилу в селе Галамбок. Поэтому можно точно утверждать, что Иван Степанович Фадеев также похоронен там.

Я был на месте, где он убит и где была его первая могила. Беседовал с человеком, который перевез тело Ивана Степановича Фадеева в братскую могилу. Кроме этого, нам стало известно, что Юлечка — венгерка, но поиски ее пока не дали результатов».

В конце письма Владимир Иванович — так Ласло Банк просил именовать его по-русски — передал сердечный привет родителям погибшего гвардейца.

А потом почтальон принес еще одно письмо от Ласло:

«Посылаю вам фотографии с братской могилы, сделанные пионерским отрядом имени Шандора Петефи села Галамбок».

На обелиске высечено: «Братская могила. Здесь похоронены 9 гвардейцев, погибших смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Среди павших:

Капитан Шульман Мордух Самуилович, рождения 1903 года.

Старший лейтенант Ерохин Иван Васильевич.

Младший лейтенант Иван Степанович Фадеев».

Вместе с письмом майора мы получили записку юных пионеров отряда имени Шандора Петефи:

«Дорогие родители Ивана Степановича Фадеева! Наш пионерский кружок посылает вам фотографии с братской могилы, сделанные в годовщину Великой Октябрьской революции. Ваш сын погиб за нашу Родину в боях с фашистами. Весь наш отряд пионеров шлет вам большое спасибо!» И 24 подписи, сделанные детской рукой, по-русски.

В ответ на это наша пионерская дружина написала письмо венгерским друзьям. «Мы вас очень просим, ребята,— говорилось в нем,— если можно, класть цветы на могилу нашего земляка в дни его рождения и смерти (8 декабря и 30 марта) и в День Победы над фашистской Германией... Давайте будем переписываться, рассказывать о своих школьных делах, будем дружить».

ПОИСКИ НЕ ОКОНЧЕНЫ

Может быть, откликнется Юлечка, чья фотография была найдена в полевой сумке И. С. Фадеева, или отзовутся друзья Ивана, написавшие в Старый Маклауш о гибели командира взвода?

Возможно, удастся выяснить, кто те шесть гвардейцев, которые похоронены в братской могиле Галамбока.

Поиски не окончены.

Куйбышевская область,
станция Клявлино.

Интервью «Огонька»

ВЗЛЕЛЕЯННАЯ ВЕКАМИ

18 МАРТА ИСПОЛНЯЕТСЯ 20 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ БОЛГАРИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В 1948 ГОДУ. РАЗВИВАЯ ТРАДИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И БОЛГАРИЯ ЗАКЛЮЧИЛИ В ПРОШЛОМ ГОДУ НОВЫЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ, КОТОРЫЙ ПОДНИМАЕТ НА НОВУЮ СТУПЕНЬ БРАТСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ДВУМЯ НАШИМИ СТРАНАМИ.

— Март — удачный месяц и для болгар и для русских,— так начал беседу с корреспондентом «Огонька» А. Игнатовым полномочный министр, советник посольства НРБ в Москве товарищ Младен Младенов.— Девяносто лет тому назад в марте завершилось освобождение Болгарии от оттоманского ига. А двадцать лет назад, в марте 1948 года, был подписан болгаро-советский Договор. То, что было тогда записано в виде нескольких статей официального документа, зафиксировало на бумаге чувства, веками лелеемые болгарами к русскому народу. Договор 1948 года мы, болгары, выстрадали.

Конечно, полностью оценить значение какого-либо крупного политического акта современникам подчас нелегко. И тем не менее об огромной роли болгаро-советского Договора сказать можно. Договор, подписанный бессмертным вождем болгарского народа Георгием Димитровым, буквально окрылил наш народ. Мы стали строить новую страну, и с нами был наш старый друг — Советский Союз. Так 1948 год стал воистину рубежом в жизни Болгарии. С тех пор, несмотря на все рифы, а их на нашем пути было и есть немало, болгарский корабль смело идет вперед.

Что ни возьмите — промышленность ли, энергетику,— все это создано в основном с бескорыстной помощью советских людей. В этом году только одна новая электростанция Марица II даст в 10 раз больше тока, чем вся царская Болгария. И если мы начинали после войны с того же уровня, что Греция или Турция, то сегодняшняя Болгария несравнима с этими своими соседями. Электроэнергии, например, мы производим столько, сколько они вместе.

Разумеется, значение договора нельзя сводить только к экономике. Мы поддерживаем дипломатические отношения более чем с 70 странами мира и торговые — почти с сотней государств. Это показатель возросшего авторитета Болгарии в мире.

Политический небосклон над болгаро-советскими отношениями необычайно ясен, и мы уверены, что так будет всегда. Ведь нас сближают и вековая дружба народов, и общая цель — коммунизм, и одна идеология — марксизм-ленинизм, и, наконец, общая внешнеполитическая линия — борьба за мир, за предотвращение новой войны. Между нашими странами и партиями нет и тени разногласий. С самого зарождения наша партия была интернационалистской, и это чувство она сумела воспитать в народе. А показатель интернационализма, как говорил Георгий Димитров,— это отношение к Советскому Союзу.

Вьетнамские патриоты на марше. Они полны решимости освободить свою родину от заокеанских интервентов и их сайгонских марионеток.

Кхесань. Несколько тысяч американских интервентов попали здесь в котел. Их пытаются спасти, снабжая с воздуха.

Этот снимок тоже сделан в Кхесани. Штабеля носилок у американского госпиталя.

Чем глубже завязают агрессоры в своей вьетнамской авантюре, тем более тяжелые потери несут они. На снимке: бронетранспортер собирает убитых американских солдат.

В бессильной ярости интервенты и их сайгонские марионетки творят страшные злодеяния на многострадальной вьетнамской земле. На этом снимке вы видите (справа) американского военнослужащего. Он ухмыляется. Ему кажется странной ситуация, в какой его запечатлел объектив фоторепортера. Еще бы! Слева от него — его... адвокат. Американец попал под американский военный суд за то, что он и его коллеги по кровавому ремеслу отрезали у трупов вьетнамских патриотов уши и пальцы в качестве... сувениров. Адвокат, видно, оказался опытным: варвар отделался денежным штрафом!

Но американские садисты измываются не только над трупами. Они истязают и мучают попавших к ним в руки вьетнамских патриотов. Вот так, как этого.

Год 1968-й в Вашингтоне начался с того, что президент Джонсон в послании «О положении страны» утверждал о непременной победе США во Вьетнаме. В Сайгоне генерал Уэстморленд и посол США Банкер развивали тезис своего президента, заявляя, что «вьетконговцы морально разбиты» и не в состоянии проявить инициативу в войне.

Кстати, эти высказывания опирались не только на высокое самомнение, но и на подсчеты «побед», сделанные на электронно-вычислительных машинах американскими офицерами информации. По этим подсчетам выходило, что «противник при последнем издыхании».

Что ж! У американских стратегов и их вычислительных машин, казалось бы, имелись исходные данные для оптимистических прогнозов. Например, наличие во Вьетнаме вооруженной до зубов полумиллионной американской армии. Или другой пример: на землю Вьетнама уже сброшено американских бомб больше, чем было сброшено на Германию за всю вторую мировую войну.

И вот вооруженные силы Национального фронта освобождения 30 января перешли в общее наступление. Вьетнамские патриоты атаковали агрессоров на протяжении всей системы опорных баз США, протянувшейся на 960 километров от 17-й параллели до дельты Меконга. Даже американская пресса отмечает, что это наступление знаменует собой новый этап борьбы вьетнамского народа: переход от многолетней партизанской войны к единовременным боевым операциям крупного масштаба.

Интервенты, обычно полагавшиеся на свое превосходство в вооружении, впервые испытали на собственной шкуре шквал танковой атаки. Впервые испытали они и что такое попасть в окружение, причем в котле оказалось несколько тысяч человек.

Американские агрессоры несут такие потери в людях и технике, каких они не знали за все годы интервенции. Сама американская печать уже пишет «об опасном истощении американских стратегических ресурсов». Весьма характерно, что в феврале в США была отменена отсрочка на призыв в армию для 350 тысяч выпускников высших учебных заведений.

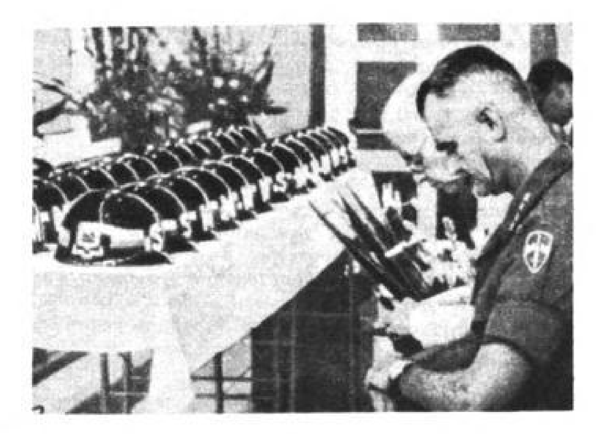
В чем же главная причина успеха наступления сил освобождения? В том, что их активно поддерживает народ. Давно прогнивший марионеточный режим в Южном Вьетнаме пока еще держится только на американских штыках. А Национальный фронт освобождения черпает свои силы во всенародной поддержке. Подводя первые итоги наступательных действий, президиум ЦК Отечественного фронта Вьетнама заявил: «Эти победы являются результатом горячего патриотизма нашего народа, солидарности миллионов наших соотечественников, объединившихся на базе политической программы Национального фронта освобождения».

Варварским уничтожением мирного населения, бомбежками и артиллерийскими обстрелами городов и деревень мстят агрессоры и их лакеи за военные поражения. Даже кварталы Сайгона не избежали такой бомбардировки. Бессильная ярость, уже похожая на агонию!

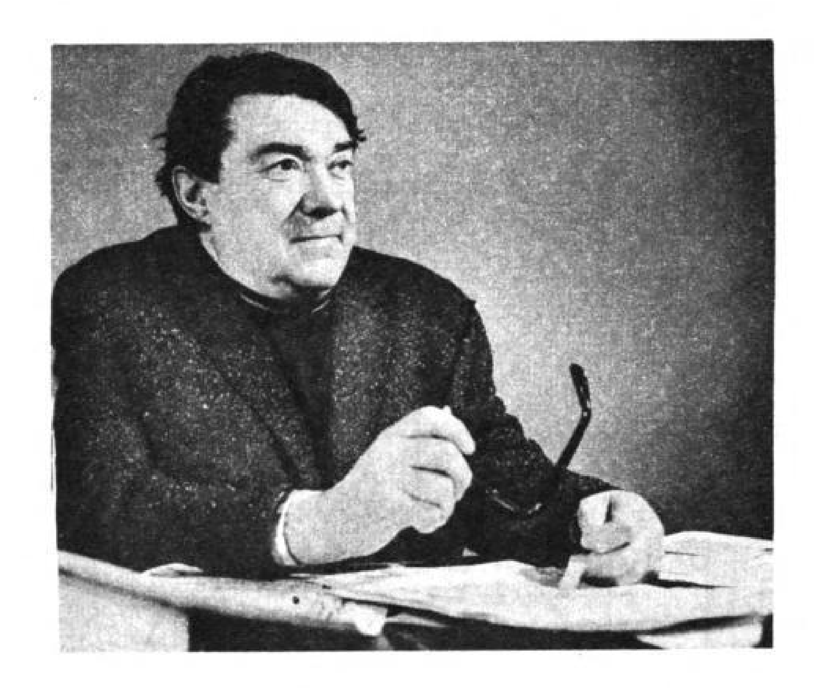
В газете «Нью-Йорк таймс» недавно так говорилось о наступлении сил Армии освобождения: «Военные считают, что эти наступательные операции на широком фронте привели к потере Соединенными Штатами и Южным Вьетнамом (читай: сайгонскими марионетками.— В. Н.) престижа и окажут такое политическое и психологическое воздействие, которое трудно предсказать». Так ли уж трудно, господа из «Нью-Йорк таймс»? Сказав «А», можете говорить и «Б»: близится день победы вьетнамского народа!

Говорят, что лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Поэтому взгляните, читатель, на фотографии, которые публикуются здесь и которые рисуют Южный Вьетнам в начале 1968 года.

В. НИКОЛАЕВ

Родным и близким погибших во Вьетнаме американских парней едва ли станет легче на душе в результате этой лицемерной молитвы над касками убитых. На переднем плане — генерал Уэстморленд, за ним — американский посол в Сайгоне Банкер.

БОРИСУ ПОЛЕВОМУ— ШЕСТЬДЕСЯТ

В день юбилея писателя закономерен разговор о всех его книгах,— наверное, такой разговор и поведут критики и литературоведы.

Но я предпочитаю сказать лишь об одной. И не только потому, что «Огонек», как правило, не предоставляет места для больших критических статей, для них есть «толстые» журналы. И, уж конечно, не потому, что недооцениваю остальные книги Полевого.

Нет, причина в другом. 60 лет — одна из тех высоких гор, на которую поднимается человек. Но если этот человек — писатель, то естественно обратить взоры прежде всего к той творческой вершине, на которую ему удалось подняться: жизнь человека исчисляется годами, но замечательная книга не знает возраста. Лучшей книгой Бориса Полевого была «Повесть о настоящем человеке». Он написал и немало других, обладающих несомненными достоинствами и любимых читателями. Но лучшей была «Повесть».

Кто помнит, сколько лет было Николаю Островскому, когда родился на свет Павка Корчагин? Но эти имена слиты воедино. И по какому поводу ни вспоминали бы мы о писателе-большевике, рядом с ним всегда возникает образ великого Комсомольца.

Я не сомневаюсь, что Полевому предстоит еще много прижизненных юбилеев. Но каждый из них наверняка будет поводом для того, чтобы снова и снова вспоминать о Мересьеве.

Что лежит в основе успеха книги? Талант? Тема? Удачно сконструированный сюжет? Способность задеть читателя «за живое»? Умение, пользуясь выражением французского классика, ласкать фразу до тех пор, пока она не заблестит? Или, наоборот, стремление бросать в читателя словами-ребусами с тайной надеждой, что не найдется мальчика, который осмелится воскликнуть, что король-то гол?..

Почему «Повесть о настоящем человеке» сразу же, после ее появления, стала не только событием в литературной жизни страны, но как бы вошла в плоть и кровь народа? Потому что советский народ, переживший всю горечь поражений первых месяцев войны, а потом познавший всю радость побед, народ, которому предстояло вынести на своих плечах не только свободу и независимость своей Родины, но и судьбу всей мировой цивилизации,— этот народ жаждал такой книги.

Борису Полевому выпало великое счастье: он познал правду жизни, понял, чем живет и чего жаждет народ. Так родилась «Повесть».

Скажете, для этого был нужен еще и талант? Кто спорит!.. Да, нужен, тысячу раз нужен. Но талант устремленный, талант, созвучный народной жизни, талант, обладающий пронзительным зрением и не терпящим фальши слухом.

В мировой литературе есть исполненный горького смеха рассказ о писателе, который тщетно пытался передать в словах, на бумаге, обуревающие его страстные чувства. Увы, ему удалось это сделать лишь тогда, когда улеглась страсть и остыли чувства.

Что ж, бывает и так. И все же я не верю, не хочу верить в это! Я знаю, верю в то, что Полевой никогда не написал бы своей знаменитой книги, если бы в те годы не носил военную форму, если бы не слил свою жизнь с жизнью армии и народа, если бы не страдал и не радовался вместе с ними.

Еще до сих пор жива легенда о том, что настоящий писатель должен стоять в стороне от жизненных бурь, что активное участие в общественной жизни мешает ему...

Что ж, если бы Полевой боялся порохового дыма, если бы о движении сторонников мира узнавал бы лишь из газет, а о редакторских терниях имел бы понятие лишь понаслышке — что ж! — возможно, он и написал бы и еще больше книг. Но каких?.. Паук менее связан с окружающей его жизнью, чем суетливая пчела, но я не знаю человека, который предпочел бы паутину пчелиному меду.

И последнее.

Есть писатели, которые любят праздновать свои юбилеи, то есть принимать личное участие в публичных чествованиях. Есть и те, кто этого не любит. Среди первых есть такие, которые поднимаются на праздничную трибуну для того, чтобы сказать то, что не решились или не сумели сказать в своих книгах, за что-то извиниться, в чем-то заверить и уйти с трибуны лучшими, чем были до сих пор.

Полевой принадлежит ко вторым. Он, насколько я знаю, не празднует своего юбилея и, кажется, собирается уехать или уже уехал куда-то за тридевять земель по делам Движения сторонников мира, в котором активно участвует вот уже два десятилетия.

Убежден, что, поступив так, он ни в чем не проиграл. То, что он хотел сказать людям, он сказал своими книгами, своим общественным поведением. Ему нечего добавить. Ему не от чего отрекаться. Ему нет нужды в чем-то кого-то заверять. Он был и остается сыном своей социалистической эпохи. Он ее певец, точнее, того лучшего, что в этой эпохе было и есть.

Итак, я не говорил о всех книгах Бориса Полевого. Ничего не сказал о «Горячем цехе», который довелось читать еще в рукописи, о «Золоте», о сборнике рассказов «Мы — советские люди», о романе «На диком бреге», о «Докторе Вере» и о многом другом, что еще написал Полевой. Я ценю эти, разные по силе, произведения, но полагаю, что, когда писателю исполняется уже 60 лет, надо говорить о лучшем, что он создал.

Я, кажется, сказал «уже»?

Что ж, заменим это слово на другое. На слово «еще». Скажем: Полевому еще только 60. Это значит, что будут еще и другие юбилеи. А значит, и другие книги. И, может быть, даже еще лучшие, чем замечательная «Повесть». В конце концов разве только спортсменам суждено побивать собственные рекорды?..

Александр ЧАКОВСКИЙ

К 100-летию со дня рождения А. М. Горького

Горький приехал!

Утро было обыкновенное, будничное — 28 мая 1928 года: щедрое майское солнце заливало многолюдные московские улицы, звенели трамваи, обвешанные пассажирами, папиросницы от Моссельпрома предлагали свой ходкий товар, приветливо и мило улыбаясь прохожим (фирма умела «подбирать кадры»); изредка, вперевалку проползали автобусы «лейланд» и «манн» (своих, советских, не было), извозчики еще господствовали на улицах — малочисленные такси «рено» не представляли для них серьезной конкуренции; на окраинах грохотали по булыжным мостовым грузовые обозы; многочисленные магазины и лавки, частные и государственные, открыли свои двери. Москва еще выглядела по-старому, хотя уже начинали бурно прорастать ростки индустриализации — расширялись старые заводы, закладывались новые.

И, как всегда в мае, торжествовала на улицах сирень, ее продавали охапками — свежую, росистую, душистую.

Но день только казался будничным — на самом деле он был необычным.

И первыми оповестили об этом мальчишки-газетчики: «Сегодня в Москву приезжает Максим Горький!»

Москвичи подтягивались к Белорусскому вокзалу — тогда еще по привычке называли его Брестским. Шли делегации предприятий с транспарантами и знаменами, представители пролетарского студенчества, рабкоровских организаций, издательств, театров, а больше всего — вне колонн! — стекался народ, просто, без всякого представительства, валом валил, как говорится, посмотреть, встретить, увидеть своими глазами Горького, который после долгих лет отсутствия возвращался домой, в Москву, на Родину.

Вскоре вокзальная площадь стала тесной. Кто побойчей и расторопней — лез на крыши, на чердаки, кто порасчетливей — садился в поезд, ехал в Фили и возвращался обратно, чтобы задержаться на вокзальных платформах.

Железнодорожники сообщали самые последние новости:

— Поезд вышел из Голицына... из Одинцова... Кунцева...

Почетный красноармейский караул начал подтягиваться, прихорашиваться; оркестры — налаживать свои сияющие медью трубы. Пионеры, выстроившиеся линейкой, напряженно всматривались в сплетение путей, чтобы не пропустить момента, когда покажется наконец поезд.

Мы, тогда очень молодые и очень проворные журналисты, были, разумеется, впереди всех. И мы тоже волновались — и не потому только, что предстояла ответственная работа, но больше всего потому, что приезжал Горький, дорогой нашему сердцу писатель, человек, гражданин. И мы встречали его с радостью, идущей от души, от искренности обуревавших чувств...

Горький. Шутка сказать! Каков он теперь? Как выглядит? Как одет? Какие у него глаза, улыбка, волосы? В памяти с детских лет запечатлелся портрет Максима Горького — в блузе, с длинными, буйными волосами, с лицом мужественным, сильным, выразительным, словно вырубленным из камня.

Встречающих на платформе множество. Вот Константин Сергеевич Станиславский, с серебряной, величественной головой, высокий, статный, с группой артистов Художественного театра. Рядом с ними писатели — Александр Серафимович, Федор Гладков, Всеволод Иванов, Владимир Лидин, совсем еще молодые, с восторженными лицами Леонид Леонов и Александр Фадеев, по-военному подтянутый Матэ Залка со своим другом Иллешем...

Здесь же Орджоникидзе, Луначарский, партийные и советские работники Москвы.

И все взволнованы, напряжены, как бывает всегда, когда ждут дорогого, близкого человека.

Поезд подплыл медленно, спокойно, тихо; какое-то неуловимое движение в дверях, у тамбура, и мы видим редактора «Известий» Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, его добродушные усы, рослую фигуру, старомодное пенсне; директора Госиздата Артемия Багратовича Халатова, известного всей Москве своей ассирийской бородой; Петра Гермогеновича Смидовича, старого большевика, каких-то еще лиц, знакомых и незнакомых, и, наконец, вот он! Горький! Ур-ра! Все кричат «ура», и мы тоже, забыв про свои блокноты и карандаши.

Он высок, строен, несмотря на свои шестьдесят лет, на нем серый костюм, сидящий свободно, просторно и изящно, волосы коротко острижены, усы пробиты сединой. Горький явно утомлен, но приветлив, радушен и вместе с тем как-то стеснен, слегка сконфужен — солнце слепит глаза, он закрывает их рукой. Оркестр играет торжественный марш, но марш тонет в гуле приветственных восклицаний, шуме огромной толпы встречающих. Горького поднимают на руки, он протестует, и, как на другой день написал один из репортеров, «ему дают возможность двигаться самому».

Горький просит мальчика-пионера выбить барабанную дробь, что тот и делает с явным восторгом.

Где он теперь, этот красный от смущения мальчишка? Если он жив, то ему уже пятьдесят лет, но, наверное, эта встреча Горького и до сих пор жива в его сознании.

...Поток людей кое-как втискивается в двери вокзала, заполняет на несколько минут все помещение и выплескивается на площадь, залитую, заполненную, забитую до отказа народом. Гремит такое «ура», что привычные ко всему московские голуби тучей взвиваются вверх и начинают описывать круги в небе.

С грузовика, превращенного в трибуну, говорил Петр Гермогенович Смидович:

— Наш дорогой друг Горький опять с нами. Наш любимый пролетарский писатель, художник слова и друг рабочего класса, он не может быть иным, ибо он видит, что наш пролетариат умеет выявить свою волю, умеет провести в жизнь все, что он хочет...

Не знаю, слышал ли Горький все эти добрые слова привета, он смотрел на площадь, полную восторженных лиц, на несметное число народа, пришедшего встретить его, своего Горького, и плакал, не стыдясь слез. Они текли у него по щекам, он смахивал их, губы у него дрожали...

Свою речь он начал тихо, с трудом подбирая слова, и вся площадь замерла настолько, что слышен стал шелест знамен. Он сказал очень мало:

— Я взволнован... дорогие товарищи! Ваши молодые лица, лица строителей новой жизни... Вы сами не представляете себе в полной мере, какое великое дело вы делаете. Простите меня. Я не могу говорить от волнения. Уж лучше я напишу.

С великим трудом автомобиль, в котором ехал Горький, пробивался через толпы народа. Все теснились к машине, чтобы взглянуть в лицо Горькому, если удастся, пожать ему руку, бросить букет цветов.

Люди выходили из домов, шпалерами становились у тротуаров, повисали на балконах, приветственными криками гремела столица — Горький ехал по Тверской, по той улице, которая через несколько лет стала носить его имя.

На другой день в газетах появилось письмо Горького к работникам советской печати: «Я прошу у работников прессы извинения за то, что я не мог сказать им «несколько слов», как они желали. Изумленный красотою, взволнованный энтузиазмом встречи, я и сейчас не могу уложить в слова мои чувства.

Не знаю, был ли когда-либо и где-либо писатель встречен читателями так дружески и так радостно. Эта радость ошеломила меня...»

«Правда» в редакционной статье, посвященной приезду Горького, писала: «Горький приезжает к нам не как гость. Он нам нужен, как работник, и не за прошлые только заслуги его чествует рабочий класс... Находясь за границей, Горький сотнями нитей связал себя с советской жизнью и литературой. Он сам себя назначил на пост политического и культурного представительства этой литературы и неутомимо защищал ее от бешеных нападок буржуазии и белоэмигрантских отщепенцев».

31 мая 1928 года в Большом театре состоялся торжественный пленум Московского Совета, посвященный приезду Горького.

В приветственной речи Анатолий Васильевич Луначарский назвал Алексея Максимовича лекарем, «прописывающим нам порошки оптимизма». От имени 70 тысяч рабочих Бауманского района зачитывал письмо рабочий Махов. В нем были такие идущие от сердца строчки:

— Ты, Максимыч, хороший парень. Свой парень. Но не будем тебе надоедать... Об одном лишь просим: не уезжай от нас, останься.

Вся Москва в эти дни только и говорила о Горьком. Его избрали почетным членом организации железнодорожников, строителей, пионером. В библиотеках резко подскочил спрос на книги Горького — пробиться к ним было невозможно. Домашняя хозяйка из Сокольников П. Высоцкая писала в «Рабочей Москве»: «Я совершенно серьезно говорю, что из-за Горького мне пришлось с мужем иметь неприятный разговор: раз без обеда оставила, а второй — самовар распаяла: «Мать» читала, так увлеклась, что оторваться не могла». В редакциях всех московских газет с утра трещали телефоны: как можно увидеть Горького? Газеты поместили заметку о работе бюро обслуживания: «В бюро весь день раздаются звонки, спрашивают, где живет Горький, где он остановился, можно ли к нему прийти. Можно только себе представить, что было бы, если бюро давало на все эти вопросы ответы. К счастью, этого не делается. И очень хорошо, ибо надо всячески беречь его силы и здоровье».

Сорок лет прошло с тех пор, как Москва встретила Горького, но в памяти накрепко сохранился этот день — 28 мая 1928 года. День Алексея Максимовича — торжественный, светлый, солнечный, полный народного ликования.

Ник. КРУЖКОВ

Раздумья в табачном дыму

* * *

Я люблю свою родину тихо.
Как она мне бывает мила!
(Для китенка даже китиха
Уютна, тепла и мала.)
Я люблю без лихого гусарства,
Лобызавшего дедов пистоль.
Просто боль моего государства —
Это моя
Боль.

* * *

Деревья надышали небо
За десять миллиардов лет.
Иное криво и согбенно,
И кажется — в нем жизни нет.

Оно весной шуршит все тише,
Понуро стоя над ручьем,
И все же дышит, дышит, дышит,
Не помышляя ни о чем.

И эту сложную заботу
Не покидая ни на миг,
Стоит оно сродни заводу
И поучает нас самих.

О милый деревянный идол!
Как не склониться пред тобой?
Ты людям древесину выдал,
Ты дал им скрипку и гобой,

Избу, и шхуну, и посуду,
Но даже, сгорбясь и склонясь,
Ты дал понять, что небо всюду —
И в вышине и вокруг нас.

Душа! Пускай судьбишка плачет,
Тебя не одолеет быт:
Ты обитаешь в небе — значит,
Обязана счастливой быть.

* * *

Какое сложное явленье — дерево.
Вглядитесь: в каждом — облик утомленный.
Ему на долю пало дело древнее:
Оно глотает солнце, как лимоны,

Потом зеленой хвоей и листвой
Раздаривает это солнце.
Заснет. Но исполинский подвиг свой
Опять свершает тут же, как проснется.

В нем жизни вековое волшебство,
В нем бьются воды, что волны покрепче.
Оно шумит, шуршит, и что-то шепчет,
И хочет, чтобы поняли его.

Оно страдает молча. Я прочел
В его морщинах горести нежданные...

Стул деревянен. Деревянен стол.
Но дерево — оно не деревянное.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДУБ

Вы думаете: «Коли дуб, так туп».
А ты пойми нутро его глубинное —
И вдруг услышишь сердце голубиное...
Вот, например, вот этот белый дуб:

Обученный за это лето грамоте,
Стоит он, как философ, меж столбов,
В нем имена всех девушек для памяти
И «Люба плюс Сергей равно л ю б о в ь».

Он сохранит все эти имена,
Ни буковки одной не искорежа.
Он знает, что в иные времена
Придут к нему и Люба и Сережа,

Придут, седые, и с дрожаньем губ
Прошепчут имена, как откровенье,
И он вернет им юность на мгновенье,
Сентиментальный толстокожий дуб.

* * *

Пока на свете есть хоть одна
Пеночка, хоть один дуб,
Пока человечьему сердцу дана
Радость от зрелища звездных групп,

Пока девчонки в оплывах реки
Лихо визжат ни с того ни с сего,—
Нам бедовать совсем не с руки:
Выше жизни нет ничего.

Беда не брод: не ведет никуда,
Но можно с песней ее перейти,
Ибо подлинная беда
Всегда впереди.

ПАМЯТИ ХЕМИНГУЭЯ

Хоть мой предел уж недалек,
Не вижу в страхе толка:
Ведь смерть легка, как мотылек,
Она покой. И только.
Терзает нас совсем не смерть,
Нет, это жизнь терзает.
Вздохнуть сердчишку не суметь.
Сердчишко,
Словно заяц,
Удрать из клетки норовит,
И быт его ужасен.
А смерть? У смерти страшный вид,
Но это все от басен.

Я обожаю жизнь. Но как?
Страданьями унижен,
Таишь в себе, допустим, рак...
Какая это жизнь?
Как будто бы стакан воды
На голове проносишь.
А смерть — спасенье от беды,
Ты сам о смерти просишь.
Но здесь не бездна. Пусть покой
Да и на многи лета,
Но есть за смертью путь прямой,
И это не легенда:
Ты в мир от смертного одра
Шагнешь, брат, как из пушки.
Вселенная в одном щедра,
В другом скупа, как Плюшкин,
А потому ты повторим!
(Быть может, был ты дедушкой своим.)

ОБИДА

Обида — сладкое чувство.
Вы не швыряйтесь обидой:
Узка у нее орбита —
Чуткости в ней не густо,
Бестактна она, небрежна.
(О, как ее чувствуют дети!)
Но боль от нее, заметьте,
Бывает особенно нежной.

И ходишь, грустью овитый,
И улыбаешься слабо,
Смакуя свою обиду,
Как мишка, сосущий лапу,
Как рысь, что печенку гложет,
От горечи обжигаясь.
Враг обидеть не может,
Только друг обижает.
Тайна этой боли
Точно несчастный случай:
Ведь знают все, что ты лучше
Своей несуразной доли,
И сам ты знаешь об этом,
И в этом-то вся и сладость...
А ходишь пред целым светом
Чувствуя томную слабость.

Но главное в этой печали
Не подавать вида,
Будто тебя развенчали
И оттого обида.

Обида — хмелинка такая,
Что опьяняет думы,—
Что-нибудь вроде токая,
Хереса или «мумма»;
Она помогает иному
Постичь глубину событий,
Она помогает гному
Вверх расти на обиде,
Она озарения вроде,
Как счастье, достойна тоста!
Но счастье вечно уходит,
Обида всегда остается.

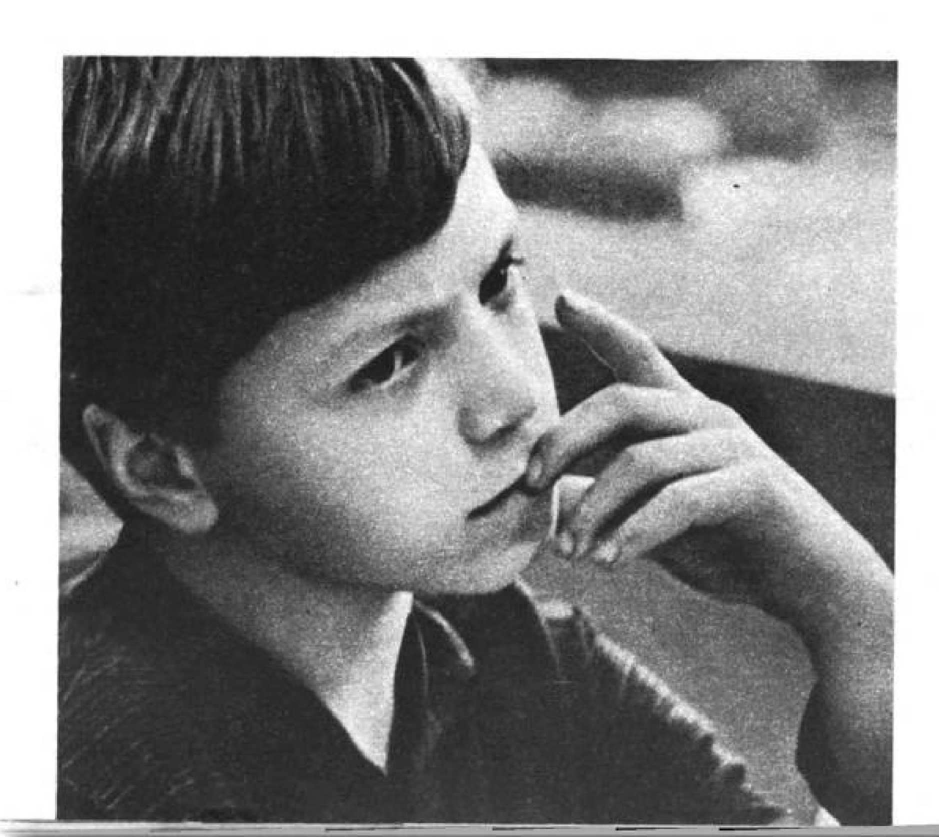
НЕВЕЖЕСТВО И ТУПОУМИЕ

Невежество и тупоумие —
Два быка в телеге культуры.
Везут они, дюже угрюмые,
Ароматы гниющей халтуры.

Но бывает время суровое:
Груз меняется
без сожаленья,
Выпрягается пара соловая
Для упряжки гнедых оленей.

Какое чудесное зрелище!
Но быт —
крепкий орешек:
Едва эпохе задремлется,
Быки забодают олешек.

ЭКЗАМЕНЫ КАЖ

„Спросят или не спросят меня сегодня?» Кто из школьников не задавал себе этот вопрос! А в классе Генриха Хартмана, учителя школы имени Вильгельма Пика в Берлине, спрашивают всех учеников на каждом уроке. Не может быть? Сейчас убедитесь.

Генрих Хартман хочет, чтобы все его ученики отлично знали предмет. Человек, влюбленный в свое дело, он ищет новые методы преподавания. Его внимание, естественно, привлекли обучающие машины. По чертежам машин, уже имеющихся в СССР и США, ученики 9-го класса приготовили простейшие обучающие аппараты. И вот они установлены в классе.

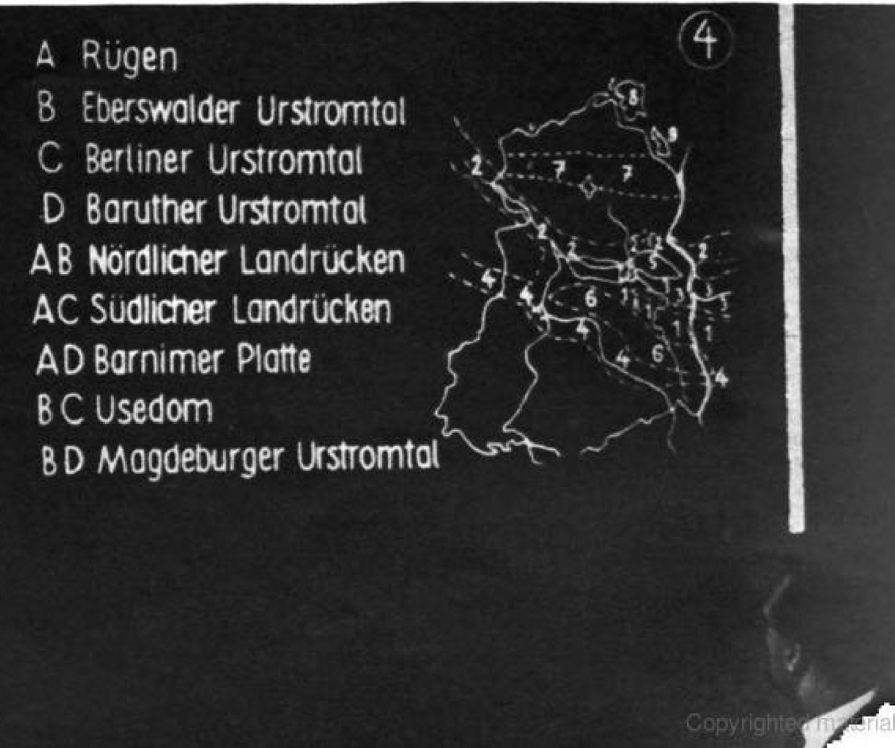
— Главное,— говорит Хартман,— это то, что учащихся больше не нужно заставлять работать. Все они одинаково активно участвуют в уроке. Все работают добровольно и, что еще важнее, с увлечением. В противоположном конце класса стоит проекционный аппарат, которым я управляю со своего места. Он проецирует на доску вопрос и несколько вариантов ответа. Перед каждым учеником небольшой аппарат с кнопками. Нажимая на них в определенной последовательности, учащийся выбирает один из предложенных ему ответов. У меня на кафедре контрольная аппаратура, показывающая мне, кто как ответил. Я, в свою очередь, сообщаю каждому, прав он или нет. Мы были даже удивлены тем, с какой радостью ребята реагировали на зажигающийся на парте зеленый сигнал, который свидетельствует о правильном ответе. В первое время нам даже приходилось успокаивать учеников.

Теперь,— продолжает товарищ Хартман,— я могу каждому поставить оценку в конце занятия — ведь я постоянно в курсе того, как мои ученики подготовили домашние уроки и усвоили материал в классе. Это привело к тому, что знания всех ребят стали прочнее, а отсюда и оценки гораздо лучше. Конечно, наши сегодняшние занятия — это первый опыт. Мы постараемся распространить его, и тогда можно будет говорить о первом успехе.

ДЫЙ ДЕНЬ

Д. БАЛЬТЕРМАНЦ,
К. ХЕМЦАЛЬ

ПАМЯТЬ СЕ

Виктор **ПЕТЕЛИН**

По страницам русской прозы 1967 года

Жизнь ставит перед современными художниками множество вопросов, множество проблем. Одни художники обращаются к сегодняшним дням, другие — к недалекому прошлому. Да это не так уж важно. Как и прежде, самым острым остается вопрос о личной ответственности художника за все, что делается в нашей стране, о гражданской ответственности перед народом.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции перед советскими писателями встала совершенно новая задача, порожденная всем ходом исторического развития, накалом революционных битв,— правдиво показать человека в его взаимоотношениях с народом, с революцией, с новой эпохой, показать духовное рождение нового человека и его не простой, а порой мучительный путь к пониманию правды века. Эта проблема в юбилейном году была, пожалуй, центральной для советских писателей.

В романах С. Залыгина «Соленая падь» («Новый мир»), Вл. Карпенко «Красный генерал» («Волга»), Вс. Кочетова «Угол падения» («Октябрь») освещены новые стороны, явления, эпизоды гражданской войны. Различна манера этих писателей, стиль, различны характеры изображенных персонажей, но эти произведения роднит страстная заинтересованность художников в правдивой передаче привлекших их эпизодов гражданской войны, желание открыть такие явления исторической действительности, которые до них были недостаточно раскрыты.

«Красный генерал» Вл. Карпенко — роман о герое гражданской войны Борисе Думенко, который был одним из организаторов Красной кавалерии, талантливым командиром крупных конных соединений, беззаветно преданным революции и трудовому народу. По клеветническому доносу он был обвинен в предательстве и в 1920 году расстрелян вместе со своими помощниками.

Борис Думенко—сложная историческая личность. В нем наряду с ярким организаторским талантом, бесстрашием и мужеством, энергией и волей, то есть такими чертами, которые во время революции выдвинули его во главе трудовых народных масс, были и такие качества, как вспыльчивость, несдержанность, нетерпимость по отношению к инакомыслящим, приводившие его порой к анархичности в поступках, к субъективным решениям. В Борисе Думенко отразились многие черты крестьянской массы, из которой он вышел, как положительные, о которых уже говорилось, так и отрицательные: отсутствие опыта политической борьбы, полуграмотность и др. Вот эта сложность его личности, сложность его отношений с людьми, яркость его дарования как полководца, не знавшего поражений, порождали зависть и злопыхательство мелких людишек, использовавших карающий меч революции в корыстных целях. Это и привело к трагической гибели легендарного полководца.

В своем романе Вл. Карпенко и поставил перед собой нелегкую задачу — восстановить облик подлинного Бориса Думенко, рассказать о нем объективно и беспристрастно. Автор собрал большой фактический материал о жизни и героической деятельности Бориса Думенко, встречался с людьми, лично знавшими командира Красной Армии, тщательно изучил все архивные документы, касающиеся тех событий гражданской войны. В результате получился интересный, талантливый роман, в центре которого яркая, самобытная личность Бориса Думенко.

Если Вл. Карпенко идет от факта, от документа, любое действие Бориса Думенко, его поступки, мысли мотивированы документальными данными, то для Сергея Залыгина документ — только повод для художественных построений. В романе «Соленая падь» нет ни одного исторического лица. Он стремился к тому, чтобы в своих персонажах передать дух времени, создать типических представителей вольной партизанской армии.

Сергея Залыгина как художника больше всего занимают вопросы, проблемы, он стремится разбудить мысль современников. Роман насыщен философскими спорами. Ефрем Мещеряков и Брусенков — это два отношения к революции, два взгляда на человека — участника этого движения. Идет бесконечный спор между ними. Мещеряков видит во Власихине, Глухове своих возможных союзников, Брусенков же — только врагов. Он крайне подозрителен. Во всех действиях Мещерякова он видит нечто скрытое.

Мещеряков угадал главную особенность Брусенкова: он может управлять только бессловесными, которые во всем соглашаются с ним, повинуются. «...В том-то и дело — тебе такие нужны»,— говорит ему Мещеряков.

По замыслу автора Мещеряков должен предстать сложным, многогранным, противоречивым. В нем ум, талант полководца, преданность народу и революции органически должны сливаться с чертами обыкновенного, рядового мужика; он самолюбив, обидчив, бесконтрольно распоряжается властью; словом, Мещеряков такой же «пегий», как и большинство его окружающих. Но создать такой характер С. Залыгину не удалось. Разные стороны человеческого характера не сливаются органически.

В третьей книге широко известного романа Василия Смирнова «Открытие мира» («Знамя») рассказывается о духовных сдвигах в русской деревне после Февральской революции. Здесь тоже много спорят, мечтают, загадывают. Тяжелые раздумья вошли в жизнь русского мужика. Время настойчиво потребовало от него самостоятельного определения своей позиции в развернувшейся острой борьбе.

На наших глазах взрослеет Шурка, главный герой романа, познает, открывает для себя мир. И не только познает, не только открывает радости и прелести человеческого бытия, но и начинает разбираться в характерах, познавать людские взаимоотношения.

Роман построен так, что на какое-то время в центре нашего внимания оказывается чуть ли не каждый его персонаж — то пастух Сморчок, то Ося Бешеный, то учитель Григорий Евгеньевич. Искрошить помельче старое — тогда, «глядишь, люди и загорятся звездами». Эти слова Оси Бешеного особенно запомнились Шурке. Сразу после Февральской революции люди и загорелись звездами, стали сильными, смелыми, перестали быть скрытными, говорили обо всем громко, не хитрили, «были какие-то постоянно ласково-хмельные, добрые, немного шумные, надеявшиеся на хорошие близкие перемены в жизни». Потом-то мужики отрезвеют, поутихнет в них бесшабашность шумного раздолья, снова зажжется злоба в глазах: барские поля так и остались барскими.

В романе много прекрасных эпизодов, сцен. Картины волжской природы, детали деревенского быта, историзм в описании давних событий, психологическая достоверность в передаче душевных переживаний — все это присуще художнической манере Василия Смирнова.

В точных по своему историзму картинах, разговорах, спорах крестьян Василию Смирнову удалось передать атмосферу духовного пробуждения деревни.

Одна из заметных особенностей литературы последних лет — это обращение писателей к теме коллективизации в нашей деревне.

«Матушка, русская земля»... Так с сыновней преданностью и сыновней скорбью начинает одну из глав своего романа, «Русская земля», Дмитрий Зорин. Здесь все есть: и боль, и радость, и слезы, и несбывшиеся мечты, и героические свершения, требовавшие невероятных человеческих усилий, и вражеские выстрелы, и поиски лучшей доли, и тяжкие раздумья о сложных путях русского народа, и философские искания. Пожалуй, после «Поднятой целины» Мих. Шолохова впервые в русской литературе с таким художническим бесстрашием, гражданской бескомпромиссностью, человеческой искренностью Дмитрий Зорин в своем романе поднимает большие проблемы общественного развития нашей страны и разрешает их в духе подлинного историзма, в духе социалистического гуманизма.

Дмитрию Зорину удалось в судьбах людей, изображенных во весь рост, со всеми их достоинствами и недостатками, присущими людям того времени, показать героическую драму жизни первых коммунаров, живших в условиях жестокой классовой битвы, преодолевавших неслыханные трудности, искавших и прокладывавших новые пути в истории человечества.

Чертков, как и Давыдов, приезжает в деревню по своей охоте. Но если Давыдов приезжает вооруженный ленинской идеей коллективизации, то Чертков приехал в тот момент, когда еще трудно было предугадать, куда приведет стихия крестьянских поисков, ошибок, страстных споров о будущем. От главы к главе в романе созревает мысль, что идея коллективизации не выдумка политиков, а закономерность крестьянской жизни. Колхозы возникли как результат мучительных раздумий самих крестьян.

В непримиримой идейной борьбе сталкиваются Чертков и Парасюк. В Парасюке Сергей разглядел опасного всероссийского врага с партбилетом в кармане и беспощадно расправился с ним, убедив коммунаров избавиться от него.

Другое дело Федотов, искатель справедливого мужичьего царства, бывший командир партизанской армии, организатор коммуны, вожак. Честный, преданный народу, верой и правдой служивший революции в годы гражданской войны в Сибири, Федотов не разобрался в сложностях и противоречиях нового времени. Он покорил людей своей справедливостью, своим бескорыстием, пониманием человеческих нужд и страданий. В него поверили. О нем говорили как о единственной «зрячей голове на все стадо мужичье», как о мудром вожаке, слово которого ждут как откровения. Никто не подозревал, кроме Черткова, что за душой Федотова уже ничего нет — ни новых идей, ни уверенности в справедливость мужичьего царства, о котором всю жизнь он мечтал. Суров и одинок он среди людей. Замкнулся в себе, отстранился от народа в тягостном предчувствии расплаты за свои ошибки, за то, что не знал, куда вести людей, а делал вид, что знал. Дмитрий Зорин в образе Федотова раскрыл трагедию человека, всю жизнь стремившегося нести людям добро, а в итоге своей жизни поддерживающего своим авторитетом неправедный путь в строительстве новой жизни.

По природе своей Дмитрий Зорин — романтик. Он не боится преувеличений, гиперболизации. Его не страшат упреки в сгущении страстей, в идеализации человеческих характеров. Он сам пережил много страданий, много лишений, много невзгод. Он мог бы сосредоточить свое внимание на теневых сторонах действительности. Но он пишет о своем родном

РДЦА НЕИСТРЕБИМА

народе, который совершил невиданный революционный переворот, построил новое общество на новых общественных отношениях. Не упуская из виду отрицательного, он создает полную картину жизни того времени, большее внимание уделяя положительным сторонам действительности. Через ошибки и мучения пришли бывшие коммунары к единственно правильной форме коллективного хозяйствования, которая впоследствии стала называться колхозом. В тигле противоречий, больших мыслей, подлинных чувств, страстных споров выплавились характеры настоящих народных вожаков — Вадима Горева и Сергея Черткова.

...Как и прежде, многих писателей остро волновала проблема гражданского и нравственного в современном человеке. Кто он, этот человек, идущий по нашей земле? С чем пришел на эту землю и чем живет? С добром или злом на сердце? Вот центральные вопросы, которые исследуются нашими прозаиками.

Вл. Максимова, например, интересуют прежде всего проблемы нравственного и гражданского становления личности. На что годится человек, если столкнется с несправедливостью, злом, предательством,— этот вопрос больше всего занимает художника.

В новой повести «Стань за черту» («Октябрь») все тот же, пожалуй, вопрос: что делает человека человеком и что должно случиться, чтобы человеческое ушло от него?

К некогда любимой женщине, к бывшей жене, матери его троих детей, после долгих блужданий возвращается Михей Савельич, возвращается «с грехом», возвращается, чтобы спокойно доживать свою незадавшуюся жизнь. Он боится нового, неизведанного и неизвестного. Неизвестность его всегда манит и в то же время отпугивает. В сложном, противоречивом характере Михея эти две взаимно исключающие черты органически уживаются, создавая совершенно неповторимый эмоциональный мир. Но как бы ни сторонился Михей сложных противоречий жизни, они все-таки всякий раз настигали его, превращая его душевное спокойствие в состояние мучительной сумятицы. Вернувшись, он, никогда не знавший сострадания, требует к себе жалости. Но нет у его детей ни жалости, ни сострадания к грешному отцу. С утра до вечера в своей каморке, невидимый для детей, он слушает о себе нелестные высказывания, «с утра до вечера душу грызут» ему, а за что — он не знает. Он осуждает своих детей за то, что они не могут его простить.

Особое место в философской концепции повести занимает Клавдия. В ней много доброго, светлого, настоящей духовной силы, много мужества, сердечности, мягкости, обаяния, доброты. Уж кому как не Клавдии затаить злобу против Михея, принесшего ей столько горя, страданий, мук! Но она готова простить его, твердо осознавая, что зло не искоренишь злом.

В словах Клавдии — философский смысл повести: «Не сжечь тебе душу, а отогреть хочу, до донышка отогреть. И в них — тоже. Коли мы семьей не уживемся, тогда как же нам с чужими людями в миру жить? Озлобиться легче, чем сократить себя перед другими, только теплее нам со зла никому не станет. Они на тебя ярятся, ты — на них, а кому выгода? Тешим нечистого, и больше ничего. Вот и хочу я, чтоб ожили вы от своего холода».

Самая большая беда Клавдии, в сущности, ее трагедия,— разочарование в детях.

В споре за отца она ни у кого из них не получила поддержки. Она ожидала, что сумеет их уговорить, а если не уговорить, то сломить их волю, подчинить своим мыслям и решениям. Она так всегда делала, и всегда все получалось так, как она предполагала. Но тут получилась осечка. Своей исковерканной жизни никто из них не простил. И дело здесь, конечно, не во внешне не устроенной судьбе.

В этой борьбе за самое главное и сокровенное для нее Клавдия потерпела поражение. Не заметила она в детях своих той порчи, которая коснулась их души, разложила их настолько, что остались они без стержня, как и их отец. Все ее попытки вдохнуть в них свою сердечную боль, мягкость, доброту разбивались о тяжкий эгоизм и зачерствевшие сердца детей. Зло породило зло. Против этого протестует Клавдия. Михея можно спасти, можно отогреть его душу, но только добром, покоем, миром. А мира нет в ее семье. Дети остались равнодушными к ее мольбам.

Вопросы добра и зла, нравственного самоусовершенствования, человеческого перерождения и переустройства под влиянием жизненных обстоятельств постоянно тревожат совестливую душу Владимира Максимова.

Слова о связи с землей, с малой и большой Родиной все чаще и чаще звучат на страницах русской прозы. Уже сейчас можно говорить о новом направлении в современной прозе, где тема патриотизма, разработка национального характера становится центральной. Многие художники и в России и в братских республиках начинают понимать, что своеобразие национальной жизни остается, и это, естественно, накладывает неизгладимую печать на мышление человека и его характер.

«Что значит национальная форма в искусстве?— спрашивал А. Фадеев.— Это значит прежде всего родной язык. Это значит — также своеобразный для каждого народа дух и строй речи, вобравший в себя в течение столетий народный фольклор. Это значит — традиции национальной классической литературы, что особенно важно в поэзии. Это значит, наконец, тот неповторимый национальный склад характера, психологические, эмоциональные особенности народа, которые и создают неповторимый цвет и запах каждого национального искусства».

Проза Виктора Астафьева, Владимира Чивилихина, Евгения Носова, Юрия Сбитнева, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Валентина Распутина, Владимира Цыбина глубоко национальна, искренна, правдива, самобытна. Истоки их творчества — в деревне. Молодые художники уходят в свое детство, стараются понять самих себя через познание своих отцов и дедов. Память сердца неистребима. И возвращение в детство не ностальгия, а просто начало повествования о самих себе, возвращение к истокам нашей национальности, нашего национального характера.

В прошлом году Виктор Астафьев опубликовал несколько рассказов: «Синие сумерки», «Ясным ли днем», «Ангел-хранитель»— и повесть «Где-то гремит война» («Молодая гвардия»). Нет в этих вещах ни завлекательного сюжета, ни быстрой смены событий, ни героических подвигов, нет ничего блестящего, эффектного, а оторваться от рассказов совершенно невозможно: их обаятельная притягательность в правде, простой, будничной, нешумливой. Говорится ли здесь об охотниках, солдатах, о неказистом на вид паромщике, о безусом юнце и много испытавшей на своем веку бабке Катерине, говорится ли здесь о войне или далеком-далеком детстве, когда крестьяне жили еще в единоличности,— везде и всюду проявляется настоящий художник, близкий нам по своему взгляду на мир, на людей, на природу. В. Астафьев так умеет передать характер интересующего его человека, что хороший человек становится другом читателя, а плохой — недругом. На несколько часов встретились мы с Сергеем Митрофановичем («Ясным ли днем»), а с какой горечью и тоской расстаемся с ним: надолго, а может быть, и на всю жизнь останется в нашей памяти этот озорной и веселый до бесшабашности, мужественный и смелый до беспамятства, добрый, бескорыстный, мудрый человек. И вообще В. Астафьев умеет своим цепким, художническим взглядом ухватить то, что до поры до времени скрыто в человеке. И то, что открывает в этом человеке художник, моментально меняет к нему отношение. Все рассказы В. Астафьева написаны превосходно, с подлинным знанием жизни, с глубоким проникновением в душу своего современника.

А прочитаешь «Бобришный угор» («Литературная Россия») Василия Белова — и еще раз подивишься его искусству создавать у читателя такое же душевное настроение, какое охватывает и его самого. Все прекрасно в этом рассказе: и непоседливые лесные птицы, и набухающие темнотой елки, и сухая, еще не опустившаяся наземь роса. И весь этот отрадный, дремотный лес, добрый, широкий, понятный и неназойливый, врачевавший своим покоем смятенные души двух забравшихся в него горожан и вселявший в эти души уверенность и радость сближения со своей на время покинутой малой Родиной,— весь этот лес, и вся эта счастливая тишина, и сам Бобришный угор, и невидимая и неслышимая река, и даже крик затаившегося коростеля, и даже муравьи, заботливо снующие по угору взад и вперед, и даже... Словом, все это таким близким и дорогим становится, что хочется самому побывать в этом белом домике и пожить хоть какое-то время в этой счастливой тишине.

Простота, глубокий взгляд на современность, лиричность и какая-то трогательная человечность — все это, несомненно, ставит «Бобришный угор» в ряд лучших рассказов этого года.

В русскую современную литературу вошла плеяда молодых талантливых прозаиков, вошла без шума и треска. Эти писатели привлекли к себе внимание своим художественным талантом, состраданием к горю народному, умением раскрыть в полнокровных образах страсти и мысли нашего современника. И хорошо то, что все они очень разные.

Читаешь, например, рассказы В. Лихоносова, и все время не покидает такая мысль, что все это написано человеком искренним, с болью переживающим все беды, несчастья, все болезни, которые выпадают на долю его героев. Это боль горожанина, впервые увидевшего деревенских людей, деревенскую жизнь. У него все пронизано удивлением и преклонением перед этой жизнью, такой простой и безыскусственной.

Виктор Лихоносов молод еще. Рано пока говорить о его пристрастиях, о направленности его творчества, о главных и любимых темах. Но уже сейчас можно сказать, что его неудержимо влечет к себе нелегкая судьба русской женщины, со всеми ее горестями, радостями, тревогами, обидами.

Вот его рассказ «Родные» («Новый мир»). Человек уехал из деревни. Давно уж у него другая профессия, сложилась семья, обзавелся друзьями, а его тянет к родной земле. Тянет посмотреть на страну своего детства.

Кажется, уж совсем самостоятельно зажил Митя, внук Арсеньевны. Годы бежали. Незаметно для себя он стал взрослей и спокойней. Так же незаметно стал дорожить Митя всем, чему он обязан был своей жизнью, своими успехами и веселой молодостью. Стал дорожить он родными. И дело здесь не только в родственных узах. Каждый человек должен осознавать свою ответственность за судьбы

своего народа. «Не было уже на свете ни матери, ни отца, не будет скоро и бабушки, и время постепенно сделает его хранителем и бывшего и нынешнего». Уходит в прошлое целое поколение русских крестьян, и нужно сохранить для будущих поколений все то лучшее, что было в их обычаях, нравах, характерах. И вот Митя затем и едет, чтобы встретиться с родными, вспомнить прошлое и унести навсегда дорогие ему образы родных, чтобы навсегда запомнить, что есть у него родная сторона, где он родился и вырос.

Кажется на первый взгляд, что рассказ «Снова дома» Петра Проскурина («Знамя») совсем о другом — и время, и события, и характеры ничуть не похожи. Но это только внешняя непохожесть, внутреннее же содержание рассказа чем-то очень родственно произведениям В. Астафьева, В. Белова, В. Лихоносова.

Петр Проскурин озабочен теми же вопросами, поисками настоящего человека и находит такие ситуации, когда люди оставались людьми даже в самые трагические моменты своей жизни.

Захару только четырнадцать, но уж много лиха выпало на его долю: голод, страдания. Кажется, Захар огрубел душой, зачерствел, привык видеть смерть, горе и страдания человеческие. Но вот П. Проскурин сталкивает его с еще одним испытанием, внимательно наблюдая за его переживаниями. В лесу один на один он оказался со смертельно раненным немцем. И немец для него уже не враг, а просто человек, беспомощный, жалкий, нуждающийся в его помощи.

Он принес ему попить, устроил из травы подстилку, раздобыл курева. Если рассказать, засмеют: немца пожалел. Захар раздваивается — он старается вызвать в себе злобу к немцу, а злобы нет, он испытывает к нему жалость, сострадание. «Немец казался ему большой больной скотиной, коровой или лошадью». А разве русский мужик бросал скотину в беде? Не ухаживал, стараясь ее поднять на ноги? Захар не знал, как поступить, не было рядом с ним никого, кто бы мог ему что-нибудь посоветовать. А обругала бы его бабка Палага за то, что он пожалел немца? «Бабка Палага всякую тварь жалеет, она и его приучила не бояться в лесу ночевать». И только наутро Захар, выйдя на шоссе, упросил старшину с солдатами поглядеть на немца и чем-то ему помочь: «Человек, хоть и немец, как бросишь? Битый бы, черт с ним...»

Захар пожалел немца, а придя домой, узнал, что мать его угнали в Германию.

«...так вот и растет человек, и однажды встречается лицом к лицу с неожиданной горечью жизни, и она оставляет в его душе первую глубокую зарубку».

В повести «На исповедь» В. Марченко («Молодая гвардия») Антонин поехал в родные места, чтобы «исповедаться», чтобы издали посмотреть на себя и проверить, правильно ли живет. В разговорах с дядей, председателем колхоза, с Настенькой и Пелагеюшкой многое выясняется для него.

Он все время чувствует себя чужим в чужом деле. Он забыл деревню, забыл ее обычаи, нравы, порядки. Он пытается все делать, как они, помогает стоговать, вместе с ними садится вечерять, слушает их бесконечные споры на международные и внутренние темы, но все, что он делает, приходит в противоречие с их нравами, с их давно устоявшейся жизнью.

Наша литература, исследуя текущую действительность, постоянно обращается к историческому опыту пройденного и извлекает много поучительного для нас.

Воистину глубокое постижение закономерностей развития вчерашнего общества может дать ответ на многие сегодняшние вопросы. Там многое зачиналось! Единство прошлого, настоящего и будущего — вот итог, к которому вновь подошли в своих исканиях многие художники в юбилейном году. Истина, прямо надо сказать, старая, но каждый художник к ней приходит по-своему. Вся русская проза в юбилейном году, несмотря на разнообразие тем, проблем, событий, характеров, билась, в сущности, над одним и тем же — показать человека в его исторических, социальных связях с окружающим его многоцветным миром, раскрыть прошлое, настоящее и будущее современного человека.

КУРСК, 175

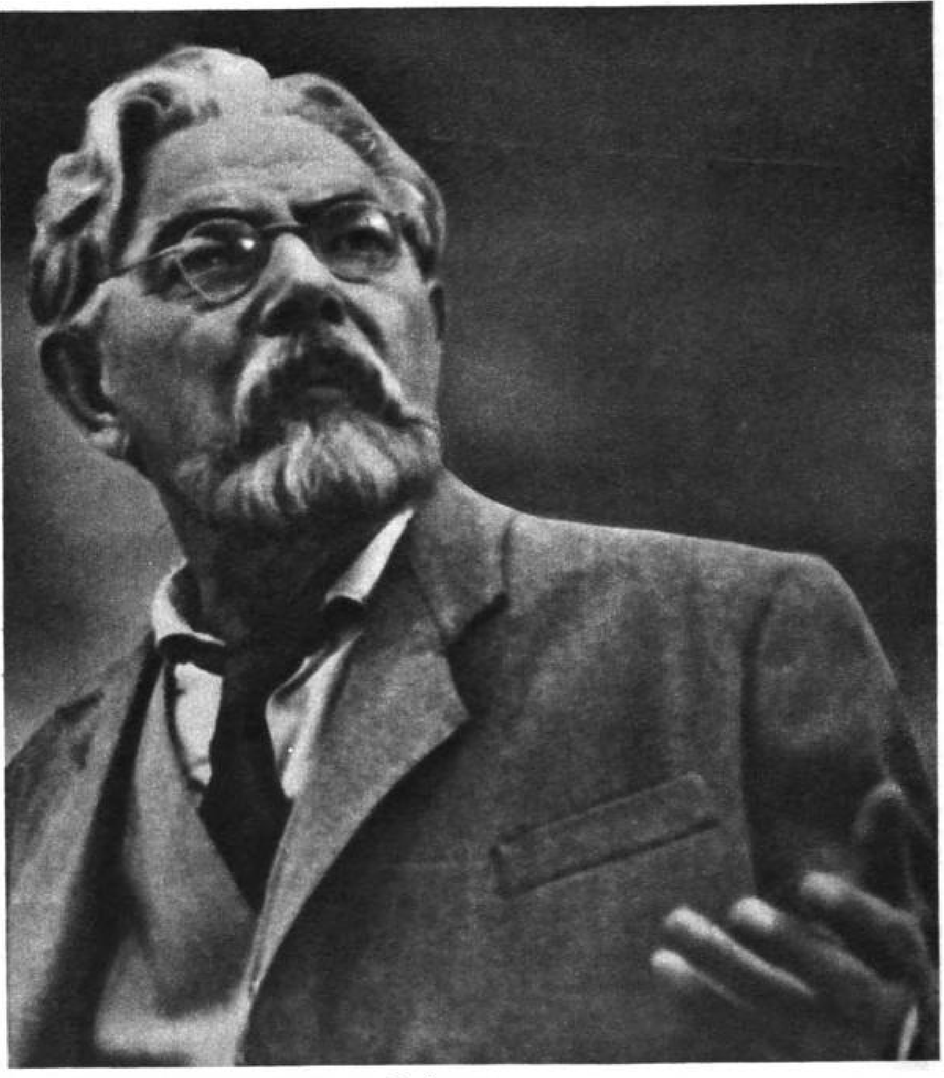
Имена, имена, имена... Судьбы... Сколько же их прошло в Курском драматическом театре за 175 лет! Сколько актеров здесь начинало; сколько оставило по себе добрую память...

В северной части города выделяется старинной кладки дом с башенками. Театр... Тем, что он уцелел во время войны, куряне обязаны Кириллу Андреевичу Иванову-Приходину и Ивану Григорьевичу Аспидову, рабочим сцены. Они разминировали здание и спасли его от гитлеровцев, от уничтожения.

Город еще дымился, улицы были завалены щебнем, а в театре шли спектакли.

— Как же надо было любить театр, чтобы репетировать в те дни, думать о речи, о движении! — вспоминает актриса Марина Семеренина.— Мы собирались у замечательного человека, артиста Чернова. Он жил в маленькой комнате, ходил в телогрейке: температура в комнате — ноль! Помню, я хотела взять кружку с водой, а она примерзла...

Юбилей театра — это одновременно праздник города. В фойе — музейные экспонаты: старинные, пожелтевшие афиши, иные отпечатаны на ткани; программки благотворительных спектаклей в пользу «недостаточных гимназистов»... Переходишь от стенда к стенду и видишь всю историю этого театра. Вот Островский. Вот Толстой, Шекспир, Горький, Пушкин, Гоголь. Вот пробует себя юный Михаил Щепкин. Он проникает в театр под любым предлогом: то переписывает роли, то суфлирует; с 1805 года играет в незначительных эпизодах, накапливая опыт и мастерство. Не менее примечательная фигура Николай Хрисанфович Рыбаков. Он тоже курянин. Как Щепкин, Рыбаков в юности попал на галерку курского те-

Точисский в исполнении артиста Е. Агеева.

ТЕАТРОМ РАЗГАДАНО...

атра, а потом, пользуясь любым случаем, чтобы участвовать в массовках, пристрастился к театру. Здесь и произошло становление его как актера.

Вот афиши с именами Орленева, Качалова, Комиссаржевской, Яблочкиной, Садовской...

В курском театре чтят не только корифеев прошлого, но, конечно, и мастеров нынешних дней. Сестры Гокке — Вера и Зоя Александровны — рассказывают, как Саша Дейнека, тоненький и стройный юноша, участвовал в работе студии, приносил свои эскизы к «Грозе» и другим спектаклям. Здесь же начинал бутафором скульптор Александр Кибальников, автор серии замечательных портретов деятелей русской культуры.

Мария Александровна Черкесова, заслуженная артистка РСФСР, проработавшая в театре 32 года, рассказала мне, что театр, составляя смысл ее жизни, всегда подсказывал главное: замыкаться лишь в профессиональной среде нельзя!.. Однажды актрисе пришлось исполнять роль работника милиции — женщины, дежурившей при детской комнате. Что в таких случаях надо делать актеру? «Вживаться» в роль?.. Чтобы понаблюдать характер героини, Мария Александровна пошла в детскую комнату. И так полюбила «трудных» ребят, с которыми встретилась, что теперь уже много лет по-настоящему работает в милиции с детьми и родителями, помогает им...

— Знаете, я 25 лет в городе. Могла бы, кажется, и надоесть публике! — говорит Фредерика Ермолаевна Горская.— Но ведь нет этого! И у меня великое чувство благодарности, любви к зрителю. Я каждую роль готовлю с удовольствием!..

Если говорить о репертуаре театра, то основой его являются и пьесы о современнике, и исторические спектакли, и классика.

— В наших планах,— рассказывает директор театра А. Фролова,— много молодежной тематики. Поэтому у большинства юных актеров — ведущие, ответственные роли.

Да и режиссура здесь молодая. Рядом с главным режиссером Николаем Григорьевичем Резниковым работают два молодых: выпускник Ленинградского училища Виктор Рудзей и Леонид Моисеев, вахтанговец. И каждый находит себя. Такая уж здесь обстановка — деловая и творческая.

Г. СМЕТАНИНА

На снимке: актриса Е. Улыбина в роли Риммы Граевой. Спектакль «Яд» по пьесе А. В. Луначарского.

Фото О. Сизова (ТАСС).

Юр. ЗУБКОВ

Домой с заседания ревкома Павел Варфоломеевич Точисский вернулся взволнованным. На все вопросы жены отвечал, что, мол, повздорил с Иваном Кашириным.

Внезапно на улице раздались шум, топот, выкрики.

Толпа людей под окном кричала, металась, словно не зная, что делать...

— Свет!.. Свет погаси! — крикнул Точисский жене, но было поздно: на улице грохнул выстрел. Зазвенело разбитое окно. Павел Варфоломеевич как подкошенный повалился на пол...

Произошло все это в небольшом уральском городке Белорецке летом тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Тень подозрения сразу же нависла над Иваном Дмитриевичем Кашириным, командиром Верхне-Уральского казачьего отряда.

Норовистый, самолюбивый, даже взбалмошный Каширин не признавал превосходства Точисского — опытного подпольщика, революционера, не считался с мнением ревкома.

Но вот мог ли Каширин кривить душой?.. Ведь он был глубоко потрясен смертью Павла Варфоломеевича. Да и вся последующая жизнь Каширина, его самозабвенная отвага и мужество в боях с белогвардейщиной в годы гражданской войны не вязались с тяжким подозрением...

Почти полвека минуло с тех пор. А трагическая гибель коммуниста, председателя ревкома Павла Варфоломеевича Точисского — ее причины, ее виновники — осталась для всех загадкой. Возникла она несколько лет назад и перед доцентом Челябинского педагогического института Александром Ивановичем Лазаревым, когда он впервые посетил Белорецк и Верхне-Уральск.

Филолог, кандидат наук, А. И. Лазарев уже много лет изучает на Урале рабочий фольклор. Каждое лето начиная с 1958 года он предпринимал с этой целью этнографические экспедиции в горнозаводские районы Урала. В одну из поездок он узнал о трагической гибели Точисского.

Стремясь найти убедительное объяснение тому, что случилось в Белорецке, Лазарев обращается к исторической мемуарной литературе и обнаруживает там версию, что виновником гибели Точисского был Иван Каширин! Правда, в книгах шестидесятых годов эта версия уже категорически отвергается, имя Ивана Каширина полностью реабилитируется. Но оттого смерть Точисского не перестает оставаться по-прежнему загадочной...

Тогда Лазарев снаряжает еще одну, специальную, студенческую экспедицию в Белорецко-Тирляновский район.

Участники экспедиции решили разыскать очевидцев и свидетелей тех далеких событий. В частности, им удалось найти дочь Точисского — Марию Павловну, ныне учительницу. В 1918 году ей было семнадцать лет. Понятно, она многое знала и многое помнила.

...Исключительно сложная обстановка сложилась летом восемнадцатого года в Белорецке. Город со всех сторон был обложен дутовцами. Наряду с большевиками в состав ревкома входили эсеры; Точисский, стремившийся к тому, чтобы привлечь трудовое казачество на сторону Советской власти, видел одновременно и сложность характера Каширина и политическую неустойчивость его отряда. Павел Варфоломеевич знал, что еще несколько месяцев назад Каширин был белым есаулом. Знал он и то, что штаб каширинского отряда возглавлял бывший царский офицер Енборисов.

Бывший партизан каширинского отряда Александр Григорьевич Родионов рассказал участникам экспедиции Лазарева, что в ту давнюю, роковую ночь он тоже был в числе казаков, окруживших дом Точисского. Их действительно направил сюда Иван Каширин, которому сказали, что Точисский, мол, собирается бежать! Собирается увезти имевшиеся у него общественные деньги — три миллиона рублей!.. Каширин приказал окружить дом и не выпускать Точисского.

Прозвучавший выстрел был вражеским... Предательским! Враги стремились не только устранить Точисского, но еще и скомпрометировать в глазах Советской власти Ивана Каширина, вынудить его перейти на сторону белых.

Это им не удалось!..

Но кто же все-таки спровоцировал убийство?..

Да, скорее всего один из руководителей белорецкой эсеровской организации Мулюкин и штабс-капитан Енборисов, позднее бежавшие в лагерь атамана Дутова.

Ища разгадку белорецкой трагедии, Лазарев поначалу и не помышлял о пьесе. Решение описать драматические события, разыгравшиеся в Белорецке, пришло неожиданно. Может быть, здесь сыграло какую-то роль то обстоятельство, что Александр Иванович Лазарев много лет был участником самодеятельного драматического коллектива, которым руководит артист Челябинского театра драмы Е. Байковский. Главным же стимулом, конечно, стала та сложнейшая психологическая коллизия, тот драматизм ситуации, которые заключались в самом материале истории.

— Столкновение Каширина и Точисского,— говорит Лазарев,— выражает конфликт, характерный именно для Урала тех лет, когда давали себя знать одновременно традиции казачества и традиции пролетариата. Этой сложностью политической атмосферы воспользовались враги, чтобы, прикрываясь именем Каширина, устранить с политической арены ленинца Точисского.

И вот пьеса. По правде сказать, она несколько громоздка: в ней свыше тридцати действующих лиц. Несколько человек — реальные люди, остальные — создание фантазии автора. Среди них самый интересный персонаж — Зинка, казачка из Авзяна, что под Белорецком. Впрочем, сказать, что эта фигура целиком вымышлена автором, никак нельзя: сохранилась даже фотография Зинки. Хотя Лазарев, создавая этот образ, все же думал не столько о подлинном, конкретном человеке, сколько о персонаже, который смог бы отразить и вобрать в себя судьбы многих трудовых женщин Урала.

Точисские снимают у Зинки квартиру; по ее мнению, они люди хорошие, ничего не скажешь! Только непонятные Зинке...

Безвременная гибель человека, посвятившего себя людям, борьбе за их лучшую жизнь, совершает переворот в Зинкиной душе, раскрывает ей глаза на мир. Зинка начинает жить по-новому!

Хотя образ Зинки не главный в пьесе, Лазарев назвал свое произведение «Авзянская казачка», подчеркнув тем самым влияние жизни и гибели Павла Точисского на людей, вчера еще далеких от борьбы, от политики. Впрочем, у пьесы есть и другое название — «Уральский перевал», подчеркивающее общественный характер, масштабы происходящих событий.

Пьесу Лазарева на сцене Челябинского драматического театра поставил Михаил Лотарев, режиссер, тяготеющий к крупным, эпическим решениям.

Воссоздав на сцене накал белорецких событий, размах борьбы, кипение человеческих страстей, он поставил спектакль, проникнутый героическим дыханием, правдой жизни.

Роли Павла Точисского и Ивана Каширина играют Евгений Агеев и Ефим Байковский, ведущие актеры Челябинского театра. Играют с искренней влюбленностью в своих героев. Агеев знакомит нас с человеком высокого гражданского долга, глубочайшего душевного благородства. За мягкостью, интеллигентностью Точисского — Агеева ощутим несгибаемый характер: железная воля и бесстрашие.

Иван Каширин в воплощении Байковского могуч, размашист, красив. И все же, когда схватываются они между собою в жарком споре, Каширин — Байковский начинает волноваться, чувствуя если не свою неправоту, то по крайней мере свою слабину рядом с этим человеком, мудрым и ровным.

Большая чистота и человечность проступают сквозь неуемное озорство кокетливой и разбитной Зинки. С ней знакомит зрителей молодая челябинская актриса Нина Козинец.

Зинка — актриса Н. Козинец. В роли Ивана Каширина — Е. Байковский.

В. А. ПУШКАРЕВ,
директор Государственного Русского музея

Русская сокровищница

У каждого, кто хоть раз побывал в Ленинграде, навсегда остался в памяти видный издалека с Невского проспекта величавый фасад с восьмиколонным портиком. Именно об этом здании современники Пушкина писали: «По величию сооружения наружного вида дворец сей послужил украшением Петербурга; а по изяществу вкуса внутренней отделки оного может считаться в числе лучших европейских дворцов...» «Дворец пречудесный... ни пером описать, ни в сказке сказать. Богато, красиво, с отменным вкусом и тщанием все отделано. Росси тут более еще себя отличил, чем в Елагином дворце...»

Для великого князя Михаила Павловича, брата царя Александра I, был построен в 1819—1825 годах красавец дворец замечательным русским зодчим Карлом Ивановичем Росси. После смерти Михаила у «августейшей покровительницы муз» великой княгини Елены Павловны все чаще собирается не толпа придворных, а писатели, художники, музыканты. Однако история готовила дивному зданию более высокое назначение, иную судьбу... В 1898 году в купленном казной дворце открывается Русский музей.

Вместо вереницы карет, некогда въезжавших по широкому пандусу под портик, к парадным дверям дворца протянулся через всю Россию нескончаемый поток учащих и учащихся всех рангов, разночинцев, рабочих, нижних чинов, знати, священнослужителей, студентов, курсисток, крестьян... 19 марта нынешнего года — ровно семьдесят лет, как начался этот поток. Семьдесят лет Русскому музею.

ИТОГИ ЮБИЛЕЙНЫЕ

Они в такие дни подводятся непременно. И особенно выразительно звучит тогда четкий, немногословный язык цифр. Если в день открытия во всех трех отделах музея — художественном, историко-бытовом и специально посвященном памяти «в бозе почившего» царя-миротворца Александра III насчитывалось около двух тысяч трехсот предметов, то сегодня в наших инвентарных книгах значится до 257 тысяч номеров. По первому штатному расписанию в художественном отделе числилось 6 человек, а сейчас в музее только научных сотрудников сто. За первый год существования музей посетило 199 129 человек, а за семидесятый пришло более 800 тысяч посетителей. Девять тысяч экскурсий... И если первая экспозиция Русского музея составляла все его достояние, то сейчас для обзора выставлена лишь незначительная часть хранимых музеем сокровищ русского искусства. За семь десятилетий бывший художественный отдел сам разделился на 9 отделов, из которых три рождены в наше время: народного искусства, советский и пропаганды. Государственный Русский музей стал крупнейшей сокровищницей русского искусства, превосходящей все остальные полнотой и разнообразием коллекции. Русская живопись XVIII и первой половины XIX века — наше богатство, наша гордость. Единственное в Союзе собрание русской скульптуры. Собрание графики — рисунок, акварель — самое большое в стране. Пятнадцать лет назад (а с тех пор музей еще вырос) шла переинвентаризация, и сотрудникам пришлось потратить на эту работу три года.

Коллекция народного искусства в юбилейные дни увидит свет: предстанут произведения мастеров Палеха, Мстеры, Холуя, изделия хохломских костерезов и нижегородских вышивальщиц, вологодских кружевниц и дымковских, каргопольских, нижегородских, тульских игрушечниц, северная домовая резьба по дереву, расписные прялки, берестяное кружево туесов...

РАСТЕТ, ЖИВЕТ МУЗЕЙ

Прежде чем вся жизнерадостная, руками мастеров из народа созданная красота смогла выйти на музейные стенды, нужно было накопить материал, систематизировать, отобрать лучшее, осуществить, хотя бы начерно, по целине, то, что и есть сложный, тонкий, кропотливый, неведомый поверхностному взгляду процесс внутримузейной работы. Обычно фиксируется она в виде результатов сжатым языком научных выводов, определений, докладов и публикаций. Но если бы, например, записать и издать все, что могут рассказать о своих экспедициях наши «народники» (так зовут в музее сотрудников отдела народного искусства) — основатель отдела и первый его заведующий Л. А. Динцис, его преемница М. Н. Каменская, их ученики И. Я. Богуславская, Н. В. Тарановская, Н. В. Мальцев, студентка-второкурсница искусствоведческого отделения университета Таня Еремина, уже успевшая побывать в экспедициях, то читалась бы такая книга как увлекательнейший роман-путешествие, путешествие в глубь истории.

А сколько удивительных воспоминаний, где сплавились сказка и документ, устное предание и исторический факт, современность и древняя быль, накопилось у сотрудников другого разросшегося отдела, древнерусского. Отдела «отчаянных экспедиторов». Это им — научным сотрудникам Энгелине Смирновой, Изиле Плешановой, Людмиле Лихачевой, Алевтине Мальцевой, их заведующей В. К. Лауриной — музей обязан десятками и сотнями своих драгоценных находок. Сотрудникам отдела известно, как никому, что значит мерить несчитанные версты, неся на себе, кроме необходимых вещей, еще и громадные почерневшие доски — иконы. Увязать в трясине, ночевать в случайной избе или под открытым небом. И когда во время путевой аварии выбираются из болота, цепляясь за хилое деревце, то спасают прежде всего именно эти погнувшиеся от времени доски, таящие под слоями грязи дивную красоту.

...Научной сотруднице отдела живописи Марине Шумовой для ее открытий не потребовалась далекая командировка. Зато настойчивость, целеустремленность, тщание нужны были отменные. Не так просто увидеть по-новому, по-своему и при этом действительно не субъективно, а объективно то, что когда-то многие годы назад было определено неверно и затем неоднократно подтверждено признанными авторитетами.

Сотрудники музея уже несколько лет работают над томами первого полного научного каталога наших коллекций. М. Н. Шумова занималась только Федотовым. Казалось бы, идет работа чисто описательная, фиксирующая давно известное. Но надо все уточнить еще раз — размер вещи, название, время создания...

Портрет Анны Жданович, одной из сестер приятеля и сослуживца Федотова по Финляндскому полку, относили к 1848 году. Девушка изображена в траурном платье. По кому траур? — задалась вопросом Марина Николаевна.— Ведь отец тогда еще был жив. И вот она поднимает в архивах по годам служебные документы, где указывались все родственники Ждановичей. Выясняется: в 1846 году умер один из братьев Ждановичей. Значит, портрет написан на два года раньше. Это — важное открытие, потому что Федотов, художник трагической биографии, живописью занимался всего семь лет. Марина Никрлаевна установила еще, что на портрете О. И. де Монкаль изображена не девушка, а 10-летняя девочка, она доказала, что наши ленинградские варианты «Сватовства майора» и «Вдовушки» вовсе не авторские копии, а новые, причем последние разработки Федотовым одного сюжета.

Музей наш хранит, собирает, систематизирует для того, чтобы все, что накоплено, отдать. Отдать тем, кто приходит на свидание с шедеврами в залы Михайловского дворца, и тем, кто не может прийти к нам. Организуются передвижные выставки, лекции, кинофильмы. Русскому музею проставляли штамп временной прописки и в Архангельске, и в Курске, и в Горьком... Словом, от Львова до Камчатки — по всей стране! А в музей приезжают и из областных, республиканских художественных галерей сотрудники, хранители на семинары.

А. Венецианов. ЖНЕЦЫ. 1825.

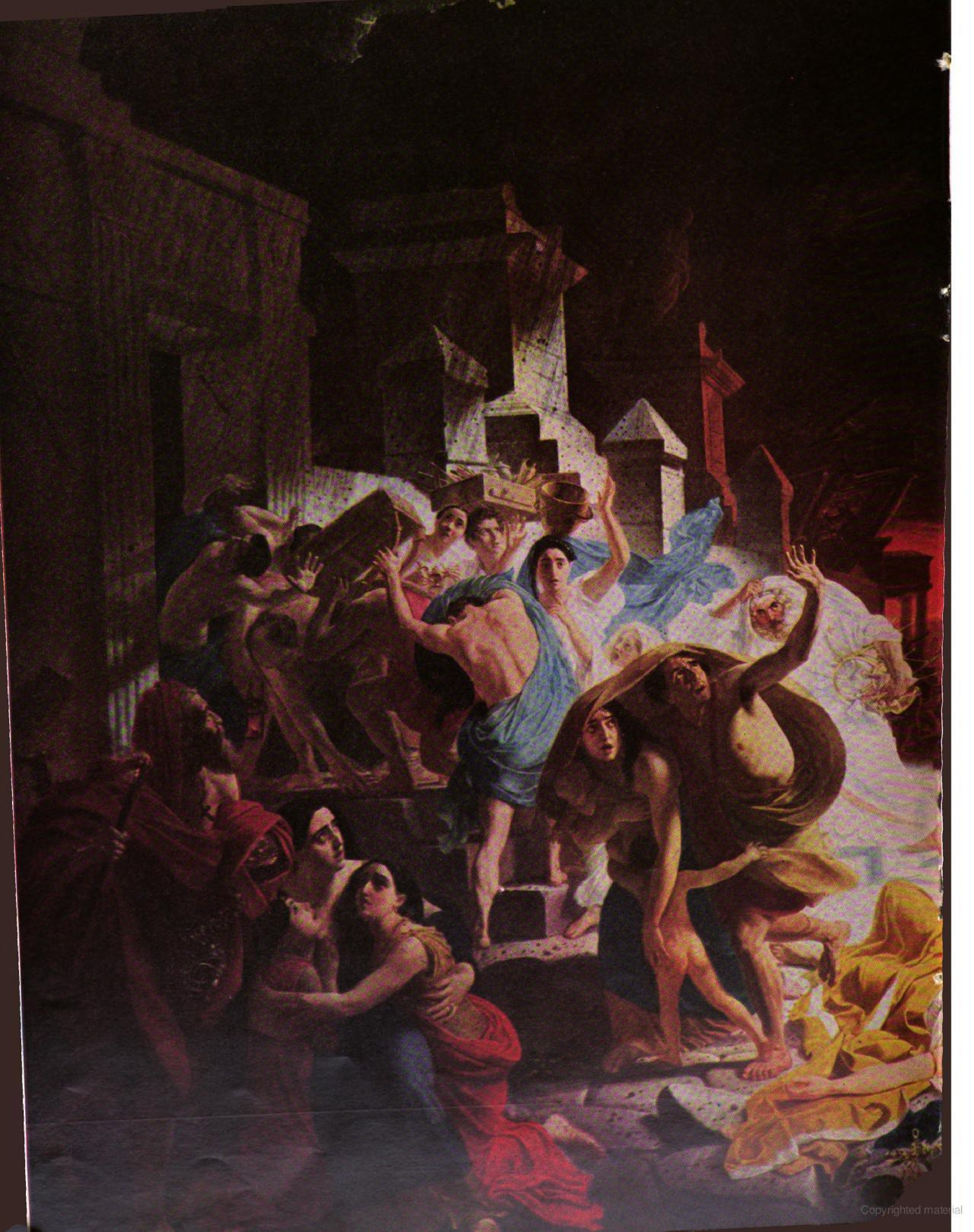
И. Репин. НА ПЛОТУ В ШТОРМ НА ВОЛГЕ. 1870.

И. Левитан. ОЗЕРО. 1899—1900.

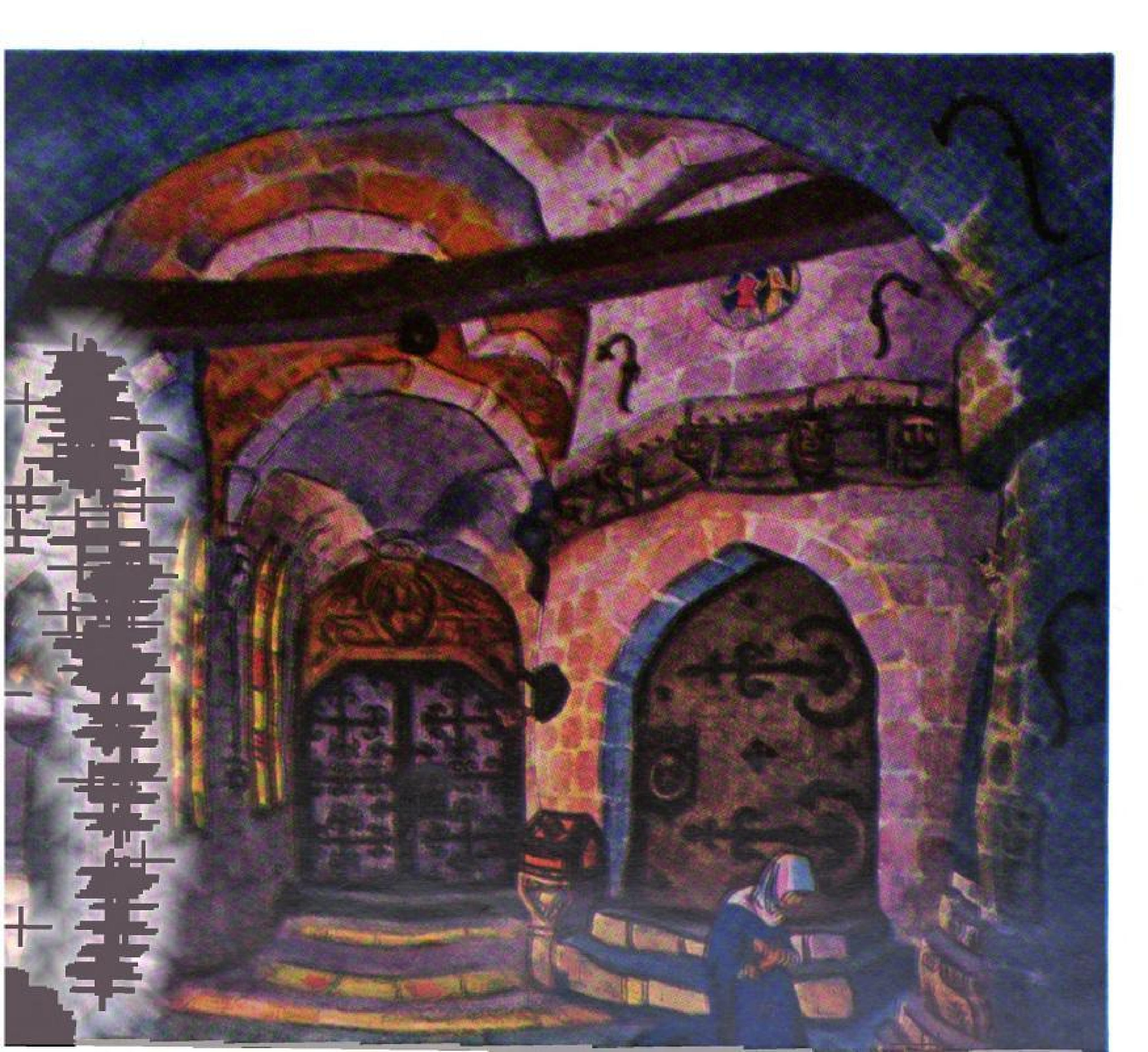
Д. Левицкий. ПОРТРЕТ Г. И. АЛЫМОВОЙ. 1776.

На развороте вкладки: **К. Брюллов.** ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ. 1830—1833.

В. Суриков. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА. 1891.

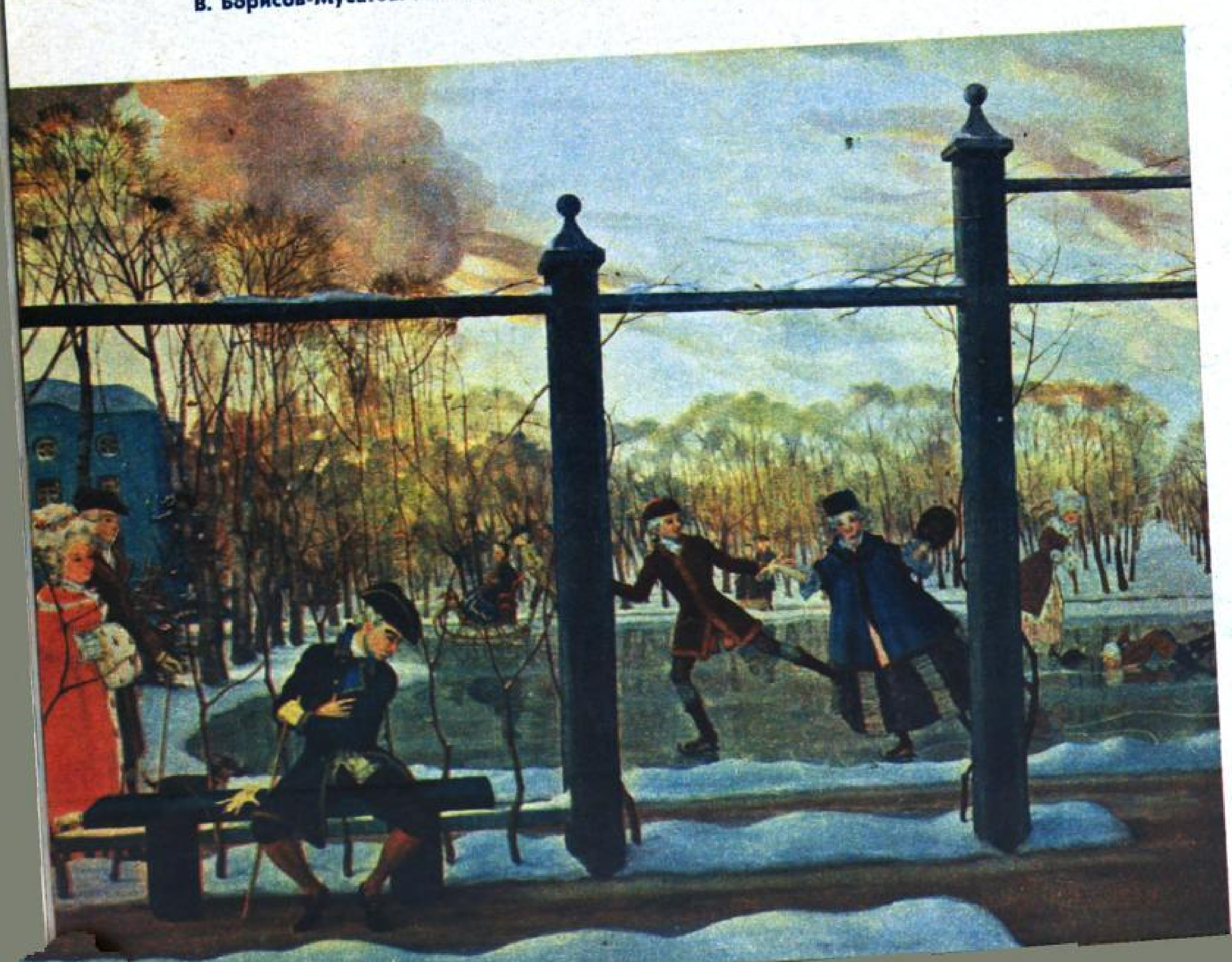

Н. Рерих. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ. 1914.

Б. Кустодиев. Ф. И. ШАЛЯПИН. 1922.

В. Борисов-Мусатов. АВТОПОРТРЕТ С СЕСТРОЙ. 1898.

К. Сомов. КАТОК. 1915.

А ИСТОРИЯ!

Могут подумать, какая уж такая особенная история... Семь десятков лет не срок для музея.

Хранится у нас в архивах, в отделе рукописей большая (форматом поболее амбарной книги) «Книга записи посещений Русского музея императора Александра III». Единица хранения 745. Начато 26 ноября 1898 года. Кончено 27 июля 1919 года. По отметке архивариуса: «В этой книге 178 пронумерованных листов».

Читаешь записи на листах 144—145.

На 144-м 10 февраля 1913 года расписался некий Аркадий Андреевич, закорючку фамилии которого разобрать немыслимо. И лишь 12 июня 1918 года приходит в музей экскурсия слушателей Института истории искусства с руководителем Н. П. Сычевым. Русский музей вновь распахнул свои двери уже перед народом Страны Советов.

Снова пришли сюда «учащие и учащиеся», несмотря на разруху, голод, войну. Только отныне исчезли в «Книге записей» титулы дворянских пансионов, благородных институтов, частных школ княгинь, графинь и баронесс. Вместо них и «сиротских приютов» появились: «Трудовая школа», «Детская коммуна», «Детский трудовой клуб», «Трудовая пролетарская школа». Детские клубы — «Букет коммунистов» и «Наша надежда». И еще — прилагательное «бывшая» да новая орфография, без «фиты» и «ятей»... Изменилась и жизнь внутри музея.

15 сентября 1918 года заведующий художественным отделом П. И. Нерадовский пишет Александру Николаевичу Бенуа: «...В 1918 году в распоряжение Русского музея передано левое крыло здания (до тех пор занятое личной канцелярией царя) с предстоящим расширением за счет этого художественного отдела музея... Совет художественного отдела... пришел к единогласному заключению, что необходимо... привлечь к участию в деле лиц, особо компетентных, которые по своим специальным знаниям, опыту и художественному вкусу могли бы содействовать наилучшему разрешению указанных задач. Совет остановил свой выбор на Вас, ...зная, насколько Вам дороги затронутые в настоящем деле интересы русского искусства...»

Казалось бы, теперешнему единственному хозяину Михайловского дворца, художественному отделу, должно быть куда как просторно. Ан нет. После революции стали поступать в музей художественные ценности. Русский музей стал еще и художественной кладовой, из которой другие музеи, как те, что существовали до революции, так и вновь созданные постановлениями молодой Советской власти, стали пополнять свои коллекции.

В эти-то первые дни жизни советского Русского музея и зародилась наша экспозиция в нынешнем ее виде, построенная по историко-монографическому принципу, который отражает последовательное историческое развитие русского искусства. Хлынувший из дворцов и особняков поток произведений заполнил пробелы и пустые места, так что отныне зритель в музее мог шаг за шагом проследить путь, пройденный родным искусством почти за тысячелетие: произведениями русского искусства XII века начинается наша экспозиция!

ПОДЛЕЖИТ УНИЧТОЖЕНИЮ

Но придет однажды день. Тяжкий и горестный...

Извлекаются из пудовых золоченых рам и снимаются с дубовых подрамников в Академическом зале музея полотна-гиганты: «Медный змий» Бруни, «Последний день Помпеи» Карла Брюллова; а по соседству — репинский «Государственный совет», «Фрина» Семирадского... Всем им, как и хранившему их столько лет музею, предстоит пережить гораздо, неизмеримо более ужасающие бедствия, нежели те, что вообразила фантазия и воплотила кисть живописцев.

Эвакуация. Последние эшелоны из зажатого в огненное кольцо города прорываются на восток. И один из них повезет в далекую Пермь самое ценное — все, что долгие годы составляло экспозицию Русского музея, а теперь по суровой военной описи только и вошло в первую категорию. Следующий эшелон — вторая категория — прорваться не успеет...

Несколько дней стояли вагоны с сокровищами на железнодорожных путях. Одна шальная зажигалка — и катастрофа! И тогда на автомашинах совершают творения искусства обратный путь в музей, чтобы пережить блокаду, обстрелы, бомбежки, стужу, сырость...

В документах, рассказывающих о том времени, каждое слово на вес золота. Нет. Каждое стоит человеческой жизни. Перед этими обрывками оберточной бумаги, листочками из школьных тетрадок, прямоугольничками ватмана с буквами объявлений на обороте, заполненными несколькими строчками, меркнут все метафоры, эпитеты, все литературные приемы!

«Отчет о научной и хранительной работе за 1942 год. Пункт А. Перераспределение коллекций в залах и кладовых музея. Общий принцип рассредоточение имущества, размещение ящиков в простенках северного фасада, максимальное использование зал, выходящих под садовый портик и во внутренние дворы...

Раздел II. Научно-исследовательская работа. Этот отдел поневоле сильно сократился... М. В. Фармаковский закончил исследование «Акварель, ее материалы, меры ее сохранения и реставрации». Г. М. Преснов продолжал работу по истории русской скульптуры... Он же обрабатывал оставшееся научное наследие научного сотрудника А. Н. Смирнова, подготовлен был доклад, посвященный погибшему товарищу...»

Григорий Макарович Преснов. Сорок шесть лет проработал он в музее и по сей день заведует отделом скульптуры, созданным фактически его любовью, заботами, трудами. Произведение за произведением собирал Преснов коллекцию скульптуры. Особенно полно удалось ему собрать творения Шубина. А в дни блокады из всей скульптурной коллекции только работы Шубина ехали в Пермь. Остальным суждено было перенести блокаду. Творения Козловского, Прокофьева, Пименова... Заколоченные в ящики, обернутые брезентом, стояли они под сводами дворцовых подвалов, нередко подкрадывалась к ним вода. Многопудовый, вычеканенный Растрелли из бронзы портрет Анны Иоанновны сберегали в зарытой на семь метров в землю бревенчатой клетке. А закопать конную статую Александра III работы Паоло Трубецкого музею уже недостало физических сил, и колосса просто засыпали песком. Целой баржей песка... Бронза. Но что же могло защитить при бомбежках и обстрелах изящный, хрупкий мрамор? Мощные стены дворца? Нет, несгибаемая стойкость людей.

Бомбежки и обстрелы прерывались, а страшный враг сырость точил постоянно. И вот на датированной 6 мая 1942 года докладной записке завотделом народного искусства Л. А. Динцеса о «необходимости в течение лета в первую очередь вскрыть и пересмотреть 6 ящиков вещей первой категории» сверху красным карандашом проставлена резолюция директора музея Г. И. Лебедева: «Выборочное обследование нужно произвести не «в течение лета», а немедленно».

И с не меньшим, наверное, волнением и болью, чем строки летописей времен татарского нашествия, перечитываются сегодня 22 страницы отчета главного хранителя М. В. Фармаковского от 3 февраля 1943 года «О состоянии художественных ценностей в музее»: «То, что в Ленинграде можно считать вполне удовлетворительным и терпимым, в Москве может показаться совершенно недопустимым, и очень серьезные и вполне справедливые требования в нашей обстановке осажденного города рассеиваются как дым под давлением грозных сил войны...»

Вот они, эти силы. За время блокады на территорию Государственного Русского музея упало: тяжелых фугасных бомб — 8; зажигательных бомб — 41; артиллерийских снарядов разных калибров — 30; и в результате абсолютно стал непригоден для хранения коллекций корпус Бенуа: здание треснуло от прямого попадания полутонной фугаски. Заколоченные фанерой окна в самом дворце ни в малейшей степени не защищали ни от холода, ни от сырости, ни даже от снега... Отсутствовало не только отопление, но и какое бы то ни было освещение... И в этих не только не музейных — нечеловеческих условиях несколько обессиленных, гибнущих от голода, стужи, обстрелов людей совершили такой подвиг, такое чудо, что в своем отчете Москве о восстановительных работах в Русском музее в 1944 году директор смог написать: «Музейные ценности от бомбежек и артобстрелов не пострадали, за исключением мелких повреждений, в пяти случаях легко поправимых».

Блокада прорвана. И снова жизнь в израненном музее. В очищенных от битого стекла, кусков штукатурки, обломков лепнины залах первого этажа 5 августа 1944 года открывается выставка, посвященная 100-летию со дня рождения И. Е. Репина. Выступающие на вернисаже А. П. Остроумова-Лебедева, директор музея Г. И. Лебедев, директор Эрмитажа И. А. Орбели говорят о том, что «открытие выставки Репина является важнейшим событием и праздником в жизни музея, в жизни города, событием, отмечающим знаменательный факт возрождения экспозиционно-выставочной работы Русского музея, прерванной с начала Отечественной войны...». Репинскую выставку посетило 15 тысяч ленинградцев, 70 экскурсий прошло по ее залам. А 24 сентября в них уже развернута новая экспозиция — 325 работ пяти художников Ленинградского фронта.

В глубине же Михайловского дворца, в пока еще не расчищенных его залах, тоже шел праздник: распаковывались первые ящики с вернувшимися домой из эвакуации произведениями. А те, что перенесли блокаду, переселяются на свои мирные места в экспозиции. Отсыревшие картины просушиваются, очищаются от плесени, обрабатываются формалином... Во дворе музея засыпаются воронки от снарядов и бомб (по отчетам общий объем их — 100 тысяч кубических метров!). Разбираются завалы с обрушенных строений, очищается иссеченная осколками кровля, и некогда стеклянные фонари верхнего света временно заделываются железом. Радостная это была работа!

* * *

Идут и идут в Русский музей непрерывным потоком люди. Еще на площади перед сквером открывают они объективы фотоаппаратов, чтобы запечатлеть первый и прекраснейший его экспонат — сам дворец: составленную из чугунных копий с золочеными наконечниками решетку, увенчанные султанами античных шлемов столбы ворот, гордый и стремительный ритм крутых циркульных арок оконных проемов и портала, лепные эмблемы на фасаде, щиты, кольчуги... Память о славных победах!

Перед глазами тех, кто уже вошел в музей, сияет чистотой и завершенностью линий, свободой легких пропорций громадный, во все три этажа главный вестибюль. Его широкая, будто невесомая лестница уводит на галерею второго этажа, уставленную мраморными и бронзовыми статуями. Отсюда вы попадаете в первые залы, где представлены древнейшие памятники русского искусства и где мудрые апостолы и святые Рублева и Дионисия подолгу беседуют о родине с юношами, одетыми в джинсы и пуловеры, девушками в высоких сапожках... В самых пышных парадных залах великокняжеского дворца встречает посетителей Русского музея столь же парадное, сияющее роскошью искусство XVIII века. В центре дворца белоколонный зал, сохранивший свое благородное убранство в том виде, в каком задумал и осуществил его руками замечательных русских и приезжих мастеров зодчий Росси. Около 160 залов ведут вас славными путями русской красоты. В марте число залов увеличится: музей реконструировал еще одно здание. Откроется несколько выставок: новых поступлений, эстампа, агитационно-массового искусства 20-х годов, истории музея.

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

БЫЛЬ

Единственный п

«Киозима норио — сё!» — в медово-вкрадчивом голосе радиодиктора истаял непрочный утренний сон Кунио Асами. Он отбросил легкое одеяло, раздвинул зеленый марлевый полог и вскочил с матраса. Солнечный свет, проникавший в щели сударэ, привычно испещрил полосами его спальное кимоно. Душевная боль, не отпускавшая его со дня смерти сестры, отстала почти на целую минуту. Он успел потянуться, присесть, хрустнув коленями, выпрямиться, и лишь тогда боль привычно заполнила грудь. В роковой день Хиросимы Мицуэ было три года, всю последующую жизнь она прожила словно под топором. Впрочем, по ней этого нельзя было сказать, настолько легкой и радостной казалась ее открытая душа. Мицуэ жила так, будто ей ничего не грозило. Она лишь старательно начесывала по утрам густые, гладкие волосы на черный струп изуродованного виска. Под топором жила мать, теперь Кунио не сомневался, что мать все время ждала беды, у нее были стеклянные глаза — блестящие и неподвижные. Но нет, и Мицуэ чего-то ждала. Она не вышла замуж, хотя ей не раз делали предложение, она наотрез отказалась поменять Хиросиму на другой город, хотя Кунио звал ее сперва в Киото, затем в Иокогаму, да и мать настаивала на переезде. Нет, подобно всем отмеченным печатью дьявола, она держалась за Хиросиму; здесь не требовалось никаких объяснений, никто ни о чем не спрашивал, здесь заранее было списано все: странности, грехи, отчаяние, неполноценность душевная и физическая, беспричинные слезы и всплески опасной веселости. Верно, Мицуэ чувствовала, что когда-нибудь ей недостанет легкости...

Сам Кунио не был под атомной бомбой, он служил в частях противовоздушной обороны в Киото и не знал того, что знали сестра и мать. Быть может, потому и пролегла между ними добрая отчужденность, некая зона умолчаний. Мать телесно не пострадала от бомбы, в тот день она с рассветом отправилась в деревню за продуктами, оставив Мицуэ на попечение соседки, и в безопасном отдалении наблюдала гигантский черный гриб, выросший над городом, над жизнью ее маленькой дочери. Долгое время она делала вид и перед собой и перед другими, что весь ущерб Мицуэ сводится к испорченной коже на виске. Она заводила разговор о переезде в другой город с таким видом, будто речь шла о чисто бытовой проблеме. Но Мицуэ не хотела, не могла уехать из Хиросимы, и мать сникла перед кроткой непреклонностью дочери. Да иначе и быть не могло, в ней текла здоровая кровь, но ведь существует атомная болезнь души. В Хиросиме не было пострадавших и уцелевших — опалены взрывом были все. Да и только ли в Хиросиме? Разве Кунио так уж безраздельно принадлежал миру здоровья и неомраченного благоразумия? Разве был у него день, вернее, ночь, когда бы все не сжималось в нем мучительным страхом за Мицуэ? Черная атомная поганка вечно находилась у него внутри, но в дневной суете он как-то забывал о ней, а ночью она распухала в груди, давила на сердце, душила, исторгала слезы и хриплые стоны.

Теперь уж нечего бояться, ожидаемое свершилось: у Мицуэ прядями вылезли волосы, тело покрылось темными знаками, похожими на стигмы, и в беспощадной ясности сознающего рассудка она умерла. Ни в чем не повинная перед миром, любившая все живые существа, цветы и деревья, веселые книжки и музыку, двадцати пяти лет от роду стала добычей могильных червей.

Мицуэ умерла, а по улицам Хиросимы по-прежнему ходят красивые девушки и молодые женщины, обреченные на безбрачие, ибо под одеждой они скрывают уродливые шрамы ожогов. Их обгоняют молодые мужчины спортивной внешности, сплошь мускулы и сухожилия, с оловянными глазами, их взгляд никогда не озарится желанием...

Все эти образы и соображения, с калейдоскопической быстротой мелькавшие в голове Кунио, пока он скидывал теплое, чуть влажное в проймах спальное кимоно, мылся в ванной комнате, чистил большие, неровные зубы, одевался и брился электрической бритвой, нельзя было назвать размышлением, они творились сами по себе, без всякого усилия, волевого импульса с его стороны, даже вопреки ему. Кунио охотно подумал бы сейчас о чем-нибудь другом, но он не мог помешать разматываться тяжелой, как якорная, цепи воспоминаний. И Кунио знал, что опять придет к нему смутное чувство вины, опять он будет казниться тем, что в жизни не совершил ни одного *своего* поступка.

Эта мысль, давно томившая Кунио, стала нестерпимой после смерти сестры. Он всегда жил чужим умом, чужой волей, чужой указкой. Все решали за него другие. В детстве им правили родители, в школе — учитель, в армии — сержант, в мирной жизни — главный бухгалтер фирмы, где он служил. Эти люди порой давили на него грузом собственного авторитета, порой же прибегали к поддержке верховной власти: бога, императора, лейтенанта — командира взвода, директора фирмы. Родители умерли, бог низвергнут, император низведен до роли слабоодушевленной куклы, годной лишь для представительства на приемах и раздачи школьных наград. А главный бухгалтер и небожитель — директор по-прежнему осуществляют свою власть. Они требовали от Кунио повышения квалификации — и он подчинялся. Они увеличивали ему заработную плату и тем призывали к улучшению быта — Кунио пришлось купить громадный телевизор, наисовременнейший холодильник и, наконец, автомобиль «тойопет» за четыреста тысяч иен с годовой рассрочкой. Машина потребовала строительства навеса и регулярной кормежки бензином по пятьдесят восемь иен за литр.

Впрочем, он жил в подчинении не только у своих прямых хозяев. Его сознание находилось в иных тенетах: политические демагоги через газеты, радио и телевидение навязывают ему свои решения по всем главным вопросам, от которых зависит жизнь и смерть его близких. В юности ему казалось, что люди, присвоившие себе право решать за него, осияны светом высшей справедливости, недаром же за ними незримо высились бог небесный и земной бог — император. Но эти идолы рухнули и разлетелись на куски в позорный день капитуляции, и теперь указчики опираются лишь на свою беспредельную наглость, рутину и привычную покорность масс.

Но он, Кунио, еще бóльший раб, чем другие. Полной самостоятельности не оказалось даже в таком интимном его поступке, как женитьба на Эмико. Она работала в баре «Волна» и подсела к нему однажды, когда он в одиночестве тянул виски. Она была очень скромна и разорила Кунио лишь на бутылку тринадцатиградусного пива. Затем пригласила его танцевать и во время танца погладила по щеке. Он никогда не имел дела с хостесс, или баргерлс, как их еще называют, но знал, что они скромны, серьезны и не позволяют посетителям лишнего, их цель — завязать долгие, прочные отношения, нередко кончающиеся браком. Кончающиеся... А у него с этого началось. Он и трех раз не встретился с Эмико, лишь однажды, и то обманом, поцеловал ее в губы, когда его пригласили к директору фирмы. Только с Кунио бывают такие истории: отец Эмико, в прошлом военный, а ныне захудалый железнодорожный служащий, оказался другом детства директора, и тот жестко предупредил Кунио, что, если он рассчитывает на продвижение, ему следует узаконить отношения с девушкой, которой вскружил голову. Кунио, несомненно, и сам пришел бы к такому решению, Эмико ему нравилась, он был на пороге

влюбленности, но именно на пороге, и тут чужая рука вновь схватила его за шиворот и перетащила через порог. Его сердцем распорядились так же властно и беззастенчиво, как раньше распоряжались рассудком и верой. Впрочем, он мог лишь благодарить заботливого, но чересчур нетерпеливого отца Эмико: она оказалась прекрасной женой — нежной и преданной, она подарила ему двух чудесных близнецов — Тацуо-цана и Тадаси-цана, вон они спят на своих коротеньких тюфячках, сжав маленькие крепкие кулаки и шевеля лиловатыми губами. Кунио был счастлив с Эмико, но стоило вспомнить, что и здесь чужая воля опередила его собственный поступок, как в душе закипало раздражение.

— Завтрак готов! — послышался из кухни шепот Эмико.

На столе уже дымился мисосури, он знал, что потом будут соленые огурцы, редиска, вареный рис и чай,— этот завтрак ему подавали изо дня в день вот уже восемь лет. Он ничего не имел против горохового супа и зелени, но разве его спрашивали об этом? Перед ним ставили маленькие мисочки — ешь. А я не хочу мисосури, не хочу редиски и соленых огурцов, да и риса я не хочу! Я хочу рыбу, сырую, розовую кету я хочу! И похлебку из красных соевых бобов, непременно красных! Но он уже отхлебнул горячей, вкусной — в какой уже раз вкусной — гороховой похлебки, покорившись малому насилию столь же безропотно, как и насилию большому.

— Пора будить мальчиков! — сказала Эмико.

Она обогнула плиту обычным гибким движением своего узкого, стройного тела, движение это взволновало Кунио и неожиданно для самого себя он громко всхлипнул.

— Что с тобой? — растерянно спросила Эмико.

«Кажется, я впервые совершил какой-то свой, да к тому же необъяснимый поступок...»

— Суп попал в дыхательное горло,— мгновенно овладев собой, соврал он.

Эмико улыбнулась, не размыкая нежных, долгих губ, и прошла в детскую.

«И все-таки я сделаю это...» — подумал он и не почувствовал жалости к себе.

Он оделся, повязал галстук, снял с вешалки пыльник и тут приметил на телефонном столике программу недельных соревнований по сумо, проходивших в Токио. Вначале весь кокугикан болел за Тайхо, бессменного чемпиона последних лет, его превосходство казалось настолько неоспоримым — случайный проигрыш нокодзуну Сатанаяма ничего не значил,— что было просто бессмысленно болеть за когонибудь другого. И потом его любили — за добродушие, застенчивую улыбку, мощное и гармоничное сложение, решительную, но не жесткую повадку кроткого богатыря. Когда же одзеки Китанофудзи внезапным рывком поставил его на самый край дозё и взбугрилась в последнем изнемогающем напряжении необъятная спина борца, с публикой случилось что-то невообразимое. Она вдруг возненавидела его за свое долгое преклонение перед ним и за то, что он оказался не таким совершенством, как привыкли думать, что он обладает человеческими слабостями и не всегда способен собрать себя для победы, к тому же вспомнили, что он не чистый японец, мать у него русская из Харбина.

Кокугикан неистовствовал. Люди орали, грязно ругали Тайхо, яростно подстегивали Китанофудзи, оскорбляли гиодзи, якобы не заметившего, что Тайхо заступил за край дозё. Прямо в затылок Кунио, так что шевелились и вставали дыбом его слабые, поредевшие волосы, заходился в крике молодой японец. Сорвавшись с голоса, он издавал странное нутряное рычание, напоминавшее предсмертный хрип. Кунио оглянулся, из жерла широко отверстого рта его обдало гнилостным дыханием, будто пахнуло в самое лицо смрадом могилы, войны. Его чуть не стошнило, он поспешно отвернулся, зажав нос и рот носовым платком. Смирение, кротость, всепрощение — единодушно восславляемые добродетели послевоенной Японии, побежденной, расставшейся с духом самураизма Японии, куда вы скрылись? За страшной маской вонючего юнца скрывались те же самурайские страсти: агрессивность, ярость, беспощадность, что считались добродетелями в Японии победоносной. Но откуда эти свойства у тех, на чью молодость легла тень от черного атомного гриба? Когда же Тайхо, нечеловеческим усилием выстояв, швырнул наземь одзеки Китанофудзи, страсти разом улеглись, словно никто не желал ему поражения. Дружные, вежливые аплодисменты. Толпа вернула себе корректность, скромность, кроткость. Все дело в том, что японцы, как никто, умеют смиряться с поражением.

И тогда Кунио лишний раз уверился, что необходим поступок, хотя бы один-единственный...

«Доброе утро, малыши!» — раздалось из детской. Это проснулись близнецы и сразу включили детскую передачу.

— Иттэмайримацу! — сказал Кунио громко, отворяя дверь.

— Иттэрасей! — отозвался тонкий голос жены, вдруг напомнивший голос Мицуэ.

Кунио подумал, что должен совершить свой поступок не ради погибшей сестры и всех обреченных разделить ее участь, не ради будущего своих и чужих детей, а прежде всего ради самого себя. И поступок этим не обесценивается, напротив, обретает предельную чистоту правды и неизбежности. Решившись на поступок, он перестанет быть роботом, разом оборвет все провода, по которым шли к нему веления сильных мира сего, узурпаторов мнений, идеологии, морали, узурпаторов времени, здоровья, чувств и мыслей малых на земле.

Возле дома пожилой газетчик с голыми, воспаленными глазами отлеплял от толстой пачки свежий, клейкий газетный лист и наугад совал в очередную руку. Газеты остро пахли мочой, Кунио замутило, как тогда в кокугикане. Вот один из главнейших и подлейших проводников воли власть имущих. Газеты куда въедливей и опасней радио и телевидения. Как замечательно объясняли они благостную необходимость атомных бомб, сброшенных американцами под занавес минувшей войны на разгромленную страну. Японское командование тянуло с капитуляцией, а коммунисты готовили вторжение в Японию. Американцам, естественно, ничего не оставалось, как для блага самих же японцев сбросить атомные бомбы... И как кричали, вопили, стонали, выли газеты, что никогда больше смертоносный атом не осквернит земли, неба и вод Японии. Золотые слова! Только вот как быть с американскими военно-морскими базами, ну хотя бы в близлежащей Йокосуке, куда то и дело заходят атомные подводные лодки с термоядерным вооружением?.. Конечно, они приходят к берегам Японии с той же спасительной миссией, хотя Японии никто не угрожает. Но теперь, когда носители термоядерного оружия кишат в японских территориальных водах, естественно предположить, что другие члены «атомного клуба» — экое название подлое! — рассматривают длинную, узкую полосу суши, именуемую Японией, как возможную мишень для своих ракет с атомными боеголовками. Страшно, что судьба многомиллионного народа доверена тупости, слепоте и безответственности кучки демагогов, всевластных, как рок, от всеобщей покорности и привычки к невмешательству. Поступок Кунио необходим, чтобы наконец-то громко заявила о себе тьма-тьмущая безвестных людишек, тех, что толпятся на улицах и площадях городов, заполняют магазины и бары, поезда

метро и воздушки, кино и стадионы и что в первую очередь гибнут от стихий и войн, от эпидемий и новых патентованных средств.

Машина, как всегда, завелась с пол-оборота. Он оставил мотор работать и заглянул в багажник. Вынул металлическую канистру, встряхнул и поставил назад. Затем он некоторое время стоял, будто все умственные и жизненные силы внезапно покинули его и уцелела лишь телесная оболочка.

Кунио вздрогнул, обрел себя и продолжил чреду необходимых физических действий: захлопнул и запер багажник, сел за руль и включил скорость. Машина мягко тронулась, это был единственно приятный момент в его шоферской практике — плавный, изящный и безопасный старт, затем начиналась тревога: он всегда опасался наезда, столкновения, особенно при повороте направо с пересечением улицы. Ставить машину под навес он тоже не любил, для этого приходилось пользоваться задним ходом и круто выворачивать шею,—он не умел ориентироваться по зеркальцу над лобовым стеклом, а его мучили отложения солей.

Кунио проехал мимо газетного киоска, червячок очереди по-прежнему упрямо полз за утренней порцией каждодневной отравы. Справа густой, свежей зеленью стал парк. У решетки знакомый старик, окруженный детьми, колдовал над крошечной птичкой, доверенной судьбы. Кунио с силой затормозил, машина замерла как вкопанная, а кузов резко подался вперед.

Кунио выскреб из кошелька мелочь и опустил в узкую, морщинистую ладонь старика. Тот улыбнулся, показав черные корешки в бескровных деснах, побренчал монетками и тихонько защелкал языком. Перед ним на козлах лежала гладкая узкая доска, на одном конце стоял крошечный домик, на другом — нечто вроде сараюшки, посредине находился ящичек, набитый свернутыми в трубочку бумажками, и вделанная в доску копилка с узкой щелью. Старик присвистнул. Отворилась дверца, из домика высунулся розовый клювик, затем лиловая головка с бусинками глаз и, наконец, вся серая, с зелеными крылышками и черным хвостиком птичка-невеличка. Она запрыгала к сараюшке, раздвинула клювиком дверцы, там висел колокольчик на красной крученой нитке. Птичка-невеличка защемила клювиком нитку и несколько раз дернула, колокольчик издал слабый, мелодичный звон. «Глас судьбы,— усмехнулся про себя Кунио,—

моей судьбы, оттого он и тонок, как мышиный писк». Притворив дверцы, птичка подскакала к хозяину и замерла на комариных ножках. Он положил перед ней монетки с дыркой посредине, полученные от Кунио, и птичка столкнула их в щель копилки, затем деловито устремилась к ящичку, порылась в нем и вынула свернутую в трубочку бумажку. Старик опять защелкал, заверещал, птичка прыжком повернулась к Кунио, положила перед ним бумажку, быстро заскакала в свой домик и скрылась за дверцей.

Кунио засмеялся, взял предсказание и пошел к машине. Лишь отъехав порядочное расстояние, развернул он бумажку. «Высшие силы покровительствуют Вашим начинаниям, с Вами бог и император». Похоже, предсказание было заготовлено еще до разгрома Японии, когда слово «император» звучало грозно и сладко. Впрочем, для стариков оно и сейчас сохраняет свое обаяние. Кунио скомкал бумажку, выбросил ее в окно и всем организмом ощутил, что никогда не совершит задуманного поступка...

...— Киозима норио — сё!..

Кунио Асами рывком отнял тело от матраса: новый день проникал в комнату золотистой пылью утренних лучей. Привычные, до одури привычные движения, привычная влага под мышками и на груди, привычная свежесть воды из плоско расплющенного, как клюв диснеевского утенка, крана умывальника, привычный мятный холодок зубной пасты, привычное прикосновение головной щетки к редеющим волосам и чувствительной коже на темени; неизменное видение хлопочущей на кухне жены; завтрак: мисосури, зелень, рис и чай. (Я хотел бы суп из красных соевых бобов!) «Доброе утро, малыш!» — Это проснулись близнецы, подняли с подушек свои черные теплые головы...

В прихожей на телефонном столике рядом с пожелтевшей программой соревнований по сумо лежала телеграмма, извещавшая о смерти матери. Мать скончалась ровно через неделю после похорон Мицуэ: приняла слишком большую дозу снотворного. Телеграмму отправили соседи матери, они же предали земле ее тело. К великому их сожалению, ждать приезда Кунио не представлялось возможным: тело обнаружили лишь на третий день, и нельзя было медлить с похоронами. Мать покончила самоубийством, в этом не было сомнений. Она дала себе ровно неделю испытательного срока: приумолкнет ли в ней лютая тоска по дочери, ощутит ли она в себе хоть малую способность жить дальше? Она поняла, что это безнадежно, и простилась с жизнью. Она не оставила записки, не попрощалась с Кунио, чтобы он не думал о том страдании, которое привело ее к самоубийству; пусть считает, что она не рассчитала дозу люминала. Кунио казалось: это он убил мать. Он не совершил своего поступка — и вот новая жертва. Он понимал вторым умом, что это чушь собачья, он вовсе не причастен к смерти матери и поступок его мог лишь ускорить ее гибель, но никак не предотвратить...

— Иттэмайримацу!..

— Иттэрасей!..

Солнце. Голубое шелковое небо. Запах океана. Мать была очень маленькой женщиной. Она всегда носила национальную японскую одежду, затрудняющую дыхание. Чтобы облегчить дыхание, приходится горбиться, как бы перегибаться через тугой перехват оби. И мать всегда жила среди низенькой мебели, принуждающей к наклону, и детей она носила за плечами, на широком банте. В старости у нее нарос горбик, совсем пригнувший ее к земле. Она была такая крошечная, что издали ее принимали за ребенка, а вблизи она казалась существом из сказки — горбатый, дряхлый гномик с какой-то зеленоватой щетинкой на изморщиненном личике. Но в мизерном, искривленном, изношенном тельце билось живое, любящее сердце, и сердце это не выдержало гибели родного существа, захотело смерти. Наверное, совсем немного порошков понадобилось матери, чтобы перестать быть. И как же это беспощадно, что ей, почти бесплотной — мятый листок пергамента,— сопутствовала в смерти унизительная неопрятность!..

Кунио завел машину и двинулся обычным маршрутом на службу. У ограды парка, как всегда, окруженный детьми, стоял со своим лотком дрессировщик маленьких птиц. Старик улыбался с дежурной приветливостью. Птичка прыгала от своего домика к звоннице.

— Ваша птичка очень плохо предсказывает судьбу! — крикнул Кунио.

Дети испуганно уставились на Кунио, улыбка застыла на коричневом лице старика. Птичка как ни в чем не бывало зазвонила в колокол. Кунио рванул с места. Послышался жалобный визг и отчаянный женский вопль. Кунио оглянулся: пожилая женщина в темном кимоно причитала над желтой дворняжкой, похожей на лису.

«Неужели я ее задавил?» Собака, изгибаясь, пыталась лизнуть себя в палевый задик. Когда же хозяйка протянула к ней руку, чтобы приласкать, она сердито тявкнула и упруго отскочила в сторону. «Слава богу, кости целы, я просто толкнул ее колесом». Ему вспомнилась странная выдумка детских лет, неоднократно возвращавшаяся позже, в зрелые годы, когда ему было особенно плохо и одиноко: в казарме, в больнице, где он лежал с желтухой, в холостяцкой бессоннице перед женитьбой на Эмико. Однажды он повстречал на улице рослого пятнистого дога, его вел на коротком поводке высокий, сухой англичанин с изможденным и энергичным лицом пророка. Дог был ростом с теленка и пятнист, как ягуар, только иной расцветки: белое, в голубизну, поле, шоколадный крап. Массивная голова то вскидывалась на крепкой, красивой шее, и с брылей тянулись нити слюны, то поникала, словно под бременем глубокого раздумья, напрягалась, вздрагивала кожа в узких пахах, дог был полон трепещущей жизни, грозной готовности к взрыву и странной тайны: то ли святой, то ли разбойник. И маленький Кунио, мгновенно влюбившись в дивного дога, погладил его по теплой, гладкой голове. Хозяин что-то крикнул испуганно-зло и натянул поводок. Дог оскалил пасть, клацнул желтыми клыками, и, задышливо хрипя, потянулся к мальчику крутым надбровьем в детскую ладонь, и заворочал там головой, закинув на руку Кунио клейкую ниточку слюны. Догу тоже почему-то полюбился маленький японский мальчик. С тех пор этот дог много-много раз являлся Кунио перед сном. Он стал его другом, преданным, надежным, понимающим с первого взгляда. Чтобы им проще было общаться, догу пришлось встать на задние лапы, и Кунио старательно придумывал особые приспособления, чтобы дог мог надеть ботинки или хотя бы деревянные сандалеты. Он изобрел искусственную ступню, надевавшуюся на лапу вместе с тугим эластичным носком. Остальная одежда дога, позволявшая ему являться в любом обществе, состояла из черно-голубого кимоно и басконского берета с прорезями для ушей. В мечтах Кунио они были неразлучны и непобедимы. Они посещали ночные бары, чемпионаты сумо и дзюдо, ездили в Хаконе, где принимали серные ванны, и на другие модные курорты, их постоянно окружали красивые женщины и веселые друзья. Случалось, на них нападали разбойники, гангстеры и просто хулиганы — дог пускал в дело свои могучие клыки, и враги обращались в позорное бегство. Они все делили пополам, даже любовницу, стриженную под мальчика одноклассницу Кунио. В этой выдумке не было ничего дурного, ведь они только защищали Марико от уличных мальчишек, носили ее учебники, иногда по очереди целовали в стриженую голову.

Самое же странное, что и в зрелые годы Кунио серьезно мечтал об этом необыкновенном четвероногом друге, прочно ставшем на задние лапы. Дог приходил к нему в казарму мудрым армейским капитаном в бессонные часы между отбоем и воздушной тревогой — кошмаром солдатских ночей; он являлся Кунио пожилым пенсионером-инвалидом в годы послевоенного неустройства и вселял в Кунио надежду и веру в жизнь; скромным, но полным достоинства бухгалтером навещал он Кунио, ставшего семейным человеком, но так и не обретшего спокойного сна,— уж не он ли заронил в Кунио мысль о поступке?..

В каком одиночестве мог возникнуть этот образ и какая потерянность наделила его столь долгой жизнью? Люди страшно разобщены. Как-то раз он увидел в витрине магазина книгу «Одиночество бегуна на длинной дистанции», хотел купить, но раздумал, боясь разочарования, ведь больше того, что заложено в щемящем названии, не скажешь. Да, мы все бегуны на длинной дистанции жизни и все безмерно одиноки, ибо не можем остановиться, подождать других бегущих и отыскать сообща какую-то важную цель.

По улице, стуча деревяшками сандалет, мягко ступая каучуком и синтетической резиной, твердо — кожей, мчались бесчисленные стайеры; не поражаясь существованию себе подобных, не пытаясь вглядеться во встречное, быть может, единственное лицо, обведенные магическим кругом одиночества, позволяющего не замечать материального прикосновения в толчее к чужой плоти, свершают свою ежедневную круговерть одушевленные песчинки мироздания на пути к последнему, вечному одиночеству. Их разобщенность, неспособность к самостоятельному объединению и позволяют власть имущим вертеть ими в любую сторону, лишая памяти о вчерашнем, вылизывать и оплевывать и вновь вылизывать одних и тех же идолов.

Сильный, властный сигнал отбросил Кунио к тротуару. Мимо мягко прошуршал шинами открытый шоколадный «роллс-ройс». На голубых кожаных подушках сидел американский контр-адмирал с розовым рекламным лицом. Контр-адмирал приметил растерянность водителя маленького «тойопета», слишком резко метнувшегося в сторону, и улыбнулся мягким ртом, уютно покоившимся между двумя розовыми сафьяновыми округлостями.

Шоколадный «роллс-ройс» растворился в солнечной дали, он шел по трамвайным путям в обгон потока машин, держа путь к Йокосуке.

«Кажется, я начинаю понимать, в чем смысл моего поступка. Конечно, я никогда не совершу его, но думать о нем не возбраняется. Надо приостановить эту толпу бегунов на длинную дистанцию, дать им хоть миг раздумья, а для этого и надо удивить, поразить, ошеломить. Слушаться они способны лишь тех, у кого власть да деньги, всякому другому необходим смертельный трюк, чтобы привлечь внимание. Если бы можно было пройти по проволоке, натянутой между телевизионной вышкой и крышей «Принц-отеля» в Токио, и, балансируя над бездной, кинуть в толпу какие-то слова! Но затем следует разбиться, оставив по себе на асфальте кучку розовой грязи, иначе толпа все равно забудет через мгновение все слышанное, а так что-то задержится в памяти. Ведь они все глухие, они слышат лишь транзисторы, они слепы и видят лишь телевизионные программы и спортивные зрелища, их мотыльковая память живет один день — от газеты до газеты...» Он по-прежнему не мог представить себе реальных следствий своего поступка, но он знал теперь, что самый замысел был верен.

Кунио подъехал к бензозаправочной станции «Мицубиси». Он очень любил заправочные станции, здесь царил дух разумности — только необходимое, в должном, не чрезмерном количестве. Недавно он прошелся в Токио по торговому району Асакуса. Бесчисленные лавочки были завалены неправдоподобным количеством товаров. Кунио хотел купить плетеные летние туфли, но так и не сделал этого, ошеломленный безграничностью выбора: тут было сто, двести, тысяча фасонов плетеных туфель из кожи, замши, пластиков, веревок, с округлыми, квадратными, острыми, острейшими, скошенными, загнутыми вверх, как у средневековых французских герольдов, а также с расплющенными носами и вовсе без носов; туфли на шнурках, кнопках, пуговицах, «молниях», ремешках, пряжках, мокасины и типа сандалет без задников; черные, белые, коричневые, желтые, красные, цвета жженого сахара, оранжевые, кремовые, серебряные, небесной лазури и разноцветные; лакированные, юфтевые, глубокие и плоские, рассчитанные на высокий и низкий подъем, на плоскостопие и кривизну ступни, с пробковой и перлоновой прокладкой. У Кунио закружилась голова, и он поспешил вырваться из жуткого торгового рая.

Но заправочными станциями еще не овладела страсть к чрезмерности, желание погубить соперника безграничностью прейскуранта, шарлатанским варьированием одного и того же. В нужном для дела количестве стояли на

полках красивые желтые банки с машинным маслом, ярко-красные жестянки с полировочной жидкостью, разноцветные банки с краской и лаком, канистры разной вместимости из железа и пластмассы и прочие предметы первой дорожной необходимости.

Пока заправляли машину, Кунио присмотрелся к канистрам. Он всегда любил бледно-розовый цвет: это цвет белого голубя на восходе, это естественный цвет нежного фламинго. Он выбрал маленькую пятилитровую канистру и проверил пластмассовую пробку. «Не пропускает?» — спросил он продавца. Тот сделал испуганное лицо: «Как можно?» — и сокрушенно развел руками. Кунио дал заправить эту маленькую канистру и поехал на службу.

Да, все люди одиноки, но разве может сравниться их одиночество с той потерянностью, что достанется ему, когда он выйдет на дистанцию своего поступка... «А черт! — сказалось в нем с тоской,— но ведь лишь когда я думаю о своем поступке, я перестаю ощущать одиночество, и все, все чужие люди становятся мне слезно близки, и это правда, настоящая правда, она у меня в кишках...»

Это и в самом деле началось в кишках, их больно скрутило, затем спазмом свело живот и толкнулось по пищеводу к горлу. Он едва успел нагнуться, иначе бы его стошнило прямо на руль и лобовое стекло. Весь утренний завтрак, который он даже не успел переварить, остался на полу машины: гороховый суп, овощи, рис. Но Кунио казалось, что его вырвало поступком...

Пришлось заехать в тихий проулок и с помощью обтирочных концов и старых газет, случайно оказавшихся под сиденьем, прибрать в машине...

...— Киозима норио — сё!

Кунио открыл глаза. Все то же, жизнь начинается заново. Сейчас он встанет, сменит спальную одежду на легкое кимоно, умоется, почистит зубы, проведет электрической бритвой по гладким щекам, проглотит завтрак: гороховый суп, овощи, рис, чай, услышит из детской утреннюю передачу для младших школьников, наденет костюм, рубашку, повяжет перед зеркалом галстук, крикнет жене: «До свидания»,— услышит ее ответ и поедет на службу мимо старика с умной птичкой, по знакомым улицам, в привычном, хотя и всегда тревожном потоке машин...

Ему не хотелось вставать, не хотелось одеваться, завтракать и ехать на службу. Не хотелось видеть жену и думать о детях, ему ничего не хотелось. Он был пуст внутри, как испорченный лесной орех — под толстой и твердой коричневой кожурой вместо ядрышка гнилой дымок. Он избавился от ужаса последних дней, но и от попытки придать смысл своему существованию он избавился тоже. Он уже не мог думать ни о Мицуэ, ни о матери, потому что предал их. И близнецов он предал, и жену, и всех мечущихся по улицам, тоскующих на набережных, бредущих сельскими дорогами, спящих под черепичной или соломенной крышей, потеющих на рисовом поле и в любовной схватке, ловящих рыбу и добывающих полезные ископаемые из недр, всех стоящих у станков, печей и топок, корпящих над бумагами, потому что они не знают, как поступить, они не нашли своего поступка, даже не догадываются, что есть поступок, доступный обычному трудовому муравью, что можно с чего-то начать, а он нашел такой поступок, но не удержал в себе, выблевал вместе с завтраком в машине...

За завтраком он спросил жену:

— Что у тебя пригорело?

— Я ничего не жарила,— отозвалась она удивленно.

— Не понимаю,— сказал он,— пахнет горелым.

Жена втянула воздух деликатно прорезанными ноздрями, открыла духовку газовой плиты, заглянула туда.

— Ничего нет.

— Бог знает что такое! Ужасно несет горелым!

Она сделала жалкое лицо.

— Ну что ты меня мучаешь?

Запах, только что ломившийся в ноздри, забивавший горло, разом пропал.

— Прости, пожалуйста, мне просто показалось...

...На опаловой глади бухты темнело громадное, долгое тело атомной подводной лодки с нежным именем «Мермейд». Команда лодки вбивала каблуки ярко начищенных башмаков в поплывший асфальт возле ворот военного порта.

Двадцатилетний матрос Джонни Браун отстал от товарищей, ему хотелось один на один встретить обетованную землю моряков, именуемую Японией. Он был наслышан об утонченной японской деликатности, несравненной предупредительности к чужеземцам, о ласковой покорности маленьких японских женщин и мечтал о нежных приключениях.

Джонни был слишком взволнован, чтобы охватить расстилающуюся перед ним панораму. Мерцало огромное, пустое, синее небо, серебристо переливалась стрельчатая листва невиданных деревьев, кочевряжились на стенах домов иероглифы, напоминавшие пауков, странное безлюдье наполняло душу смутной тревогой, и он не мог взять в толк, откуда же придет к нему ожидаемое счастье. Потом на пустынной площади появилась маленькая красная машина. Не доезжая шагов десяти до моряка, машина остановилась. Из нее вышел коротышка-японец, довольно прилично одетый: серый костюм в полоску, одного цвета галстук и платочек в кармашке, узконосые замшевые туфли. «Допотопные копыта!» — отметил про себя Джонни. У японца был белый, ровный пробор в жгуче-черных и блестящих, как от бриллиантина, волосах, неровные голубоватые зубы все до одного открывались в улыбке. А японец не переставал улыбаться, и, хотя рот у него был нехорош, улыбка показалась Джонни симпатичной, и он тоже улыбнулся японцу.

Под мышкой у японца был рулон бумаги, похожей на обойную. Он стал разворачивать этот рулон, чтобы Джонни мог прочесть надпись, сделанную черной тушью по-английски. Джонни похолодел от сладкого предчувствия. Японец развернул свою писанину, это не было рекламным проспектом турецких бань, тайного дома, опиумной курильни. «Хиросима не должна повториться. Атомному оружию не место у берегов Японии. Оставьте нас!»

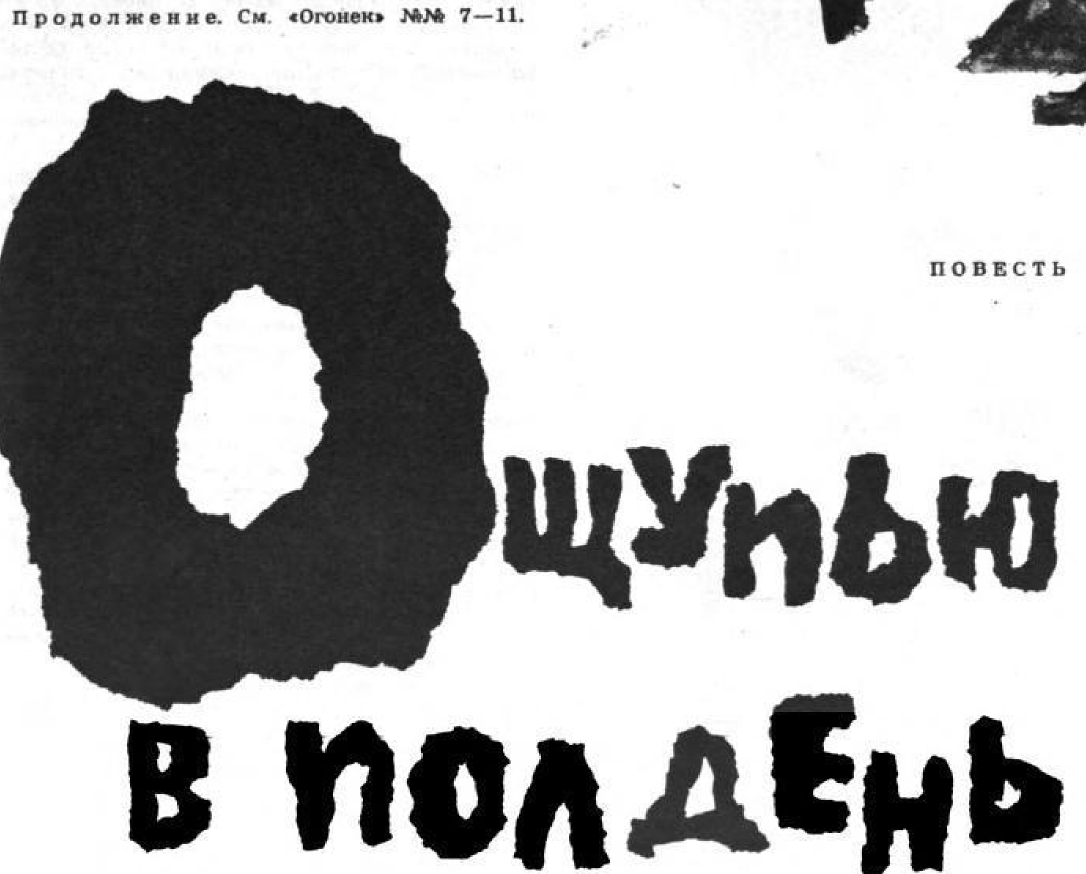
Джонни Брауну приходилось слышать о подобных выходках, порой случавшихся в разных странах, где базировались американские войска. Он думал, что поводом служило или дурное поведение подвыпивших солдат, или опасные заявления чересчур воинственных генералов. Но он, Джонни, вел себя тихо и прилично, он ненавидел войны и плевать хотел на атомную бомбу. Он шел сюда с открытым сердцем. Вот оно, хваленое японское гостеприимство! Огорчение сменилось гневом, Джонни чувствовал, как потяжелели кулаки. Дать ему по зубам, чтоб научился вежливости.

Японец положил бумагу на радиатор, она тут же свернулась в рулон. Надпись исчезла, и Джонни подумал: не оставить ли без внимания эту вонючую выходку, уж больно не хочется начинать знакомство со страной мордобоем.

Японец достал из машины небольшую розовую пластмассовую канистру, открыл пробку и стал поливать себе на голову. Это было так нелепо и смешно, что вся злость покинула Джонни,— да, с японцами, видать, не соскучишься. Японец опорожнил канистру, его серый костюм намок и потемнел. Он осторожно поставил канистру на землю, чиркнул спичкой и вдруг весь, с головы до пят, вспыхнул синим пламенем. Вот это был фокус! Ветер, тянущий с океана, подхватил голубой огонь, сдул с японца, так что на миг они существовали порознь — человек и голубое пламя, как-то странно повторяющее очертания его фигуры,— а затем вновь слились. Японец стал прыгать, корчиться, извиваться, он хотел скинуть голубую кисею, окутавшую его тело, но не тут-то было! И Джонни засмеялся, непроизвольно защищаясь смехом от гибельного ужаса, а японец истошно закричал, и Джонни закричал тоже и кинулся бежать. Когда же его поймали, скрутили и запихнули в санитарную машину, он опять начал смеяться. Он до сих пор смеется в психиатрическом отделении военно-морского госпиталя, смеется до изнеможения, до жгучей боли в животе, горле и груди, и тогда ему дают таблетки, и он засыпает, и наступает отдых его измученному смехом телу.

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

Козак понуро шагал сзади Тихонова и негромко бормотал: «Я такой любвеобильный и добрый человек... Кто мог знать?..»

Тихонов остановился и подождал его.

— Слушайте, Козак, я не любитель заниматься доносами, но если я хоть раз еще услышу от вас слово «любовь», я напишу любимой пятой жене письмо с описанием ваших похождений.

— Не буду,— покорно согласился Козак.

На остановке долго ждали автобуса. Тихонов совсем замерз и проклинал себя, свою работу, блудливость Козака, подлость Алешиной, зиму, автобусное расписание.

В автобусе было совершенно пусто. Козак побежал к кассе с возгласом:

— Я возьму билеты...

— Мне не надо. Мне полагается бесплатный проезд.

— Неужели? — пришел в восторг Козак.

— А вы думали, что я к вашим дамам еще на собственные деньги должен ездить?

— Нет, конечно. Это справедливо.

Минут десять молчали. Тихонов немного отогрелся, вспомнил испуганно-возмущенный вид Козака, и ему стало смешно. Козак, видимо, тоже успокоился и робко сказал:

— Если вы только не передумали, товарищ Тихонов, и у вас не будет, упаси бог, неприятностей на службе, расскажите, пожалуйста, как вы узнали, что лежит у меня в карманах.

Тихонов засмеялся:

— Меньше о бабах думать надо, тогда будете наблюдательней. В левом кармане ключи — вы продавили мне ими бок, сидя рядом в автобусе. Там у вас лежало еще что-то твердое, я все не мог понять. Но, когда вы спрыгнули с подножки, загромыхали спички. Ясно? Когда вы шли по тротуару, в узких заснеженных местах вы прижимались ко мне правым боком, и я ощущал какую-то гладкую плоскую поверхность. В пепельнице на столе я видел окурок папиросы с изображением трех былинных молодцов. Что же еще вам держать в кармане, как не «Три богатыря»? Перочинный нож? Ну, это совсем просто. Под столом валялась картонная коробочка из-под него с описанием всех его достоинств. Когда я пришел в номер, вы, как воспитанный человек, сразу надели пиджак. При этом я заметил, что левый внутренний карман у вас застегнут булавкой. Для надежности. Ясно: деньги.

— Да, но откуда вы узнали, что лежит в бумажнике?

— Проще простого. Железнодорожный билет и счет за гостиницу вы сохраняете для отчета. В гостинице надо оплачивать каждые десять дней, а вы живете уже тринадцать. Судя по куче свертков и пакетов на вашей кровати, вы покупали для дома разные разности. Чтобы не забыть чего-нибудь, жена дала вам списочек — из него вы вычеркивали уже купленное...

— А пятнадцать рублей?

— Заначка. На прощальный бал с Пусенькой. Все просто.

— Незабываемо...— восхищенно сказал Козак.

Тихонов сонно глядел в окно, задумчиво отбивая пальцем на замерзшем стекле только ему известный ритм. Потом спросил:

— Послушайте, Козак, вы читать любите?

Козак подозрительно покосился:

— Вообще-то... как любой интеллигентный человек... то есть, конечно... если есть время.

— Понятно. А какой жанр вас больше привлекает?

— Это даже трудно сказать,— замялся Козак, но сразу же воспрянул: — Мне близка интеллектуальная фантастика! Особенно английская.

— Вы полагаете, что Бредбери — англичанин?

— Ха-ха! — сказал нервно Козак.— А что, нет? Впрочем, я всегда предисловие читаю потом, чтобы не создавалось предвзятое мнение.

— Так какое же у вас сложилось непредвзятое мнение?

— Великолепно, великолепно. Правда, я ее не дочитал еще до конца, потому что совсем недавно достал с большими трудностями. Вы же знаете, как трудно достать Бредбери!

— Угу,— кивнул Стас...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 7—11.

В центре Тихонов сошел. Он постоял на остановке, и со стороны могло показаться, что он забыл, куда ему надо идти. Стас достал из кармана записную книжку и ручку, открыл и долго рассматривал какую-то схему из квадратиков, соединенных стрелками. Снежинки падали на листок и слабо искрились под неживым светом уличного фонаря. Стас стряхнул ручку и, прислонив книжку к столбу, стал аккуратно заштриховывать квадратик, где была вписана фамилия Козак. Зачеркнув половину, Стас остановился, подумал. Закрыл книжку, засунул ее глубоко в карман и медленно пошел домой.

Была ночь, была уже среда, пятнадцать минут третьего.

СЛЕДУЮЩАЯ СРЕДА

1

Винтовку, из которой убили Таню Аксенову, нашел в среду Савельев. Он позвонил Тихонову утром и сказал своим немного сонным голосом:

— Алло, Тихонов, это Савельев говорит. Я вроде бы винтовку ту самую нашел. Приезжай сюда, в отделение, с пацанами поговорить надо.

Тихонов от такого сообщения немного обалдел:

— С какими пацанами?

— Приезжай, здесь потолкуем...

— Я тебе все по порядку,— сказал Савельев.— Эксперимент, значит, наш вчерашний шуму наделал много. Все только об этом и толкуют. Пошел я «в люди»: народ-то взбудоражен — собираются все, обсуждают, каждый свою версию строит. Человек двадцать до вечера в отделение явилось — свою помощь предлагают, подозрения высказывают, ну и тэ дэ и тэ пэ. Захожу я в булочную, тут о том же разговор. Слышу, одна тетка другой подробно все происшествие излагает, а потом резолюцию накладывает: ничего, мол, удивительного, хулиганье до того распустилось — спасу нет. Вот Гафурова, дворника, сын, Муртаза, сегодня в обед притащил ружье и давай вместе с приятелем по птицам палить! Я, само собой, уточнил у тетки ее адрес, фамилию и — к Гафуровым. Вызвал тихо Муртазу, шепнул ему: ну-ка, давай, мол, ружьишко-то свое! Муртаза постеснялся немного, поотнекивался, слезу, конечно, пустил. Потом, само собой, объясняет: «Винтовка-то у приятеля, Сережки Баранова, лежит». Пошли к Сережке. Там без лишнего шума эту винтовочку изъяли. Калибр — 5,6. Тот, что мы ищем. Оба пацана здесь, в разных кабинетах сидят. Разговаривать прямо сейчас будем?

— Конечно,— рассеянно отозвался Тихонов, рассматривая винтовку. Обыкновенная пятизарядная винтовка калибра 5,6 миллиметра. Необычным было только деревянное ложе — короткое, грязно-белого цвета, выструганное, похоже, из доски.— Побеседуй с Сережкой,— сказал Тихонов.— А мне давай Муртазу. Да, пригласи только учителя из их школы...

Через порог ступил маленький, плотный мальчишка лет четырнадцати. Он молча прошел к указанному Тихоновым стулу, сел, закрыл глаза и неожиданно громко заревел на одной низкой, нудной ноте. Стас с интересом смотрел на него, ждал. Муртаза ныл довольно долго. Тихонов терпеливо дожидался. Муртаза осторожно приоткрыл один глаз, остро зыркнул из-под черной челочки.

— Ну, хватит, что ли? — сказал Тихонов.— Ты где это таким фокусам научился?

— Нигде,— спокойно сказал Муртаза и открыл второй глаз.— Только не бейте, дяденька!

— Что-о? — спросил удивленно Тихонов.

— Не бейте, говорю.

— Ладно, не буду,— усмехнулся Тихонов.— Ты запомни только: советских граждан никто бить не смеет. А ты советский гражданин.

Муртаза сразу приосанился, важно сказал:

— А как же! Конечно. Я сам все расскажу.

Тихонов поддержал:

— Я в этом и не сомневаюсь — ведь тебе скрывать нечего?

— Ага.— Муртаза собрал под челочкой мелкие морщинки, задумался. Черные хитрые глазки смотрели сосредоточенно.— Значит, было так. Иду я утром в школу, а по дороге машина снегоочистительная едет. Знаете, такая, снег передом загребает, а сбоку он, как из пушки, вылетает. Я, конечно, постоял, посмотрел. Ну, проехала эта машина, а снег по краю, как ножом, обрезала. Гляжу, из сугроба срезанного, около дороги, какая-то гладкая палка торчит. Подошел поближе, стал ее из сугроба тащить, гляжу: винтовка! Жалко только, одно дуло было. Я обрадовался, хотя она и без приклада была. Побежал к Сережке Баранову — он хвастался, что у него патроны есть. Взяли мы с ним доску, обстругали, приладили к дулу.

— К стволу,— поправил Тихонов.

— К стволу,— повторил Муртаза.— Все хорошо получилось. Ну, решили попробовать, как она стреляет...

— Так-так...

— Взяли патроны, зарядили винтовку и пошли во двор.

— Когда? — спросил Тихонов.

Муртаза подумал немного, быстро взглянул на Стаса.

— Вчера. Ну, бабахнул я разик. По вороне...

— Попал?

— Не-а. Сережке дал стрельнуть — все-таки его патроны-то. Он попал.

— В кого? — негромко спросил Стас.

— В кого, в кого! В ворону! Она как раз в развилке на клене сидела...

— А потом?

— Потом все. Похоронили ворону и разошлись.

Тихонов поднялся, походил по кабинету. Повернулся к мальчишке:

— А в тот день, что винтовку нашел, ты в школу ходил?

Муртаза горестно покачал головой и, тяжело вздохнув, сказал:

— Сережка Баранов тоже не ходил...

— А когда же все-таки ты нашел винтовку?

— На той неделе.

— Точнее.

— Точнее? Так, в понедельник я был в школе, потом мы всем классом ходили в кино. А вот на другой день в школу и прогулял. Во вторник, значит, нашел. Сразу вместо школы к Сережке побежал...

Тихонов переспросил:

— А первый раз когда стреляли?

— Я же говорю, вчера!

— Ой ли? — покачал головой Стас.

— А как же,— заторопился Муртаза.— Пока деревяшку приделали — два дня. Потом еще подождали...

— Чего же это вы ждали? — насторожился Тихонов.

Муртаза прищурил маленькие глазки:

— А вдруг хозяин винтовки найдется? Увидит ее у нас и сразу отнимет! Подождали, подождали, а вчера и решили ее попробовать.

— Значит, сколько же раз вы всего стреляли?

— Так я же говорю, два раза,— нетерпеливо сказал Муртаза.

— А сколько у Сережки патронов было?

— Пять.

— Остальные где?

— Вот они.— Мальчишка полез в карманы, вывалил на стол кучу очень полезных вещей: механизм от старых часов, круглую батарейку, несколько значков, моток тонкой проволоки, авторучку без колпачка. Глухо звякнув, на стекло выпали, поблескивая латунными гильзами, три патрона.

— Ладно,— сказал Тихонов.— Кто твои родители?

— Отец работает дворником в нашем доме. А мать — горничная в гостинице «Байкал».

— Подожди, подожди,— стал припоминать Тихонов.— Ее как зовут — Ханифя?

— Да-а. А откуда вы знаете?

— Ты же сам сказал. А к матери на работу ты ходишь?

— Иногда хожу,— сказал Муртаза, вспоминая, когда же это он говорил о матери.— Денег на кино попросить или еще чего...

— Ясно. А в прошлый понедельник ты у нее был? После кино?

Муртаза опять задумался, потом неуверенно сказал:

— Н-не помню. Я, кажется, до кино к ней заходил...

Тихонов усадил Муртазу на скамеечку в коридоре, вызвал Савельева. Из его короткого рассказа Стас понял, что приятель Муртазы Сережка Баранов повторил объяснения Гафурова слово в слово.

— Вот что, Савельев,— сказал Тихонов.— Ты сейчас свяжись с трестом благоустройства и на всякий случай проверь, работала ли пятнадцатого февраля снегоочистительная машина на Владыкинском проезде. Узнай, в какое время работала. И не забудь спросить, какая машина — плужная или шнековая. А я поеду с винтовкой в управление. Пускай эксперты с ней поколдуют.

2

Баллистическую экспертизу проводил старый, опытный эксперт НТО Шифрин. Его заключение было лаконично и недвусмысленно:

«...Установлено совпадение индивидуальных особенностей канала ствола оружия и пули, ширины и крутизны следов от полей нарезов. Отмеченные признаки дают основание сделать вывод о том, что пуля, изъятая из тела Т. С. Аксеновой, стреляна из представленной на исследование винтовки номер ВБ 806237, производства Тульского оружейного завода, обнаруженной у несовершеннолетних Гафурова и Баранова. Фототаблицы прилагаются».

— Ошибки не может быть? — недоверчиво спросил Тихонов.

— А вы посмотрите фото,— пожал плечами Шифрин.— Сопоставьте разные таблицы, и вы увидите, как совпадают мельчайшие детали оболочки пули и канала ствола. Пуля стреляна из этой винтовки — это так же верно, как то, что сегодня среда и вы стоите передо мной!

— Хорошо,— сказал Тихонов.— Вы меня убедили. И я вам очень благодарен, Юрий Петрович. Вы себе даже не представляете, как сейчас важно для нас иметь орудие убийства!

— Почему не представляю? — добродушно сказал Шифрин.— Я шесть лет следователем работал. Потому так и старался.

Стас помолчал, потом сказал:

— Вы ведь почтовые марки собираете, да?

Эксперт оживился, влез пятерней в густую черную бороду, скрывавшую изувеченный шрамами подбородок — след лабораторного эксперимента с самодельной миной, явно заинтересовался:

— Собираю, собираю! Это все знают. А вы хотели мне что-нибудь показать?

Стас засмеялся, обнял Шифрина за плечи:

— Ничего подобного. Вы заслужили большего. Когда-то, еще студентом, я насобирал целый альбом всякого барахла. Но одна марка у меня есть по-настоящему ценная: Леваневский, 1935 год, с перевернутым штемпелем «Москва — Сан-Франциско». В знак искреннего уважения к науке я ее вам дарю.

— Этот подарок столь же щедр, сколь и неожидан,— растроганно сказал эксперт.— Но у меня нет сил его отклонить. Я даже не уверен, что смогу с вами расквитаться за этот царский подарок. Во всяком случае, я подумаю над этим вопросом.

— Не надо думать над этим вопросом,— сказал Тихонов.— Только я хитрый. Я ведь вам принес еще работу...

— Где, какую работу? — засуетился Шифрин.

— Вот три патрона. Их надо исследовать по вашей линии, но в основном с позиций судебного химика. Вопрос: имеют ли эти патроны что-либо общее с пулей Аксеновой?

Эксперт подумал, что-то прикинул, сказал:

— Результаты будут завтра, что-нибудь к обеду. Устраивает? Кстати, вы полагаете, что пуля Аксеновой и эти патроны — из одних рук?

Тихонов хитро прищурился:

— Срок меня устраивает. А вот свои предположения насчет патронов я пока оставлю при себе. Вы уж не обижайтесь, но я не хочу, чтобы ваша симпатия ко мне распространилась на выводы экспертизы. Знаете, когда хочется сделать приятное человеку...

Шифрин засмеялся:

— Не морочьте мне голову. Какого черта вам исследовать эти боеприпасы, если бы вы не подозревали, что они из одного источника? Но не сомневайтесь, я науку на симпатии не меняю, даже под бременем такой редкой марки...

3

В Дзержинском районном тресте благоустройства вежливая девушка-диспетчер сказала Савельеву, что у них ведется строгий учет уборки улиц. Посмотрев документы, она сообщила, что во вторник, пятнадцатого февраля, Владыкинский проезд очищался от снега с восьми до девяти утра шнекороторным снегоочистителем номер «МОН 17-46».

— Вопрос исчерпан,— сказал Савельев вошедшему Стасу.— Снег действительно во вторник чистили, так что Гафуров не врет.

— Снег-то чистили,— отозвался Тихонов.— Но вовсе не факт, что он взял винтовку в снегу. Давай проверять дальше.

— А что еще проверять?

— Смешно, но сейчас нам придется искать погибшую от рук этих злодеев ворону. А в ней — пулю. Одевайся, поехали.

Мальчишки сразу показали место, где они закопали ворону.

— Первый раз присутствую на такой эксгумации,— покачал головой Стас.

Однако здесь их ожидало разочарование: пули не было, ворона была прострелена навылет. Тихонов уже хотел уезжать, но Савельев, у которого терпения почему-то всегда оказывалось больше, деловито спросил мальчишек:

— Ворона-то где сидела, когда вы стреляли?

— Вон, в развилке клена,— показал Сережка на старое ветвистое дерево.

Савельев сказал:

— Вы здесь минутку погодите,— и с озабоченным видом куда-то ушел. Вернулся он скоро, волоча за собой ветхую деревянную лестницу. Скинув свое замечательное розовое пальто на руки Стасу, Савельев приставил лестницу к дереву, ловко и быстро влез наверх и закричал: — Здесь?

— Чуть повыше! — показал Муртаза.

— И левее,— уточнил Сережка.

Савельев достал из кармана носовой платок, осторожно обмел прилипший к коре снег, уткнулся носом в развилку. Глядя на его рыжую шевелюру, Тихонов улыбнулся: «Ну, чистый дятел». А Савельев продолжал методично обметать снег.

— Есть! Вот входное отверстие виднеется. Выковыривать будем или как?

— Или как,— отозвался Стас.— Будем выпиливать участок, где находится пуля. Слезай, надо достать инструменты и сходить за понятыми.

Надевая пальто, Савельев досадливо морщился:

— Скажи на милость, где сейчас понятых найдешь — на морозе-то стоять! Без них не обойдемся?

— Нельзя, брат Савельев,— сказал Тихонов.— По закону вещественные доказательства с понятыми изымать надо. Значит, быть по сему!..

4

В коридоре Тихонов встретил худощавую, подтянутую девушку — инспектора отдела разрешений.

— Добрый вечер, Галочка,— сказал Стас.— А я как раз к вам собрался. Вы проверили тот номер, который вам Савельев днем принес?

— Здравствуйте, товарищ Тихонов,— официально сказала девушка.— Задал же мне работки ваш Савельев! Ведь у нас винтовки числятся по фамилиям тех лиц, которым выданы разрешения на пользование оружием, поэтому все пришлось в обратном порядке проверять. Должна вас огорчить: винтовки, интересующей вас, на нашем учете нет и не было. Справочку пришлю завтра...

«Этого следовало ожидать,— размышлял Тихонов по дороге к себе.— Вряд ли кто бросит на улицу винтовку, зарегистрированную на его имя. Но владельца теперь уже надо найти во что бы то ни стало — здесь может начаться очень интересная ниточка».

Тихонов вошел в кабинет, включил насто-

ную лампу — при неярком ее свете комната не казалась такой унылой. Достал из ящика стола записную книжку, полистал, снял трубку.

— Алло, связь? Примите заказ на Тулу. Гормилиция, уголовный розыск, Хохлова.

Хохлов отозвался сразу, как будто ждал звонка Стаса.

— Привет, Толя,— сказал Тихонов.— Как жив? Вот и отлично. Толя, у меня к тебе срочная и очень важная просьба. Добро, ты же знаешь: за мной не пропадет. Так вот слушай. Поедешь на оружейный завод, в отдел сбыта. У меня есть винтовка «ТОЗ-17» за номером Вера — Борис восемьсот шесть двести тридцать семь. Запиши. По этому номеру установи дату выпуска — раз. По дате выяснишь номер партии — два. По номеру партии тебе скажут, по какой накладной эта партия была отпущена,— три. Ну, а по накладной уже легко установишь получателя — четыре. Все понял? Номер винтовки записал? Значит, сделаешь? Понимаю, что не сегодня. Но завтра, старик, жду звонка обязательно. А копию накладной сразу же вышли фельдсвязью. Все, салют!

Тихонов вздохнул и стал собираться домой.

СЛЕДУЮЩИЙ ЧЕТВЕРГ

1

«...Для комплексного химико-баллистического исследования представлены три объекта:

№ 1 — три патрона калибра 5,6 мм, изъятые у подростка Гафурова.

№ 2 — одна пуля калибра 5,6 мм, извлеченная из дерева по протоколу от 23 февраля 1966 г.

№ 3 — одна пуля того же калибра, послужившая причиной смерти Аксеновой Т. С. ...

...На основании результатов химико-баллистического анализа, приведенного в исследовательской части настоящего заключения, экспертиза приходит к следующим выводам:

1. Пули, взятые из объектов 1 и 2, абсолютно одинаковы по форме, твердости, весу и химическому составу и являются изделиями одной производственной партии.

2. Пуля, обозначенная как объект № 3, по твердости и химическому составу отличается от объектов №№ 1 и 2. С учетом особенностей технологии изготовления патронов можно категорически утверждать, что объект № 3 не относится к партии изделий, которой принадлежали объекты №№ 1 и 2.

Эксперты Шифрин, Варламов».

Тихонов отложил в сторону заключение экспертизы. Так, ясно. Похоже, что мальчишки здесь ни при чем: у них другие патроны. Если бы еще иметь уверенность, что Муртаза действительно стрелял только по птицам... Смешно получается: пока что мы только тем и занимаемся, что отыскиваем невиновных: Панкова, Казанцев, Муртаза...

2

Тихонов сидел за столом, оперщись подбородком на сцепленные ладони, смотрел бессмысленно в окно. Похоже, что розыск, описав восьмерку, вернулся в начальную точку. Остается минимальная надежда на винтовку. Может быть, удастся найти владельца и начать разматывать от него новую версию. Все старые можно считать исчерпанными. Врач Попов, Лагунов, Козак, Муртаза. Поиски людей, которые могли попасть на лестницу гостиницы, ничего реального не дали. Дальше искать негде. Нет следов. Вернее, не видно их. Следы быть должны, не может быть, чтобы убийца или обстоятельства убийства не оставили никаких следов. Ах, если бы можно было поговорить с Таней! Ведь она наверняка незадолго перед смертью уже все знала. Может быть, догадывалась, что ее хотят или могут убить. А может, и нет. Она же не ребенок была — наверняка бы заявила. Может быть, один из многих людей, с которыми я разговаривал, десять дней назад брал ее на мушку. А она шла спокойно, не знала. Вот оно: чужая душа — потемки. Не влезешь. Это тебе не Козака шерлок-холмсовскими фокусами удивлять. Скоро придется поехать к матери Тани и сказать: «Следствие по делу приостановлено из-за нерозыска преступника...» «Зря ты живешь на земле. Ты ничего не созидаешь, ничто не рождается в твоих руках. Ты ешь хлеб земли за то, что ходишь у границы антимира и бережешь людей от выползней. Не уберег. Выползней не нашел, не раздавил каблуком. Ушли обратно, переползли границу, сидят в Зле и снова придут — убьют, разорят, опаскудят. А что делать? Ну, не виноват я! Маленькая голова у меня, не могу я все знать и предвидеть. У меня мозг, наверное, полкило весит. Не могу я рассмотреть незримое, не могу ощупать бесплотное. Ведь я человек только, и я исчерпал все свои возможности. У меня мозг болит, как будто я выжал его рукой... Ох, как я устал!..»

Тихонов потер ладонями лицо, встал, походил по кабинету, подошел к окну, сел на подоконник. Из-под стекла поддувала холодная, тонкая, как лезвие, струйка. Снег, снег. Скорее бы весна, что ли! Тихонов повернул к струе воздуха разгоряченное лицо, закрыл глаза. «Условимся, что преступник или какие-то следы попали в круг моего поиска. Проскочить мимо них я мог по двум причинам: абсолютная маскировка, антилицо, или меня подвела проклятая заданность восприятия, аксиомы сволочные. Надо научиться в работе ничего не воспринимать заранее как неоспоримый, безусловный факт. У всякого факта может быть тьма интересных нюансов. А ведь кто-то же говорил с Таней вечером в понедельник. Во Владыкино ее, совершенно ясно, заманили. Но кто? Каким способом? И, самое главное, зачем? Нет, стой, стой, снова сбился с мысли.

Начнем сначала. Приехала она из командировки в субботу... Отсюда снова поедем вперед. И каждый факт надо взять на ощупь. Надо выяснить все насчет командировки. Отправлюсь-ка я опять в редакцию».

Беляков встретил Стаса теплее, говорил с ним вроде сочувственно. «Хороший видок у меня, наверное»,— подумал Тихонов. На Танином столе было уже пусто, аккуратно вытерта пыль. Беляков перехватил взгляд Стаса, извиняющимся тоном сказал, тяжело вздохнув:

— Ничего не попишешь, жизнь продолжается...

— Да, жизнь продолжается,— кивнул Тихонов.— Но в какой-то миг она остановилась. Нам надо вернуться к нему. Вы сказали мне, что Таня вышла на работу в субботу, двенадцатого, а командировка у нее была по десятое. Откуда это расхождение?

— Разве? — удивился Беляков.— Я, честно говоря, не помню уже. Может быть, мы с ней договорились раньше. Не помню.

— Постарайтесь вспомнить, это важно.

— Вообще-то у нее были отгулы за дежурства, может, она использовала? Не могу вспомнить, говорила ли она мне...

— Напрягите память, свяжите с какими-то событиями! У вас же должна быть творческая, ассоциативная память. Помните, как у Чапека: «О шея лебедя, о эта грудь...»?

— Не помню,— развел руками Беляков.

— Ладно,— сказал Тихонов.— Мы с вами в прошлый раз смотрели блокнот Аксеновой. Он у вас сохранился?

— Да, я оставил его себе на память.

— Одолжите его мне на несколько дней,— попросил Стас,— я его верну потом.

С видимым сожалением Беляков достал из стола блокнот.

— Только, пожалуйста, верните потом.

— Хорошо,— сказал Тихонов, листая блокнот. Все то же самое. И в конце эти непонятные фразы. И фамилия: «А. Ф. Хижняк».

— Вы не знаете, случайно, кто такой Хижняк? — спросил Стас, показывая Белякову запись. Тот близоруко щурился, долго, внимательно смотрел, полистал страницы в обратном порядке, пожал плечами.

— Тут полно разных фамилий. Она же ведь со многими людьми встречалась. Вот здесь еще какие-то: Семенов, Кондратенко, Ли, Дербаремдикер...

«Но Хижняк — последняя фамилия. Потом ее убили,— сказал себе Стас.— А может быть, здесь вообще никакой связи нет...»

В бухгалтерии Стас долго рассматривал отчет Аксеновой по командировке, пытаясь вместе с Таней повторить маршрут. Билет на самолет Москва — Ровно, счет за шесть дней проживания в гостинице, железнодорожный билет в купейный вагон.

Восстановим снова. В Ровно Таня прилетела третьего февраля. Счет в гостинице открыт тем же числом. Закрыт девятого. Минуточку, от третьего до девятого — семь дней. Значит, она поселилась в гостинице во второй половине дня и в первой половине дня уехала — поэтому ей посчитали шесть дней. Поезд от Ровно до Москвы идет около суток. Если она уехала в середине дня девятого, то в середине дня десятого она должна была быть в Москве. А Галя, ее сестра, категорически утверждает, что Таня приехала в пятницу утром, одиннадцатого. Где же еще она была почти целые сутки? Тихонов взял железнодорожный билет и внимательно посмотрел на свет. На темном квадратике картона были видны еле заметные светлые точки компостерных щипцов...

— Этот билет выдан железнодорожной кассой станции Ровно на скорый поезд № 16, который прибыл на наш вокзал одиннадцатого февраля в шестнадцать часов двадцать минут. Но в Брянске десятого числа билет был прокомпостирован на сутки. Затем его владелец сел в 20.45 на московский поезд и прибыл в Москву одиннадцатого февраля в восемь часов утра.— Билетный кассир взглянул на отчужденное лицо Тихонова и добавил: — Нет, нет, вы не сомневайтесь, у нас четкий график и перевозки на учете.

— Конечно, конечно,— согласился Тихонов и спросил: — А когда этот скорый прибыл в Брянск?

— Сейчас посмотрим по расписанию.— Кассир пробежал карандашом по колонке цифр.— Десятого февраля в девять пятнадцать утра.

— Спасибо...

Тихонов вышел на привокзальную площадь. Часы на башне громыхнули четыре раза. Холодный, сырой ветер с Москвы-реки хватал разгоряченное лицо. Тихонов задумавшись прошел остановку, вышел на Бородинский мост. Вода в реке не замерзла, коричневая, грязная, подернутая легкими клочками пара, она несла изгрызенные желтые глыбы льда. Тихонов стоял на мосту, облокотившись на перила, на едком, пронизывающем ветру и смотрел в темную, рябую глубину. На мутном, мятом зеркале воды он пытался начертить какую-то схему. Потом с остервенением плюнул вниз, как будто река скрывала все, будто она не пускала к истине... Почему Брянск? При чем здесь вообще Брянск? Брянск-то откуда здесь взялся?..

3

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Вх. № 83/1
Московский уголовный розыск
Капитану милиции Тихонову.

«...винтовка выпущена заводом 23 января 1965 г. и по накладной № 231234 отправлена Брянскому облспортторгу.

Оперуполномоченный Тульского уголовного розыска Хохлов».

Позвонив по телефону в Брянский облспорт-торг, Тихонов узнал, что эта винтовка в апреле 1965 года была продана городскому клубу ДОСААФ...

«ВЕСЬМА СРОЧНО!
В БРЯНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

ТЕЛЕФОНОГРАММА
Исх. № 119

Управлением Московского уголовного розыска разыскивается владелец винтовки «ТОЗ-17» № ВБ 806237, которая в апреле 1965 года была куплена Брянским городским клубом ДОСААФ. Необходимо установить, в чьем ведении находилась эта винтовка и каковы данные о ее местонахождении в настоящее время. О результатах проверки прошу известить нас незамедлительно.

Начальник отдела Управления Московского уголовного розыска ШАРАПОВ».

4

«ВЕСЬМА СРОЧНО!

Начальнику отдела Московского уголовного розыска ШАРАПОВУ

ТЕЛЕФОНОГРАММА
Вх. № 7

Сообщаю, что винтовка «ТОЗ-17» № ВБ 806237 действительно была приобретена 21 апреля 1965 года городским клубом ДОСААФ и использовалась для спортивно-стрелковых целей, находясь на ответственном хранении завскладом оружия Хомякова В. С.

29 июня 1965 года из помещения клуба были похищены различные предметы, в том числе и вышеуказанная винтовка. В ходе следствия установлен и разыскан гр-н Плечун С. Я., совершивший эту кражу.

Плечун признал себя виновным и выдал следствию часть похищенных предметов, пояснив, что остальные вещи он в разное время продал нескольким лицам. В частности, похищенную винтовку Плечун продал на городском рынке за сорок пять рублей неизвестному мужчине, внешность которого он описать затрудняется. Плечун заявил, что при встрече мог бы опознать этого мужчину. Однако принятыми мерами розыска установить покупателя винтовки не удалось. Судьба оружия неизвестна, и оно находится в нашем розыске. При наличии данных о нем просим информировать Брянский уголовный розыск. Для сведения сообщаю, что Плечун содержится в Ярцевской исправительно-трудовой колонии...»

«Ну, что ж, Стас, вот ты уже, как говорится, достиг определенных успехов: нашел своим брянским коллегам похищенное имущество,— грустно подумал Тихонов.— И «судьба» этого «имущества» — страшная судьба — стала известна. Вот так оно и нанизывается цепочкой: головотяпство в клубе, где не обеспечили сохранность оружия, потом некрупная в мировом масштабе неважная кражонка, которую совершил мелкий жулик Плечун, потом этот неизвестный покупатель — на черта ему краденая винтовка? А потом — смерть Тани Аксеновой... Как уследить здесь, в этой цепочке случайностей, где начинается закономерное? В растяпе-кладовщике? Нет. В воришке? Не похоже: сам он сидит в колонии, а винтовку еще раньше продал... Покупатель. Здесь начинается темнота. Что за любитель оружия такой? Осталась ли винтовка в его руках или путешествовала дальше? Неясно. Но мне нужен этот покупатель, и его надо искать. Как хлеба ищут. Ну, что ж. Примем первые меры...»

«ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!
ФОТОТЕЛЕГРАММА

Отдельное требование
в порядке статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса

Начальнику Ярцевской исправительно-трудовой колонии

Направляю нумерованные фотографии четырех мужчин. Прошу, с соблюдением требований статьи 165 УПК РСФСР, предъявить их для опознания гр-ну Плечуну С. Я., отбывающему наказание в Ярцевской ИТК.

Материалы опознания вышлите в наш адрес: Москва, К-6, Петровка, 38, Управление МУРа.

Начальник отдела ШАРАПОВ».

Тихонов открыл сейф, достал пачку фотографий, внимательно осмотрел их. Потом отобрал четыре, подколол их скрепкой к телеграмме. Подумал немного, взял из пачки еще одну фотографию и присоединил ее к первым четырем...

Окончание следует.

ПАЛАЧИ ЗА РАБОТОЙ

Шестого марта на дверях центральной тюрьмы в Солсбери двое полицейских вывесили объявление, что смертный приговор над тремя африканцами — борцами против расистского режима Яна Смита в Родезии приведен в исполнение.

Утром одиннадцатого марта на том же месте появилось новое объявление, известившее страну, что еще два африканских патриота пали от руки палача.

А в родезийских застенках томятся еще 104 человека, приговоренных к смерти.

Африку иногда называют «Черным континентом». Но нет на этом континенте иных черных пятен, кроме тех, где хозяйничают белые расисты. Ян Смит, главарь расистской банды, захватившей власть в Родезии, установил в стране режим террора и издевательств над коренным населением. Плюя на все общечеловеческие нормы морали, топча все законы, он теперь старается утвердить свою власть казнями и кровью. В этом ему немало помогло попустительство со стороны лейбористского правительства Великобритании, которая еще считается колониальным хозяином Родезии. Английские власти в результате своей политики становятся соучастниками преступления.

На наших снимках: полицейские вывешивают объявление о казни на дверях тюрьмы в Солсбери; в английской столице на демонстрантов, протестовавших у здания родезийского представительства против казней, обрушились полицейские репрессии.

Фото ЮПИ.

Голос Сицилии

В Риме, у здания парламента, пострадавшие от землетрясения в Сицилии устроили демонстрацию. Сицилийцы требовали от парламентариев увеличения бюджетных ассигнований на помощь жертвам катастрофы. Лозунгом демонстрантов было «Не слова, а дома и работу!».

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

О НАШИХ ВКЛАДКАХ

Каждый день в «Огонек» приходит большая почта. Многие письма — от любителей изобразительного искусства. Они сообщают о своих коллекциях, просят напечатать произведения того или иного живописца, рассказать о его творческом пути.

Из деревни М. Лопеница, Гродненской области, пишет Г. С. Окуневский: «Вот уже на протяжении 12 лет являюсь постоянным подписчиком журнала «Огонек». Много лет коллекционирую репродукции из вашего журнала картин русских и зарубежных художников и открытки. К настоящему времени моя коллекция состоит из 490 репродукций русских и 297 — зарубежных художников. Тематика моей коллекции разнообразна. Предпочтение отдаю эпохе Возрождения...

Можно ли произведения Боттичелли, Караваджо, Тициана, Рафаэля, Веронезе, Рубенса, Ван-Дейка, Пуссена увидеть на страницах «Огонька»?»

Слесарь из города Горького И. И. Тимофеев, у которого вся семья любит живопись, просит воспроизвести картины из коллекции Эрмитажа и Дрезденской галереи.

Москвич А. Н. Бакланов обращается в редакцию с иной просьбой:

«Карл Брюллов, говоря об оригинале «Афинской школы» Рафаэля, отмечал, что она заключает в себе почти все, что входит в состав художества... Простота, соединенная с величественным стилем, натуральность освещения, жизнь всей картины — все мне кажется достигшим совершенства!

Я хотел бы иметь репродукцию этой картины на одной из вкладок вашего журнала.

И, если можно, репродукцию с «Распятия» работы Брюллова. Приобрести в магазинах произведения К. П. Брюллова нет возможности».

Супругов Блиновых из города Светлогорска, Гомельской области, интересует творчество В. И. Сурикова.

«Уважаемая редакция,— спрашивает И. И. Горячих из поселка Качканар, Свердловской области,— будут ли в 1968 году печататься произведения русских и иностранных художников?»

Внимание Е. А. Платонова, инвалида Отечественной войны, жителя города Новошахтинска, привлекают произведения Шишкина. Сожалеет, что в последнее время мало воспроизводилась русская классическая живопись и П. Г. Удод со станции Каневская, Краснодарский край. И просит напечатать в журнале картины Левитана, Айвазовского, Саврасова, Киселева, Судковского, Рафаэля, Фрагонара, Мане. И. К. Поляшевич из города Рославля просит воспроизвести картину Маргариты Жерар «Первые шаги», которая находится в Эрмитаже.

Интересы наших читателей в живописи очень разнообразны. Коллекции Русского музея, Третьяковской галереи, Эрмитажа, Лувра, Дрезденской галереи хотят видеть они на страницах «Огонька». Многое из того, что просят читатели, в журнале уже не раз за последние годы было опубликовано. Дважды картины Сурикова сопровождались большими статьями писателей Н. Кончаловской и В. Солоухина. О Репине писали К. Чуковский, И. Зильберштейн, о Серове — В. Воронов, С. Дружинин, о Рафаэле — Б. Щербаков, о Боттичелли, Веронезе, Тициане — И. Антонова, о Пуссене — А. Чегодаев.

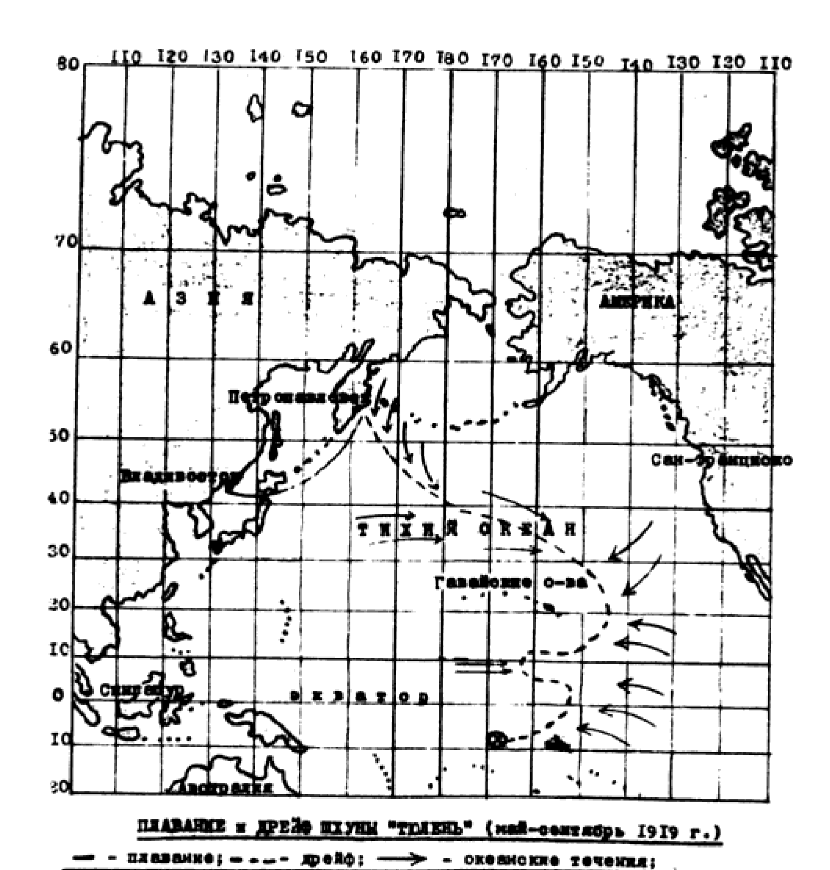
В этом году на цветных вкладках журнала «Огонек» значительное место займут собрания двух музеев-юбиляров.

Исполняется 50 лет национализации Третьяковской галереи. Русскому музею 70 лет.

Перов, Репин, Суриков, Серов, Ф. Васильев, К. Маковский, В. Васнецов, Врубель, К. Коровин, А. Бенуа, Кустодиев, Борисов-Мусатов, Сомов — русское классическое искусство; Петров-Водкин, П. Кузнецов, Иогансон, Дейнека и С. Герасимов — это советская классика. Произведения всех этих художников увидят читатели в «Огоньке».

Выполнить все просьбы любителей зарубежного искусства за один год редакция, конечно, не сможет. Но, отмечая даты со дня рождения Яна Брейгеля, Сурбарана, Тинторетто, Иорданса, Веронезе, Луи Ленена, Ганса Голбейна, Делакруа, Яна Матейко, Поля Гогена, журнал поместит в этом году их работы. Выполним просьбу и И. К. Поляшевича, напечатаем «Первые шаги» М. Жерар.

Репродукции картин будут сопровождать статьи и очерки известных художников, искусствоведов, писателей.

ПЛАВАНИЕ и ДРЕЙФ ШХУНЫ "ТЮЛЕНЬ" (май–сентябрь 1919 г.)
— - плавание; – – – - дрейф; ⟶ - океанские течения;
⊕ - встреча с судном, идущим в Сингапур.

С ПОЛКИ ИСТОРИИ

Ю. ШЕМАНСКИЙ,
капитан дальнего плавания

НА ОБЛОМКАХ „ТЮЛЕНЯ"...

История подвигов человеческого мужества в борьбе с морской стихией порой бывает забывчива. Капитан дальнего плавания Ю. Шеманский рассказывает о давно забытом героическом четырехмесячном дрейфе трех отважных моряков русского флота.

●

Летописец весьма давнего события вряд ли стал бы выступать в «Огоньке», если бы не опубликованные недавно воспоминания англичанина Чичестера, совершившего в одиночку путешествие на парусной яхте вокруг света. Слов нет, заслуга упорного англичанина перед всеми яхтсменами мира бесспорна.

Однако каждый много плававший моряк внесет, конечно, в чичестеровский подвиг некоторые поправки. Яхта его была оборудована по последнему слову техники; камбуз (корабельная кухонька) снабжен консервами высшей калорийности; когда же в ежесуточных радиограммах с борта яхты случались заминки, вертолеты с берегов разных материков устремлялись в море разыскивать, подбадривать рекордсмена-навигатора.

Далеко не таким было четырехмесячное плавание-дрейф трех юных русских моряков на обломках своего корабля по Тихому океану. Доблести, терпения, штурманского искусства им пришлось проявить гораздо больше. Помощи ждать было неоткуда. Радиосредств на промысловой деревянной шхунке 1919 года, конечно, не было.

Да простит нам читатель столь длинное вступление... Нам хочется поведать о позабытом подвиге, более значительном и опередившем на десятки лет Чичестера и других моряков, хочется посвятить наш рассказ в первую очередь влюбленной в море советской молодежи.

...Владивосток времен гражданской войны и интервенции. Незабываемый 1919 год. Воспитанники Морского училища — в учебном дальнем плавании на Тихом океане. Они отказались от участия в белогвардейских авантюрах и сейчас плавают в любых условиях, наращивая недели и месяцы в открытом море, сотни и тысячи ходовых миль, чтобы стать достойными Родины образованными, опытными, «солеными» моряками. Плавают и на учебном крейсере «Орел» и на кораблях морской пограничной стражи, боровшейся с обнаглевшими, распоясавшимися американскими и японскими браконьерами. Плавают как можно больше и чаще, на любом мало-мальски годном суденышке.

В ту же пору группа старых черноморских матросов, демобилизованных и по инвалидности не вступивших в революционные отряды, решила ради хлеба насущного заняться морским промыслом. На владивостокском кладбище кораблей нашли заброшенную парусно-моторную шхуну и собственными руками воскресили ее к жизни. Питомцы Морского училища подружились с энтузиастами, ремонтировавшими шхуну, а потом и сами включились в работу по восстановлению суденышка. С успехом прошли швартовые испытания и опробование на ходу, придирчивая проверка корпуса, двигателя, парусной оснастки. Уже близок день выхода в море. И тут возник вопрос: как назвать шхуну? Решили дать ей имя «Тюлень», в честь героической черноморской подводной лодки, которая впервые в истории морских войн захватила в 1916 году после артиллерийского боя турецкий вооруженный транспорт «Родосто» (6 тысяч тонн!) и привела его в Севастополь.

Три воспитанника Морского училища добились разрешения «для навигационной практики в парусном плавании» отправиться на «Тюлене» в Японское и Охотское моря, к берегам Камчатки и далее к Берингову проливу. Все трое имели на то право и по успеваемости и по их страстной привязанности к морскому делу. Георгий Семенов — из потомственной морской семьи, племянник Владимира Семенова, известного «портартурца» и «цусимца», автора грозных, изобличавших царизм книг «Флот и морское ведомство» и трилогии «Расплата», «Цусимский бой» и «Цена крови». Федор Чигаев — энтузиаст, «марсафлот»[1], виртуоз в парусном и гребном искусстве. Николай Коринтели увлечен был не только штурманским искусством, но и пароходной механикой, в свободное от вахт время он мог часами разбирать и собирать машины, насосы трюмной системы, динамо.

Настал день отправления «Тюленя» в промысловое крейсерство. Метеосводки сообщали о штормовых ветрах в Охотском море, Сангарском проливе, районе Курильских островов, то есть как раз по намеченному маршруту «Тюленя». Все это, однако, не смутило дружный коллектив старых и юных «марсафлотов».

Сначала плавание протекало благополучно. Шестибалльный, но попутный ветер и волна облегчали переход, позволяли экономить горючее. Бойко шли под парусами, так, что даже гребной винт неработавшего мотора сам собой вращался. Вышли в Тихий океан, легли курсом на Петропавловск-Камчатский. Но когда показались скалистые берега Авачинского залива (где расположен Петропавловск), стремительно налетел шквал с норд-веста, перешедший вскоре в шторм. Ураганный ветер развел громадные океанские валы. Направление их было встречным к зыби с юга. Столкновение волн, беспорядочная толчея и среди нее — крошечный «Тюлень»!

Чигаев как раз сменился с вахты и спустился в кубрик, где был Коринтели. Семенов нес вахту в машинном отделении. Два подвахтенных надеялись поспать — ведь еще 4—5 часов ходу до Петропавловска... Но тут и сон пропал.

Шхуну вдруг так накренило, что оба едва не выскочили из коек — парусиновых гамаков. Казалось, судно сейчас перевернется. Послышался треск — что-то ломалось. Не «девятый вал», а, видимо, целая водяная гора накрыла «Тюленя». В кубрике стало совсем темно, иллюминаторы оказались под толщей воды. Новый удар — шхуна вздыбилась, перевалилась на другой борт... Еще несколько ударов, от которых, думалось, все развалится на куски! Шхуна снова поднялась на гребень высоченной волны, через иллюминаторы на секунду-другую мелькнули скалистые берега Камчатки. Теперь они казались гораздо дальше. Значит, «Тюленя» уносит в океан...

Шум работавшей машины смолк. Только скрипела и трещала обшивка судна. Наверху же ветер продолжал неистовствовать, размахи с борта на борт не уменьшались.

Как выйти на верхнюю палубу? Люк чем-то плотно прижат. Что там происходит наверху? Что делает остальной экипаж?

Забравшись, вернее, прыгнув в свои койки-гамаки, как на бешеных коней, оба пленника подвязались, чтобы не вывалиться. Шторм бушевал всю ночь. Судно клало градусов на 80 с борта на борт, валы опять и опять покрывали чернотой иллюминаторы. Бортовая качка временами переходила в килевую. Шхуну то ставило на попа носом вниз, то задирало вверх почти отвесно.

Стало стихать только к полудню. Иллюминаторы чаще выходили из воды. С накатывавшихся один за другим, пенящихся холмов лютый ветер срывал верхушки, кружил тучами водяной пыли.

Потом понемногу все сменилось мертвой зыбью. Волны уже без лохматых курящихся гребней, но по-прежнему высоки, как многоэтажный дом. Заточенные в кубрике снова пытались выйти. Застучали в переборку машинного отделения. Послышался ответ. По азбуке Морзе передали, что не выйти, что-то заклинило снаружи. Спотыкающиеся шаги по верхней палубе, удары кувалдой. Люк открылся. Чигаев и Коринтели увидели Семенова.

Выйдя из кубрика наверх, они обомлели. Палуба была пуста. Начисто снесло рулевую и штурманскую рубки, камбуз, единственную шлюпку. Приготовленные на палубе бочки с топливом, продовольствием, пресной водой смыло за борт. Мачты сломаны. Остатки такелажа волочатся за кормой, запутав руль и гребной винт.

Трое юношей с отчаянием убедились, что на шхуне уцелели только они. Остальные семь, в том числе капитан, погибли. Семенов, Чигаев и Коринтели всматривались в окружавшую водную пустыню. Может быть, где-нибудь плавают обломки и за них еще держатся выброшенные в океан товарищи?.. Нигде ничего не видно.

Освобожденная от надстроек и тяжестей шхуна несколько поднялась и, хорошо удифферентованная, не переворачивалась даже в такой болтанке. Но потерявшее управление и ход судно неслось лагом — боком к зыби. Первое, что следовало сделать,— очистить руль и винт от обвивших и опутавших обрывков такелажа и штуртроса. В машинном отделении среди аварийного запаса деталей нашли металлический румпель и закрепили на стебле руля. Хоть и с трудом, но стало возможно управлять. Вытащили из воды сломанную мачту, запустили мотор, поставили судно против волн.

Берегов не было видно даже в бинокль, к счастью, он сохранился в кубрике. Вокруг до горизонта все безнадежно пусто. Топлива в лучшем случае часа на два ходу. Вернуться к побережью Камчатки против зыби, ветра и течения? Об этом нечего и думать! Решили лечь в дрейф. Смастерили плавучий якорь. Квадратный кусок парусины натянули на два сколоченных крест-накрест шеста, от четырех углов протянули тросики и, связав вместе, соединили с фалинем на носу судна. Опущенный в воду плавучий якорь держался вертикально, и шхуна шла носом против ветра. Качка стала спокойнее, мягче.

Ветер стихал. Моряки почувствовали сильнейший голод,— больше суток не ели. Но запасы продовольствия в бочках и ящиках смыло ураганом, и только в маленьком трюме оставалось немного «расходных» продуктов. Вскрыли банку «щей с мясом», поделили буханку хлеба из оставшихся семи. Будущее показало — подобное «пиршество» было позволительно лишь как исключение, чтобы восстановить силенки и прийти в себя.

Закрепив руль в положение «прямо», двое бросились в койки и заснули как убитые, а один остался на вахте. Потом сменялись строго по корабельному уставу каждые четыре часа. И это «потом» тянулось долго... Так в океане начался дрейф нетонущего «Тюленя».

Пенек мачты подпилили и надставили. Появилась «фальшивая» мачта, согласно старинным инструкциям о том, как «действовать надлежит в случае послештормовых аварий». Конечно, нести даже малую парусность пенек не мог, но он все же подымался выше палубы. И то хорошо: днем на него навешивали флажные сигналы терпящих бедствие, ночью — белый огонь. Два же красных — международный сигнал бедствия — приходилось держать только готовыми к подъему. Надо было беречь керосин, которым заправлялись лампы.

Дни спокойного дрейфа по океану были ред-

[1] «Марсафлот» — опытный моряк, знающий и любящий море и морское дело.

ки, больше штормов. Они следовали друг за другом. Ветры и мощное течение относили шхуну все дальше и дальше от берегов Азии к юго-востоку. «Тюлень» оказался скоро в центральной части Тихого океана, дрейфовал дальше, пересек экватор и очутился уже в южном полушарии.

Полученные из Морского училища секстан и другие штурманские инструменты, хранившиеся в кубрике, позволили определять место — широту и долготу. Вот когда вспомнили, как хорошо получать высшую оценку на зачетах! Но карт не было, они погибли вместе со сбитой за борт штурманской рубкой. Случайно сохранилась только одна карта южной части Камчатки. Чтобы отмечать путь дрейфа в океане, к ней хитро подклеили листы чистой бумаги, на которых и продолжили сетку карты и на них отмечали координаты двигающейся в дрейфе шхуны. Астрономические определения производились на каждой вахте, зачастую по нескольку раз. Неукоснительно вели записи в вахтенном журнале, который смастерили из нашедшейся тетради.

Три друга гнали прочь мысли о смерти, старались думать о том, что отчет о таком «аварийном дрейфе» пригодится науке, послужит нашему флоту.

А провианта оставалось немного. Стали ловить рыбу. Сайра, макрели, тунцы ловились на самые примитивные рыболовные принадлежности, и этому, к счастью, учили на «Орле». Ловили и кальмаров, их ночью подманивали светом. Добычу изредка — как роскошь — варили или жарили, но по бедности топлива больше пробавлялись вяленой.

Угроза умереть с голоду отпала еще благодаря одному средству, о котором наша троица никогда бы не догадалась, если бы опять-таки не занятия гидробиологией. А как роптали против них, как чертыхались! И вот теперь спасительным оказался планктон — скопление мельчайших организмов растительного или животного происхождения, миниатюрные рачки, микроскопические моллюски, личинки рыб. Вскоре наши голодающие убедились, что по питательности планктон не уступает съедобным моллюскам — устрицам, мидиям, ведь не случайно крупнейшее в мире животное — кит питается исключительно планктоном.

Собирали планктон в длинную конусную сетку из флажной материи, которая тащилась на буксире. Школа выдержки и терпения! За сутки удавалось собирать 4—5 стаканов планктона, из которого варили блюдо вроде киселя. Имел он не очень ароматный запах, но никто не привередничал, даже острили насчет соревнования с китом!

И потруднее и пострашнее было с пресной водой. После аварии ее оставалось на донышке в бачках кубрика и в машинном отделении. Спасал сок свежей рыбы — его высасывали. Шквалов опасались, но они были и желанны. Темная туча проливалась дождем, приготовленные к этому мореплаватели заполняли пресной водой все имевшиеся сосуды.

Дрейфу «Тюленя», казалось, не будет конца. Ни островов на горизонте, ни встречных судов. Изредка видны были вдали проходившие пароходы, но расстояние до них было слишком велико, и попытки привлечь их внимание оказались напрасными.

«Тюлень», вернее, его «ребра» и продырявленное тело, все-таки не давал течи: добросовестный ремонт себя оправдал. Но на третий месяц дрейфа расшатанные крепления и обшивка потекли солеными слезами. Воды становилось больше с каждым днем, ее часами выкачивали ручной помпой в шесть рук. Щели, конечно, зашпаклевывались, но качка и тропическое солнце делали свое. Вода продолжала прибывать в трюм, кубрик, машинное отделение. Все предвещало близкий неминуемый конец. Теперь не то что шторм, но очередной свежий ветер и даже сильный шквал могли кончиться катастрофой.

«Тюлень» дрейфовал все дальше в южном полушарии. На 114-е сутки, когда, по расчетам, шхуну отнесло от берегов Камчатки на четыре с лишним тысячи миль (больше 8 тысяч километров), прямо на «Тюлень» вышел небольшой пароход, следовавший в Сингапур. Спасены!

...С палубы этого парохода Семенов, Корнителли и Чигаев долго-долго смотрели в бинокль — они прощались с качавшимися на океанской зыби, исчезающими за кормой останками верного «Тюленя». Казалось, он, как и полагается тюленю, никогда не потонет, так и доплывет до Антарктического океана и ляжет там на кромке южнополярных льдов среди своих сородичей — моржей и морских львов.

Кто знает, может, так и случилось?

* * *

История эта поначалу вызвала много шума. Английская сингапурская газета сгоряча поместила сенсационное описание «преодоленного кораблекрушения» в океане, отдавая должное мужеству и мореходному искусству трех воспитанников русского военно-морского училища. Но вскоре подвиг трех отважных сынов русского флота был забыт. Всячески рекламируя плавания «Кон-Тики», Бомбара, Корнуэлла[1] и других, буржуазная печать больше не упоминала о доблести трех юных русских моряков и о той упорной изобретательности, которую они проявили в борьбе со смертью от голода и жажды.

[1] Кстати, следует отметить, что плавание «Кон-Тики» длилось 101 сутки, Бомбара — 65, а Корнуэлла — еще меньше. Так что наши молодые моряки побили рекорд длительности своими 114 днями бедственного дрейфа в океане задолго до плавания этих прославленных путешественников.

ПОБЕДИТЕЛИ ВИКТОРИНЫ «ОГОНЕК» В РЕДАКЦИИ

Немногим более года назад на страницах журнала «Огонек» появилась занимательная, веселая викторина, посвященная успехам отечественной науки и техники. В семи турах участвовали тысячи наших читателей. В конце прошлого года выявились и победители этого многомесячного состязания эрудитов. Недавно чемпионы викторины «Огонек» 1967 года были гостями редакции. Главный редактор журнала А. Софронов вручил им призы и памятные дипломы.

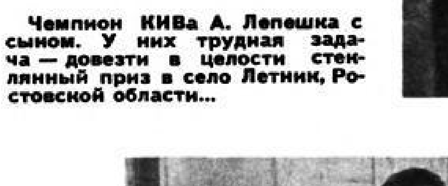

Чемпион викторины В. Новиков, принимая приз — часы «Слава», заметил: «Хотя я и третий, но слава досталась мне одному...»

Папа, мама и дочь Филипповы, не считая «Авроры» — киноаппарата Ленинградского оптико-механического объединения — второго приза викторины.

В хозяйстве абсолютного чемпиона викторины геолога И. Дручина «Спидола-10» — вещь незаменимая. Получая дополнительно приз за остроумие — зуб кашалота,— он сказал: «Я так понимаю этот увесистый намек: мой юмор должен быть еще зубастее...»

Чемпион КИВа А. Лепешка с сыном. У них трудная задача — довезти в целости стеклянный приз в село Летник, Ростовской области...

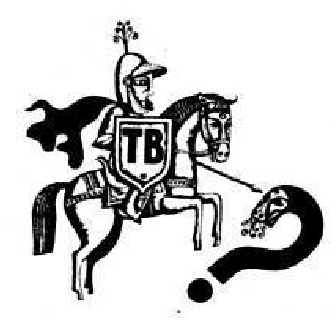

ОТ ЖЮРИ ВИКТОРИНЫ «ОГОНЕК» 1967 ГОДА

Жюри установило еще два специальных приза: автору КИВа и автору лучшего вопроса.

АВТОРУ КИВ-2 В. В. СТАРОВОЙТОВУ (МОСКВА) вручается эстамп работы художника П. Пинкисевича с его автографом.

АВТОР ЛУЧШЕГО ВОПРОСА — Р. К. СОКОЛОВА (МУРМАНСК). Она получает книгу Ю. Нагибина «На тихом озере» с его автографом.

ТВ-68

Наша новая научно-техническая викторина не похожа на прошлогоднюю. Мы назвали ее «ТВ» — турнир-викторина. И это действительно настоящий поединок: в каждом туре будут состязаться в эрудиции, находчивости и остроумии две команды, каждая из которых представляет большой, известный всей стране трудовой коллектив. Первый тур откроют команды Кировского завода (Ленинград) и завода ВЭФ (Рига).

Какие же условия этой необычной викторины? Каждая команда задает своему противнику шесть вопросов и отвечает на его вопросы. А что делать вам, читателям журнала? Самое интересное: вместе с жюри вы будете выступать в качестве судей «ТВ», оценивая по пятибалльной системе каждый вопрос той и другой команд. Разумеется, для того, чтобы по достоинству оценить вопросы, вам придется просмотреть не одну книгу, заглянуть не в один справочник. Иначе вы не сможете серьезно аргументировать свои отметки. Угадывание же наобум заранее обречено на неудачу.

При оценке вопросов хотелось, чтобы вы учитывали прежде всего оригинальность, популярность изложения, ценность научно-технической информации, остроумие. Не забывайте и о таких качествах, как скрытый подвох, неоднозначность ответа и т. п.

Свои оценки присылайте в редакцию. Ведь тур выиграет та команда, которая наберет наибольшее количество очков. А они будут складываться из баллов за вопросы и за правильные и остроумные ответы на вопросы противника.

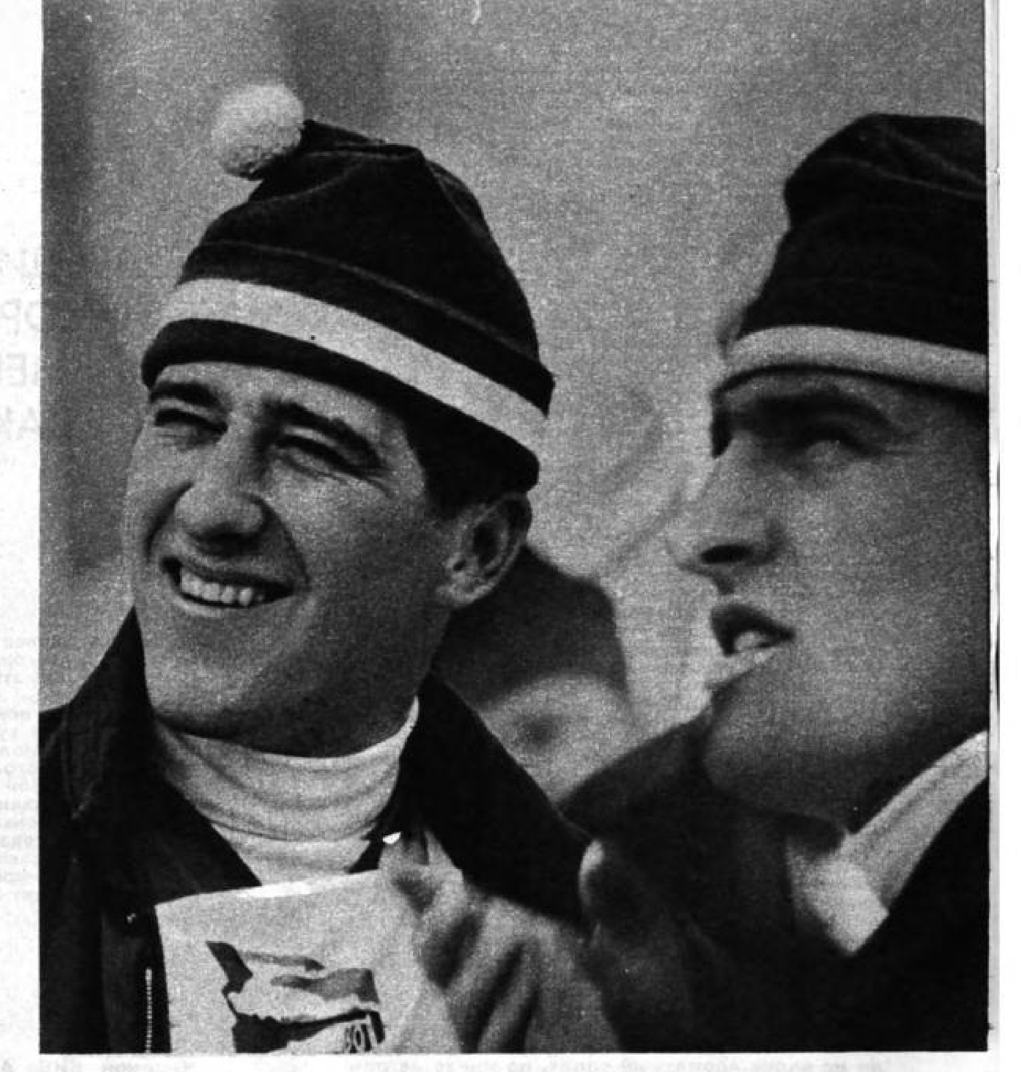
Победителями каждого тура станут и трое читателей, у которых оценки вопросов команд будут ближе всех к оценке жюри.

Кроме того, каждая команда приготовит один вопрос и для читателей (кстати, его тоже нужно будет оценить). Победителя в этом дополнительном конкурсе ждет награда не только редакции, но и команды, задавшей вопрос.

Первый тур «ТВ-68» состоится в апреле на страницах «Огонька». Команды Кировского завода и завода ВЭФ закончили подготовку и заняли места на старте.

Внимание!..

ЧЕМПИО ЗАБОТЫ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Гостиница «Россия» была заполнена двадцатилетними постояльцами, очень похожими друг на друга. Это были лучшие прыгуны с трамплина, собравшиеся в Горьком на командное и личное первенство страны, и один из них выиграл в Гренобле на большом трамплине золотую медаль.

Там, в Сен-Низье, в яркий солнечный день я не смог разглядеть его так подробно, чтобы сейчас в Горьком узнать, а его тренер Аркадий Федорович Воробьев очень просил отложить знакомство с его питомцем до конца соревнований. От Аркадия Федоровича я и узнал, что Володя Белоусов после своей поистине сенсационной победы в Гренобле (нам еще никогда не удавалось добиваться золота ни на Олимпийских играх, ни на чемпионатах мира) был столь яростно атакован журналистами, что совсем растерялся и утратил то душевное равновесие, которое прыгуну так же необходимо, как равновесие физическое.

— Володя оказался в трудном положении,— объяснял мне его тренер.— Так неожиданно обрушилась на него слава, что не сразу он понял, как нелегко ее вынести на плечах. Вчера его еще никто не знал, а сегодня каждый шаг под контролем тысяч глаз, и проигрывать он больше не может — так по крайней мере считают многие.

Да, это верно, в Горьком положение Белоусова было потруднее, чем в Гренобле. Там никто на него особенно не рассчитывал, лети подальше — и все. А тут и прыгнуть плохо ты не имеешь права. И биографии неинтересной не имеешь права иметь. А какая у него может быть биография? Родился в 1946 году. Жил под Ленинградом, в поселке Всеволожске. В 12 лет впервые поднялся на трамплин и еще долго не мог решить, кем же быть лучше — прыгуном или гимнастом. А когда в 16 лет сделал выбор, то понял, что детские увлечения гимнастикой очень помогли ему в прыжках. До 17 лет Володя Белоусов был для Аркадия Федоровича Воробьева всего лишь одним из многих его учеников. А потом он занял десятое место на матче городов, и тренер понял, что Белоусов может стать большим спортсменом. Понял, но не скоро в этом убедился. На первенстве страны 1965 года Володя выступил неудачно — упал, но зато в следующем году в Горьком занял третье место на первенстве РСФСР. Только тогда обратили внимание на питомца Воробьева. Обратить-то обратили, а в сборную страны не взяли — мало ли молодых сильных прыгунов имели на это право. Да и на чемпионате страны 1967 года Белоусов хоть и начал с отличного прыжка за стометровую отметку, но в итоге оказался всего лишь шестнадцатым. Заговорили о включении Белоусова в сборную, и опять рядом с ним оказалось достаточно много сильных молодых претендентов.

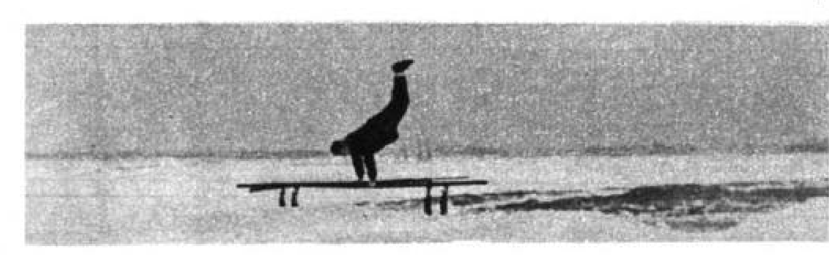
Но на сей раз в этом споре победили те, кто верил в Белоусова. И хоть он и не успел, пока шли вокруг его имени дебаты, попасть на австро-немецкое турне, но зато лучше всех прыгал на матче олимпийских команд, успешно выступил на первых в своей жизни международных соревнованиях в Чехословакии и занял там второе место после знаменитого Иржика Рашки.

И все же, несмотря на это, считать, что Володя Белоусов может попасть в Гренобль, было бы поистине фантазией. На четыре вакантных места претендовало слишком много прыгунов. Разве Александр Иванников, ровесник Белоусова, и ветеран, участник четырех олимпиад Коба Цакадзе не имели права на поездку в Гренобль? А почему Анатолий Жегланов, Гарий Напалков, Владимир Смирнов — все молодые, испытанные на многих трамплинах прыгуны, не могли рассчитывать на место в олимпийской команде? И, может быть, поэтому, узнав, что он все же будет выступать в Гренобле, Белоусов так до конца и не поверил в то, что на его успех рассчитывают. И когда уже потом, после победы, журналисты многих стран все допытывались, как он выиграл, Белоусов не знал, что ответить. Он ведь просто прыгал, он просто взлетал над горными склонами Сен-Низье, усеянными огромной толпой, просто наслаждался солнцем и все длящимся и длящимся полетом, а потом уверенно и точно приземлялся на снег.

Как об этом рассказать? Да и для чего? Все, что было, то прошло. Уже пережита огромная радость, которую он тогда и не скрывал в Сен-Низье, а теперь забот полон рот. После Гренобля были неудачные прыжки в Москве. И очень трудная победа на первенстве Советской Армии у себя дома, в Ленинграде. И вот начало соревнований в Горьком сложилось неудачно. На командном первенстве страны Белоусов совершил великолепный пробный прыжок на 103 метра, еще более совершенный, чем в Гренобле, а в двух зачетных попытках остался на четвертом месте. Лучший результат в командном первенстве у Кобы Цакадзе, для которого не нашлось места в олимпийской команде. Бесстрашный Коба, которого с полным правом можно назвать Гришиным больших трамплинов! Он, старейший среди двадцатилетних, сохранил поистине юношескую реакцию, без которой невозможно «попасть в стол», как определяют прыгуны переход от стремительного спуска в полет. Но разве только Цакадзе будет бороться за титул чемпиона страны? А Александр Иванников? Его тоже не взяли на Олимпийские игры,

Анатолий Жегланов, Владимир Белоусов и Владимир Смирнов выступали в Гренобле, но в Горьком чемпионом страны 1968 года стал Александр Иванников (первый справа).

Владимир Белоусов разминается перед прыжком.

НСКИЕ

а на командном первенстве он уступил лишь Цакадзе.

Как рассказать о своих заботах? О своих волнениях? И действительно, в Горьком, на личном первенстве страны, Иванников прыгал, как Белоусов в Гренобле. И даже один из двух прыжков был такой же длины — 103 метра. Но второе место у Владимира Белоусова никто не смог отнять. И хотя я уверен, что этот результат не удовлетворил чемпиона Белой олимпиады, но нам-то должно быть ясно, что для тревог и забот у него не должно быть оснований. Просто в Советском Союзе наконец-то появилась целая плеяда сильных, равноценных молодых прыгунов. И каждый из них мог бы торжествовать победу в Гренобле. Разве это плохо?

Коба Цакадзе — Гришин больших трамплинов.

На вершину трамплина.

ОТ УРАЛА ДО ТИХОГО ОКЕАНА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СИБИРСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР. МНОГООБРАЗНА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ АКАДЕМГОРОДКА.

НАД КАКИМИ ПРОБЛЕМАМИ РАБОТАЮТ СЕГОДНЯ СИБИРСКИЕ ГЕОЛОГИ? КАКИЕ НОВЫЕ ПРИБОРЫ ПРИШЛИ НА СМЕНУ ТРАДИЦИОННОМУ МОЛОТКУ И ТЕОДОЛИТУ?

С ТАКИМИ ВОПРОСАМИ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Ю. КРИВОНОСОВ ОБРАТИЛСЯ К ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ГЕОЛОГИИ И ГЕОФИЗИКИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР.

А. А. ТРОФИМУК,
академик,
Герой Социалистического Труда

Главное богатство Сибири спрятано в подземных кладовых. И мы, геологи, считаем, что нет такого полезного ископаемого, которое не могло бы быть найдено здесь, и притом в таких количествах и в таких удобных местах, что можно начинать промышленную разработку.

Доказано, что углем Сибирь богаче любого другого района. Предполагаем, что так же обстоит дело с нефтью и газом. Об алмазах и говорить нечего — это общеизвестно. Большие перспективы открываются и в отношении запасов руд полиметаллов.

Как взять все богатства, как поставить их на службу народу? Для решения этой задачи и создан был наш институт, объединивший под своей крышей геологов и геофизиков; без такого совместного творческого сотрудничества серьезное изучение земных недр сегодня попросту невозможно.

Что же сделано нами и над чем еще предстоит поработать?

Геофизики уже провели серьезные детальные исследования огромной площади — от Урала до Енисейского кряжа — и сделали глубинное зондирование сейсмическими методами. Эти исследования при поисках нефти и газа составляют львиную долю всех работ. Трудное это дело. Выходит буровая партия, бурит скважины до ста метров глубиной, в них опускают взрывчатку, устанавливают приборы, которые при взрыве производят записи. Потом двигаются дальше, и все это в условиях бездорожья, через тайгу и болота. Пройти удается в основном по рекам. А каких денег это стоит! Но теперь геофизики предложили новый способ. Создана автоматически записывающая аппаратура, которая устанавливается с вертолета, а потом самолет бросает в указанные точки специальные бомбы. Эффект такого способа в десять раз выше да и дешевле значительно.

Одновременно ведется электроразведка. Ее тоже начинаем производить с воздуха. Таким образом, представляется возможность обнаружить целый ряд рудных ископаемых. Тут мы успешно работаем в содружестве с Институтом автоматики и электрометрии, совместно с ним разрабатываем аппаратуру и приборы.

Прямая наша цель — создать средства изучения земной коры. Однако в ходе работы мы часто выходим за рамки своих непосредственных обязанностей: появляются новые, так сказать, побочные идеи; мы их тоже запускаем в производство. Создаем опытные приборы и отправляем на рудники, в геологические организации, где их испытывают и внедряют непосредственно в практику.

Кстати, возвращаясь к проблеме разведки полиметаллов, могу добавить, что одним из новых методов, разработанных нами, является общая оценка территории с воздуха. И, обнаруживая при этом очаги залегания руд, мы потом уже детально их изучаем. Эту работу мы намереваемся завершить в ближайшее время.

Ну, и в заключение следует сказать, что за десять лет существования Сибирского отделения геологическое строение Сибири и Дальнего Востока было изучено гораздо в большей степени, чем за предыдущие сто лет. В дальнейшем темпы изучения еще повысятся. Основным районом получения полезных ископаемых, несомненно, станет территория к востоку от Урала,— ведь она составляет больше половины нашей страны.

• ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ •

АВТОМОБИЛИ НА ГОЛОВЕ

Мини-автомобильчики можно встретить не только на улицах, но и на головах у модниц. Вот такие фасоны шляп демонстрировались на выставке изделий из перьев в Лондоне.

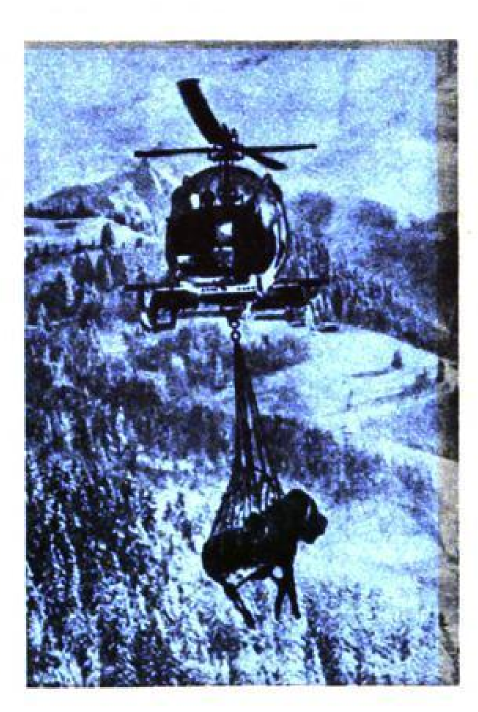
СКЛАДНОЙ ВЕЛОСИПЕД

Одна западногерманская фирма начала выпускать велосипеды, которые быстро разбираются и собираются. Они легки и свободно умещаются в рюкзаке.

ВЫСОТОБОЯЗНЬ

Лавина обрушилась на одно селение, затерянное в горах Швейцарии. Спасать людей и животных пришлось при помощи вертолета. К воздушному транспорту отнеслись спокойно все животные, кроме осла. Ему пришлось замотать голову одеялом.

АППЕТИТ СТРАУСА

Председатель Лондонского зоологического общества составил список предметов, найденных в утробе умершего страуса. Там оказались два носовых платка, три перчатки, кассета от кинопленки, веревка, карандаш, часть гребешка, звонок от будильника, кусок дерева, позолоченное ожерелье, две пуговицы и несколько монет.

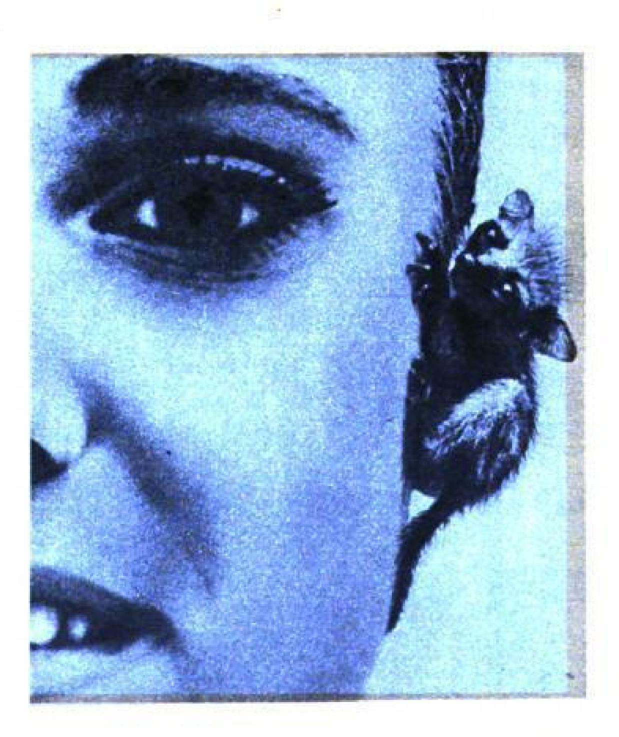
ТАРЗАН ЖИВЕТ В ИТАЛИИ

Пять лет назад дикие звери растерзали в джунглях Конго отца маленького Деодата Намбобона. Плачущего ребенка приютили обезьяны и выкормили его вместе со своими детенышами. Не так давно Деодата нашли и привезли в Италию. Мальчик еще не научился говорить, он выражает свои желания свистом и прыгает, как обезьяна.

БРАК И ТЕРМИТЫ

В городе Гатума (Северная Родезия) сорока супружеским парам пришлось явиться в муниципалитет, чтобы снова зарегистрировать брак. Дело в том, что термиты уничтожили несколько книг, где были зафиксированы бракосочетания.

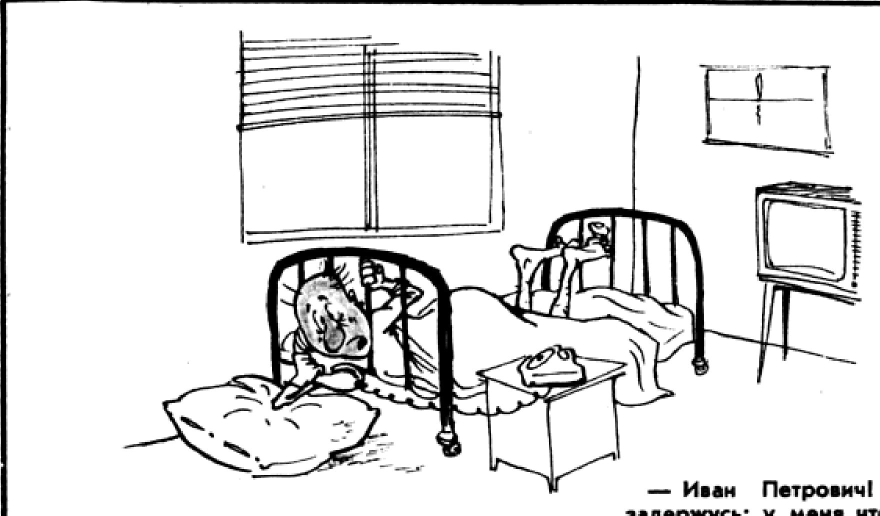
САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ

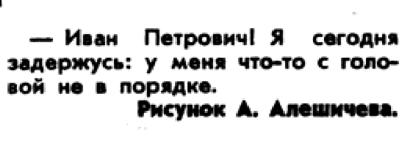
Семья Лоудс приобрела в одном лондонском зоомагазине миниатюрную обезьянку. Вскоре их питомица произвела на свет детеныша, который весит всего 65 граммов и ростом не больше человеческого уха.

РОДИЛСЯ В СОРОЧКЕ

На гонках моторных катеров у берегов Флориды судно спортсмена Джемса Гетскина распалось на мелкие части. Гонщик остался невредимым.

— Иван Петрович! Я сегодня задержусь: у меня что-то с головой не в порядке.
Рисунок А. Алешичева.

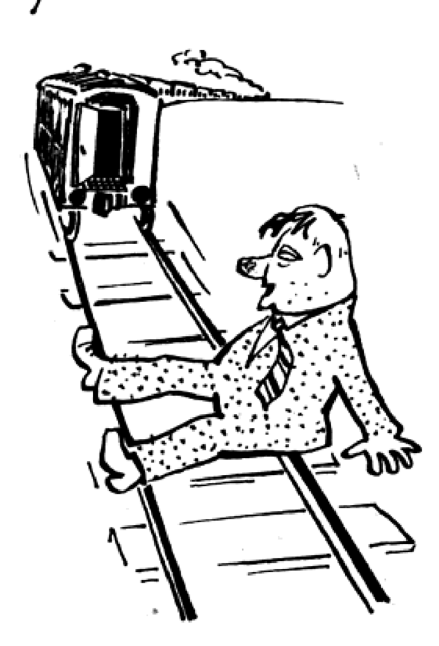
— Доктор говорит, что я хорошо выгляжу!
Рисунок В. Шкарбана.

— Перекурили, теперь за работу.
Рисунок О. Марковича.

— Я подобрала вам все о цирке.
Рисунок В. Воеводина.

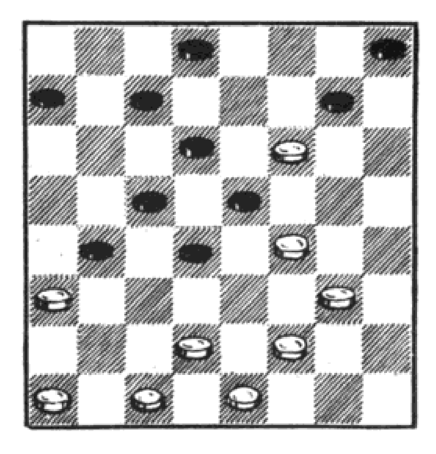
— Не могли сказать, что выход из вагона-ресторана с другой стороны!..
Рисунок В. Тамаева.

Без слов.
Рисунок В. Воеводина.

ШАШКИ

под редакцией мастера
Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА
М. Вал (Москва)
Белые начинают и выигрывают.

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакции журналов «Огонек», «Наука и жизнь», «Здоровье» получают много писем, в которых читатели жалуются на то, что им отказывают в продлении подписки.

Сообщаем читателям, что Главным управлением «Союзпечати» дано указание о продлении подписки на эти журналы.

По горизонтали:

3. Порт на Эльбе, в ГДР. 8. Болгарский народный музыкальный инструмент. 9. Роман А. Фадеева. 11. Вечнозеленый кустарник или дерево. 14. Морское млекопитающее. 16. Советский писатель. 17. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 18. Помощник профессора. 19. Вес товара без упаковки. 20. Торжественный смотр войск. 22. Отрасль геологии. 23. Денежная единица Чехословакии. 24. Вид внешней торговли. 25. Крестьянское селение. 26. Центр Алтайского края. 28. Летательный аппарат. 30. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 31. Камера для глубоководных работ.

По вертикали:

1. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 2. Река в Канаде. 4. Автор романа «Три мушкетера». 5. Парусные сани. 6. Итальянский астроном. 7. Машинный агрегат. 10. Поэма К. Ф. Рылеева. 12. Древнегреческий комедиограф. 13. Материк. 15. Научное сочинение. 16. Остров в Балтийском море. 21. Чешский композитор. 23. Произведение живописи. 26. Птица семейства соколиных. 27. Хищное животное. 29. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 30. Спортивная лодка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 11

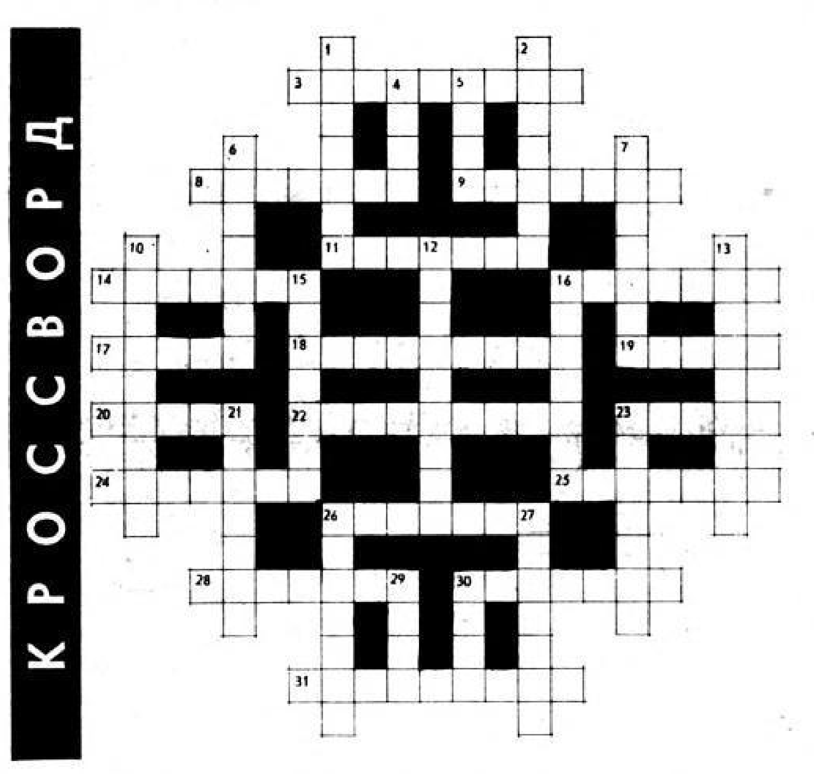
По горизонтали:

4. Профессор. 6. Герман. 7. Стадион. 8. Гермес. 11. Арно. 12. Облако. 14. Пилотаж. 17. Анималист. 18. Микроскоп. 21. Оксфорд. 23. Шаблон. 25. Ритм. 28. Партер. 29. Актиний. 30. Акация. 31. Числитель.

По вертикали:

1. Фокстрот. 2. Осьмина. 3. Доминанта. 5. Карета. 6. Гюго. 9. Рубка. 10. «Синица». 13. «Косарь». 15. Жако. 16. Кито. 19. Офорт. 20. Причастие. 22. Сибирцев. 24. Бианки. 26. Миткаль. 27. Ария.

КРОССВОРД

Лев КОНДЫРЕВ

ПОЛЕТ ОРЛА

Седой орлан,
Расправив плечи круто,
Вдруг прянул вверх,
Покинув черный мыс.
На стропах сосен
Шелком парашюта
Багряный небосвод
Над ним повис.
Гранитною трубой
водоворота
Внизу гремела
Грозная река.
И тени скал —
Свидетели полета —
Мелькали, как эпохи
И века.
Орлан спешил...
Он шел знакомым рейсом
К стадам косуль,
Пружиня взмах крыла.
Под ним Говерла
Снежным эдельвейсом
В алмазах
Ледников своих цвела.
Клубилась даль
Туманом синеватым,
По склонам круч
Ромашки запыля.
Казалось, что
Весь мир
Вдруг стал крылатым:
Деревья,
Небо,
Травы
И земля.
Живи и здравствуй,
Мати Верховина,
Красой чудовой
Путников маня.
Как был бы
Счастлив я,
Когда, как рідна сына,
Руками гор ты обняла меня.

На первой странице обложки: В одном из залов Русского музея. Ленинград.

На последней странице обложки: Бронзовый страж у здания музея.

Фото Н. Ананьева и Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00375. Сдано в набор 26/II-68г. Подписано к печ. 12/III 1968 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 590. Заказ № 630.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ворохта. Они идут в горы... Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

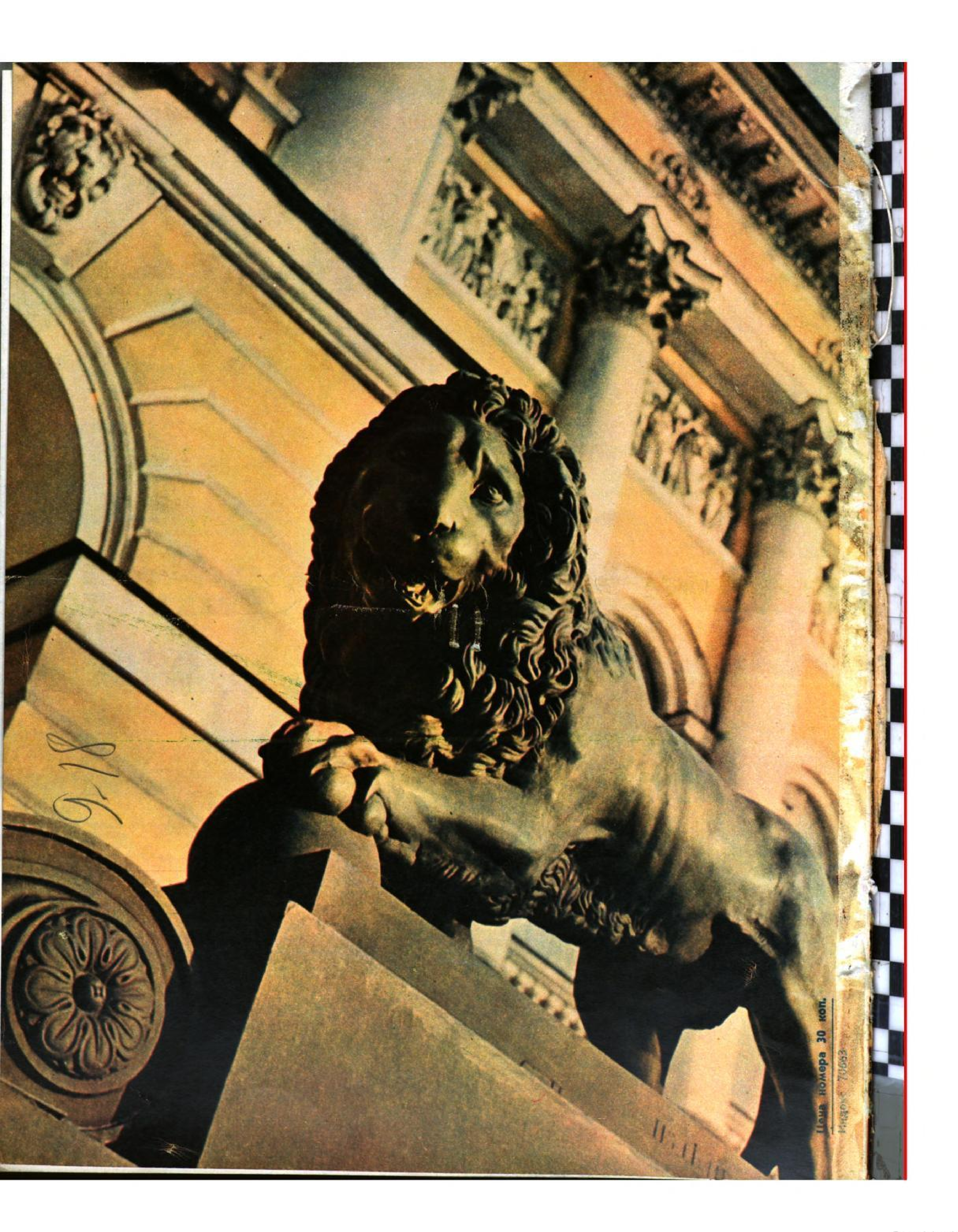
Восточное Прикарпатье, пушистые снега, рай для туристов и лыжников...

Шесть часов пути от Львова — и вы в горах, которые на равных могут поспорить с прославленными Альпами.

Ворохта знаменита своей недавно построенной туристской базой и прекрасными местами для любителей горнолыжного спорта. Стоит свернуть в сторону от главной улицы поселка, пройти по мостику над горной речкой, и начинается подъем в горы. Не будем утверждать, что путь вам предстоит легкий. Нет еще в Ворохте подъемников, и не раз вы в изнеможении остановитесь на крутом снежном склоне. Но как быстро восстанавливает дыхание целебный карпатский воздух! Целый час трудного подъема вас не утомил. Наоборот, глаза отдохнули на великолепной панораме, которая раскрывается перед вами. Когда же на высоте 1 100 метров над уровнем моря вы увидите хвойные леса, домики на полонине, когда наденете лыжи, последнюю усталость как рукой снимет.

С каждым днем все дальше протягивается маршрут ваших прогулок, и вот вы уже начинаете подумывать о рейде через перевал, в Закарпатье, к Ясиня, гуцульской столице, как называют этот живописный городок, раскинувшийся на берегах Черной Тисы. Какой турист, приехавший в Карпаты, не мечтает об этих местах, где возвышается Говерла, где живут радушные хозяева здешних гор — гуцулы!

Побывайте в Карпатах зимой-и вы запомните их на всю жизнь.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70693